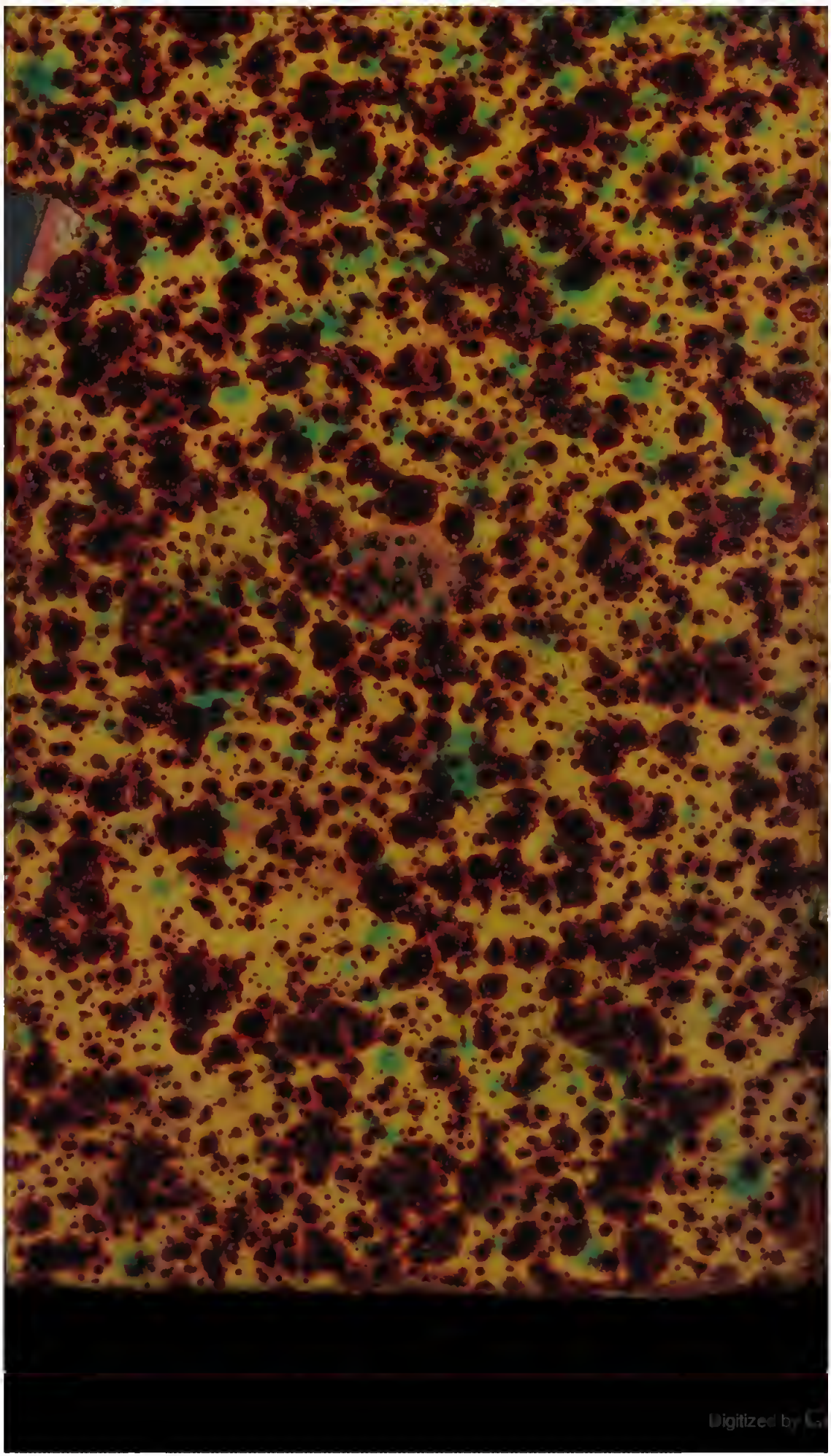
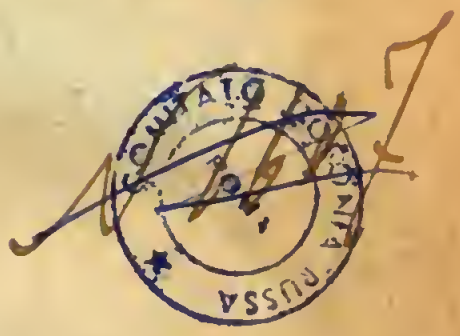


Digitized by Google

Digitized by Google

Z 964/4



NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II.
ROMA
GOGOL
B
3354 /2.4

Digitized by Google

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Gr.C.4 B 3334/2.4

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 10 Апрѣля, 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE

PUF0250211
2.4 PUF0250211

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Тюліери. — Предвидѣніе царскаго сана.—Народъ правъ.—Термометръ мнѣнія.—Прогулка по галереѣ.—Замѣчательное изреченіе. — Дипломатическій Корпусъ. — Торжественное представленіе.—Г-жа Бонапарте и Королева. — Счастливое похищеніе.—Г. Дефе.—Отложеніе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти.—Г. Фротте.—Безполезный успѣхъ. — Изученіе Вандейцевъ.—Воспоминаніе о Шареттѣ.—Собственноручное письмо.—Обстоятельныя подробности.—Генералъ Траво и Шареттъ.—Одежда осужденнаго.—Одна минута волненія.—Мужественная смерть. — Болѣзнь междоусобія. — Жоржъ допущенъ къ частному свиданію.—Осторожность Раппа и довѣрчивость Бонапарте.—Жаркій разговоръ.—Мнѣніе Наполеона о Жоржѣ.

И такъ мы находились въ Тюліери! на утро послѣ этого, столь желаннаго дня когда мы ночевали въ Королевскихъ чертогахъ, я сказалъ

Наполеону, вошедъ къ нему въ комнату: «И такъ, Генералъ, теперь вы наконецъ безпрепятственно достигли народныхъ кликовъ. Помните ли вы слова, сказанныя мнѣ вами въ Анненской улицѣ, года два тому назадъ (*)? — Правда, очень помню. Вотъ что значитъ захотѣть. Этому всего только два года! А вѣдь мы съ тѣхъ поръ не дурно дѣйствовали? Вообще я очень доволенъ; вчерашній день шелъ весьма хорошо. Не ужели ты полагаешь что всѣ эти люди льстили мнѣ отъ души? но радость народа была искренна; народъ правъ. Притомъ же справься съ великимъ термометромъ мнѣнія, спроси о курсѣ; онъ съ каждымъ днемъ возвышается; послѣ этого пусть болтаютъ Якобинцы. Но только не слишкомъ громко! . . . .»

Когда Бонапарте одѣлся, то мы пошли проходиться по Діаниной галереѣ; онъ разсматривалъ статуи, поставленныя тамъ по его приказанію и окончательно вступилъ во владѣніе своимъ новымъ жилищемъ. Я помню, что между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ; этого недовольно чтобъ быть въ Тюліери; надобно здѣсь остаться. Кто не жилъ въ этомъ дворцѣ? Разбойники, члены Конвента. Взгляни вотъ домъ твоего брата. Не изъ него ли я видѣлъ какъ осаждали Тюліери и захватили добраго Лудови-

(*) Я бы могъ сдѣлаться Королемъ, но еще не пришло время.

ка XVI? Но будь спокоенъ, пусть они сюда пожалуютъ! . . . .»

Въ эпоху перемѣщенія Правительства изъ Люксембурга въ Тюліери, вотъ какой былъ составъ дипломатическаго Корпуса въ Парижѣ. Нужнымъ считаю наименовать здѣсь Министровъ, дабы читатель могъ видѣть съ какими Державами Франція находилась тогда въ мирѣ.

Г. Г. Маркизъ Мусквицъ, Посланникъ Испанскій.
Юстиніани, Посланникъ Римскій.
Сербеллони, Посланникъ Цизальпинской Республики.
Шиммельпеннинкъ, Посланникъ и Полномочный Министръ Батавской Республики.
Цельтнеръ Полномочный Министръ Гельветической Республики.
Баронъ Рейтценштейнъ Полномочный Министръ Баденскій.
Бонарди, Полномочный Министръ Лигурійской Республики.
Мантей, Повѣренный въ дѣлахъ Даніи.
Коппъ, Повѣренный въ дѣлахъ Гессенъ-Касселя.
Сигнель, Главный Комерческій агентъ и повѣренный въ дѣлахъ Швеціи.
Классенъ, Главный Комерческій агентъ Даніи.

Дипломатическій Корпусъ, такимъ образомъ

составленный имѣлъ у Консула 2 Вантоза торжественную аудіенцію. Во дворцѣ приготовили залу нарочно для этой церемоніи, сдѣлавшейся новою, какъ и все, тогда происходившее. Ужъ начинали рыться въ старинномъ церемоніялѣ Французскаго двора; и въ ожиданіи Камергеровъ и Оберъ-Церемоніймейстера, Государственному Совѣтнику Г. Бенезешу, бывшему Министру Внутреннихъ Дѣлъ, поручили исправленіе ихъ обязанностей.

Когда всѣ Посланники собрались, то Г. Бенезешъ ввелъ ихъ въ кабинетъ, въ которомъ были три Консула, Министры и Государственный Совѣтъ. Посланники представили свои вѣрительныя грамоты Первому Консулу, который отдалъ ихъ Министру Внѣшнихъ Сношеній. За этимъ представленіемъ послѣдовали многія другія, какъ на примѣръ Апеляціоннаго Суда, коего Предсѣдателемъ былъ тогда прежній адвокатъ Тарже, отказавшійся защищать Лудовика XVI. Все это, какъ я сказалъ, происходило въ присутствіи трехъ Консуловъ; но Первый Консулъ отличался отъ своихъ товарищей въ особенности тѣмъ, что по выходѣ изъ этихъ офиціяльныхъ аудіенцій, отправлялись къ Г-жѣ Бонапарте, какъ нѣкогда къ Королевѣ, послѣ представленія Королю.

Такимъ образомъ старинные Царскіе обычаи мало по малу вводились въ Королевскую оби-

тель. Между правами, присвоенными коронѣ и не предоставленными Первому Консулу Конституцiею VIII года, то котораго онъ очень добивался, и которое присвоилъ себѣ чрезъ самое счастливое изъ всѣхъ похищенiй—было право даровать помилованiе. Я довольно доказалъ, что я не былъ льстецомъ Наполеона и его памяти, а потому кажется можно повѣрить тому что я говорю: Бонапарте ощущалъ влеченiе спасать людей, осужденныхъ закономъ и когда повелительныя нужды его политики,—коимъ надобно признаться, онъ всѣмъ жертвовалъ,—ему то позволяли, то это причиняло ему сильную радость: онъ охотно бы поблагодарилъ тѣхъ, которымъ онъ оказывалъ такiя услуги, только за то, что они доставили ему случай оказать ихъ. Таковъ былъ Консулъ: я не говорю объ Императорѣ. Бонапарте, Первый Консулъ, былъ доступенъ ходатайству дружбы въ пользу опальныхъ; слѣдующая черта, коею я былъ сильно тронутъ, представляетъ неоспоримое тому доказательство.

Мы были еще въ Люксембургѣ когда Г. Дефё, Французскiй эмигрантъ былъ захваченъ въ Тиролѣ съ оружiемъ въ рукахъ Республиканскими войсками; по отведенiи въ Гренобль, его посадили въ военную тюрьму этого города. Въ Генварѣ мѣсяцѣ, Генералъ Ферино, начальствовавшiй тогда въ Греноблѣ, получилъ повелѣнiе

предать суду молодаго эмигранта. Законы противъ эмигрантовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, были ужасны, и судьи не смѣли показывать снисходительности. Поутру предавали суду, въ тотъ же день осуждали, а вечеромъ разстрѣливали:—таковъ былъ обыкновенный ходъ дѣлъ въ этихъ неумолимыхъ судилищахъ. Одна изъ моихъ родственницъ, дочь Г. Пуатренкура, пріѣхала изъ Сана въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить меня объ ужасномъ положеніи Г. Дефе; она сказала мнѣ что Г. Дефё находится въ родствѣ съ почетнѣйшими семействами города Сана и что всѣ принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе.

Я отлучался на нѣсколько минутъ для свиданія, котораго просила у меня дѣвица Пуатренкуръ; возвратясь, я нашелъ Перваго Консула удивленнымъ тѣмъ, что онъ одинъ въ кабинетѣ, откуда я имѣлъ привычку не уходить безъ его вѣдома. «Гдѣ ты это былъ?» спросилъ онъ у меня.—«Я видѣлся съ одною изъ моихъ родственницъ, которая проситъ у васъ милости.—Какой это?» Я разсказалъ ему тогда о печальномъ положеніи Г. Дефё. Первый отвѣтъ его былъ ужасенъ. «Нѣтъ пощады!» вскричалъ онъ, «нѣтъ пощады эмигрантамъ! тотъ кто сражается противъ своего отечества есть сынъ, желающій убить мать свою.» По прошествіи этого перваго гнѣва, я опять началъ просить;

представилъ ему молодость Г. Дефё и благопріятное впечатлѣніе, которое это произведетъ. «Ну пиши,» сказалъ онъ мнѣ: *Первый Консулъ повелѣваетъ остановить судъ надъ Г. Дефё.* Онъ подписалъ этотъ лаконическій приказъ, который я тотчасъ отправилъ къ Генералу Ферино; и увѣдомивъ о томъ мою родственницу, я остался спокоенъ на счетъ слѣдствій этого дѣла.

На другой день утромъ, едва я вошелъ въ комнату Перваго Консула, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Чтожъ, Буріеннъ, ты ничего не говоришь мнѣ о твоемъ Г. Дефё; доволенъ ли ты?—Генералъ, я не нахожу словъ для выраженія моей признательности.— Вотъ еще! . . . Но я не люблю дѣлать вещи въ половину. Напиши къ Ферино, что я хочу, чтобы Г. Дефё былъ тотчасъ освобожденъ. Можетъ статься онъ заплатитъ мнѣ неблагодарностью, ну чтожъ . . . тѣмъ хуже для него. Такихъ вещей, Буріеннъ проси у меня всегда; если я откажу, то значитъ, что я ужъ не могъ сдѣлать иначе.»

Я отправилъ на свой счетъ нарочнаго курьера, который пріѣхалъ во время для того, чтобы спасти жизнь Г. Дефё. Мать его, у которой онъ былъ единственный сынъ и Г. Бланше, его дядя, нарочно пріѣхали изъ Сана въ Парижъ для засвидѣтельствованія мнѣ своей благодарности. Я видѣлъ радостныя слезы матери,

которой по всей вѣроятности пришлось бы горько плакать и сказалъ ей, согласно съ моими чувствами, что я очень вознагражденъ успѣхомъ, мною исходатайствованнымъ (*).

Ободренный этою счастливою удачею и благосклонными словами Перваго Консула, я попытался просить помилованія Графу Фротте, о которомъ меня убѣждали самыя почетныя особы. Графъ Лудовикъ Фротте сначала противился всякимъ переговорамъ о замиреніи съ Вандеею; наконецъ, въ слѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ сраженій, въ концѣ Генваря, онъ былъ доведенъ до необходимости самъ дѣлать вызовы, которыхъ онъ не принялъ. Въ эту эпоху онъ написалъ къ Генералу Гидалю письмо, въ которомъ онъ дѣлалъ мирныя предложенія. Ему послали охранный листъ для проѣзда въ Алансонъ. Къ несчастію Г. Фротте, въ то самое время, какъ ему отправляли требуемый имъ охранный листъ, писалъ къ своимъ сподвижникамъ убѣждая ихъ не покоряться и не допускать себя обезоруживать. Это письмо было перехвачено; оно придало его предложенію о переговорахъ, совершенный видъ обмана; что подтверждалъ и манифестъ Г-на Фротте, правда, что изданный прежде предложеній о примиреніи, но въ которомъ онъ возвѣщалъ

(*) Г. Дефё, избѣгнувшій вѣрной смерти, имѣетъ теперь трехъ дѣтей и живетъ счастливо и спокойно въ Санѣ.

всѣмъ своимъ сообщникамъ о скоромъ концѣ *преступнаго замысла Бонапарте.*

Мнѣ было труднѣе чѣмъ въ дѣлѣ Г. Дефё склонить Перваго Консула къ снисходительности. Однакожъ я столько его убѣждалъ, такъ усиливался выставить ему счастливое дѣйствіе, которое произведетъ его великодушіе, что наконецъ получилъ приказаніе остановить судъ. Какой урокъ получилъ я тогда о несчастіяхъ, въ которыя можетъ вовлечь потеря времени! Не полагая, чтобы дѣла зашли такъ далеко, какъ было, я не тотчасъ отправилъ курьера съ приказомъ о прекращеніи суда; между тѣмъ Министръ Полиціи обрекъ уже свою жертву; онъ не терялъ времени когда слѣдовало сдѣлать зло: а потому, рѣшась не знаю по какимъ причинамъ, погубить Г. Фротте, онъ послалъ повелѣніе ускорить надъ нимъ судъ. Графъ Лудовикъ Фротте былъ преданъ оному 28 Плювіоза, осужденъ того же числа и казненъ на другой день, наканунѣ переѣзда нашего въ Тюліери. Ужасная поспѣшность Министра сдѣлала тщетнымъ успѣхъ моего ходатайства. Я имѣлъ причину думать, что послѣ того дня какъ Первый Консулъ далъ мнѣ по этому дѣлу отсрочку, до него тайно дошло какое либо новое противъ Г. Фротте обвиненіе; ибо узнавъ о его смерти, онъ показался очень равнодушнымъ къ замедленію въ отсылкѣ приказа о помилованіи;

онъ сказалъ мнѣ только съ несвойственною ему суровостью: «Надобно тебѣ было лучше распорядиться. Тутъ ужъ не я виноватъ.»

Сказанное мною о великодушіи Перваго Консула къ Эмигранту, взятому съ оружіемъ въ рукахъ и къ Вандейскому вождю, естественнымъ образомъ приводитъ мнѣ на память то что Бонапарте думалъ и говорилъ о героѣ-разбойникѣ Вандейскихъ армій, Маркизѣ де Шареттѣ.

Бонапарте всегда считалъ Шаретта однимъ изъ самыхъ пламенныхъ враговъ Республики и однимъ изъ твердѣйшихъ подпоръ Монархіи. Читатели помнятъ, что въ собственноручномъ его описаніи дня 13 Вандеміера, онъ говоритъ что большая часть взятыхъ въ этотъ день плѣнныхъ были Шуаны Шаретта. Этотъ Шуанскій Генералъ былъ казненъ 29 Марта 1796 года. Въ это время Бонапарте только что пріѣхалъ изъ Италіи и начиналъ поприще побѣдъ своихъ: онъ объ немъ не думалъ. Въ эпоху его Консульства, до которой мы теперь достигли, онъ въ особенности занимался изученіемъ духа, оживлявшаго Вандейскихъ мятежниковъ, которыхъ онъ старался усмирить. Между присланными къ нему разными бумагами, находилось нижепомѣщенное письмо о смерти Шаретта, коего подлинникъ у меня сохранился.

Нантъ, 11 Жерминаля IV года.

«Тебѣ конечно непріятно будетъ, любезный

«другъ, имѣть точныя подробности о смерти «слишкомъ знаменитаго Шаретта; любопытно «изучать такихъ мужей, которые подобно ге«роямъ, долженствуютъ занимать современни«ковъ и потомство. О цѣлой жизни ихъ «судятъ по ихъ послѣднимъ минутамъ; сби«раютъ подробности объ оныхъ, наблюдаютъ, «сближаютъ оныя и наконецъ успѣваютъ со«ставить себѣ о нихъ здравое понятiе, стольже «удаленное отъ ужаса какъ и отъ удивленiя, «коимъ духъ партiй облекаетъ ихъ поступки.

«Шареттъ, взятый 2 числа сего мѣсяца Ге«нералъ-Адъютантомъ Траво, былъ сначала отве«зенъ въ Анжеръ; Нантъ потребовалъ его къ «себѣ. Справедливость требовала, чтобы мѣсто «ненавистнаго его торжества сдѣлалось и мѣстомъ его справедливой казни. Онъ прибылъ «туда въ часъ по полуночи. Вышедъ изъ лодки, «онъ сказалъ съ сильнымъ волненiемъ груди: «*Такъ вотъ до чего доселе меня эти бездѣль«ники Англичане!* Это была единственная мину«та въ которую въ немъ замѣтили какое-то «волненiе. Будучи отведенъ въ домъ Буффе, онъ «спросилъ стаканъ воды; послѣ того ему доз«волили нѣсколько отдохнуть и онъ заснулъ.

«На другой день утромъ около девяти часовъ, «его отвели къ Генералу Дютилю, для допроса. «Не знаю точно что тамъ происходило; но меня «увѣряли что онъ отказался отвѣчать на многiе

«вопросы Генерала и сказалъ что послѣ . . . .
«онъ не зналъ другаго, бо́льшаго бездѣльника;
«что онъ по правдѣ сказать дрался за противо-
«Революцію, но что онъ не принадлежалъ къ
«его партіи и отрицался отъ него. Гренадеры и
«Егеря и кавалерія народной Гвардіи, были подъ
«ружьемъ; нарядили двѣ Роты моего полка, и двѣ
«Роты Пантскаго Легіона. Шареттъ, посреди этой
«стражи, предшествуемый человѣками шестью
«Генераловъ и окруженный нѣсколькими Жандар-
«мами, чрезъ улицы Св. Іакова и Кребиліонову и
«чрезъ площадь Равенства, былъ отведенъ обратно
«въ тюрьму поКассерійской улицѣ. Множество на-
«рода собралось на пути его и на балконахъ. Кли-
«ки: *Да здравствуетъ Республика!* часто разда-
«вались; но отъ того ли что плѣнника сопровожда-
«ла грозная стража или отъ того что мы воспрія-
«ли лучшіе нравы и что время ярости минова-
«лось,—а негодованіе было удержано и его изба-
«вили отъ оскорбительныхъ личностей.

«Онъ былъ въ сѣрыхъ панталонахъ и въ такой
«же курткѣ безъ всякаго другаго отличія кромѣ
«узкаго зубчатаго галуна на воротникѣ: на головѣ
«у него былъ бѣлый платокъ, слегка повязан-
«ный по Креольски. Онъ былъ раненъ въ голову
«и правое плечо его было еще обагрено кровью.
«Лѣвая рука была подвязана платкомъ. Сабель-
«нымъ ударомъ ему отрубили три пальца этой
«руки. Видъ его былъ самоувѣренъ, походка

«тверда и величайшее хладнокровіе царствовало «на лицѣ его: цвѣтъ лица его не былъ уже, какъ «при замиреніи, бѣлъ и ровенъ. Изнуренія его по«темнили. Онъ смотрѣлъ на все безъ наглости «и безъ низости.

«На другой день, 9 числа, онъ былъ сужденъ «и выдержалъ равно свой характеръ, отвѣчая «на всѣ вопросы безъ гнѣва и съ хладнокровіемъ. «Между сдѣланными ему вопросами вотъ тѣ, кото«рые показались мнѣ наиболѣе занимательными:

«У него спросили, не обѣщали ли ему на«родные представители при замиреніи, Короля. «Онъ отвѣчалъ что нѣтъ; и что они никогда не «говорили ему объ этомъ, ни во всенародныхъ «рѣчахъ своихъ, ни въ частныхъ разговорахъ.

«Зачѣмъ онъ нарушилъ миръ? — Затѣмъ что «онъ узналъ, что представитель Годенъ сбирает«ся послать войска для того чтобы захватить «его и похитить вопреки договору.

«Имѣлъ ли онъ переписку съ эмигрантами и «съ Иностранными Державами?—Онъ сказалъ, что «получилъ только пятнадцать тысячъ франковъ «отъ Англичанъ, съ которыми онъ имѣлъ сноше«нія только во время нахожденія ихъ на Божіемъ«Островѣ (Jle Dieu); что онъ получилъ отъ нихъ «лишь очень мало оружія и амуниціи; что не «имѣлъ переписки съ эмигрантами; а получилъ «только лоскутокъ бумаги отъ Графа д'Антрега и «отъ Графа д'Артуа; сверхъ того отъ Лудовика

«XVIII патентъ на чинъ Генералъ-Лейтенанта.

«Ему замѣтили что онъ не точенъ въ этомъ отвѣтѣ.

«Имѣлъ ли онъ переписку? — Нѣтъ; а когда «ему встрѣчалась нужда въ оружіи и въ амму«ниціи, то онъ посылалъ за ними мужиковъ, ввѣ«рясь ихъ проворству.

«Когда ему напомнили объ убійствахъ въ Ма«шекулѣ и въ другигъ мѣстахъ, имъ произведен«ныхъ, то онъ довольствовался отвѣчать отрица«тельнымъ движеніемъ головы и горькою улыб«кою какъ бы для того чтобы дать почувство«вать, что онъ исполнялъ ремесло свое. Впрочемъ «онъ сознался, что былъ Главнокомандующимъ «и въ пользу Монархіи; но что за нѣсколько «дней передъ тѣмъ какъ его захватили, одинъ «Генералъ, котораго онъ не назвалъ, предлагалъ «ему покровительство, если онъ покинетъ владѣ«нія Республики; что онъ оставилъ это письмо «у священника, ибо въ его положеніи, со всѣхъ «сторонъ тѣснимый, онъ не могъ возить съ со«бою бумагъ; что онъ отвѣтствовалъ только Ге«нералу, что ему нужно нѣсколько срока для «постановленія условій. Опираясь на это, онъ «просилъ отсрочки и отправленія его въ Парижъ, «какъ Комартена. Онъ не переставалъ хвалить «храбраго, великодушнаго Траво и стрѣлковъ «его (*).

(*) Наполеонъ сказалъ на Островѣ Св. Елены, что это предло-

«Когда судьи удалились для балтировки, то «онъ разговаривалъ съ окружавшими его; онъ «разсказывалъ имъ обстоятельства своего плѣне«нiя и отвѣчалъ тѣмъ, которые удивлялись тому «что онъ не лишилъ себя жизни, что самоубiй«ство было всегда противно его правиламъ и «что онъ считалъ его подлостью.

«Когда ему прочли приговоръ, то крикъ: *Да «здравствуетъ Республика*, раздался во всей залѣ. «Онъ выслушалъ его безъ волненiя, черты его «ни на минуту не измѣнились. Онъ потребовалъ «дозволенiя говорить: молчанiе воцарилось. Онъ «сказалъ что не старается отсрочить часъ своей «смерти, но что проситъ Комисiю сдѣлать ему «удовольствiе, послать за письмомъ, имъ упо«мянутымъ. Въ пять часовъ, онъ былъ отведенъ «на площадь *Земледѣльцевъ*. Пять тысячъ че«ловѣкъ составляли каре; Священникъ Гиберъ «находился при послѣднихъ его минутахъ: Онъ «не хотѣлъ, ни стать на колѣни, ни дозволить «завязать себѣ глаза; но представя грудь свою «взводу, долженствовавшему въ него выстрѣлить, «выдернувъ лѣвую руку изъ платка, коимъ она «была завернута и ставъ бокомъ, подалъ знакъ «что готовъ; выстрѣлъ раздался и онъ палъ «мертвый. Ему было тридцать три года; ростъ «его былъ около пяти футъ четырехъ дюймовъ,

---

женiе сдѣлалъ Шаретту Генералъ Гошъ, 21 Февраля 1796. Это было чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ его взяли.

«волосы черные, брови черныя же и прямыя, «глаза впалые и маленькіе, но быстрые; носъ «длинный съ горбомъ, ротъ большой и вдав«шійся, подбородокъ продолговатый съ рябинами, грудь широкая, ляжки довольно полныя «и правильныя, ноги нѣсколько тонкія, голосъ «слабый, женскій и нѣсколько рѣзкій; станъ «ловкій.

«Это мужество или лучше сказать эта не«подвижность, есть послѣдствіе трудныхъ об«стоятельствъ, въ которыхъ онъ находился. Это «не была душа укрѣпленная философіею, но не«способная къ сильнымъ страстямъ. Одинъ мо«рякъ, бывшій съ нимъ въ морѣ, разсказывалъ «мнѣ что въ послѣднюю войну, Шареттъ, быв«шій тогда флотскимъ Лейтенантомъ, прохажи«вался по палубѣ; неосторожный матросъ об«лилъ ему ногу кипящею смолою; оборотясь къ «нему, онъ хладнокровно сказалъ: «Ты обварилъ «меня, бездѣльникъ. . . !» Вильнёвъ, коего пат«ріотизмъ и таланты тебѣ извѣстны, былъ его «защитникомъ. Онъ увѣряетъ, что это былъ че«ловѣкъ очень обыкновенный, безъ способовъ и «безъ познаній. Подобно всѣмъ вождямъ партій, «онъ пріобрѣлъ большую славу; подобно всѣмъ «вождямъ партій, онъ воспользовался именемъ, «довѣріемъ и талантами тѣхъ, которые до него «начальствовали; подобно всѣмъ вождямъ партій, «онъ погибъ.»

Digitized by Google

Бонапарте заставилъ меня два раза прочитать письмо о Шареттѣ и нѣсколько другихъ бумагъ, къ оному приложенныхъ ибо, какъ уже сказано, онъ тогда изучалъ Вандею. Междоусобная война казалась ему ужасною вещью. Мы нашли еще въ другомъ донесенiи, что Шареттъ, выходя изъ лодки, въ которую его посадили для перевезенiя изъ Анжера въ Нантъ, ощутилъ единственное движенiе горести или нетерпѣнiя, которое могли въ немъ замѣтить и сказалъ съ тяжкимъ вздохомъ также какъ упомянуто въ вышеприведенномъ письмѣ: «Такъ вотъ до чего довели меня эти бездѣльники Англичане!»

Бонапарте, не вѣрившiй добродѣтели людей, вѣрилъ ихъ чести. Я видѣлъ тому доказательство при одномъ случаѣ, который заслуживаетъ принадлежать исторiи. Когда, въ первое время пребыванiя нашего въ Тюлiери, онъ пригласилъ главныхъ вождей Вандеи для водворенiя мира въ этой злополучной землѣ, то онъ допустилъ въ частное свиданiе Жоржа Кадудаля. Расположенiе, въ которомъ я видѣлъ его наканунѣ дня, назначеннаго для этого свиданiя, возбудило во мнѣ самыя благопрiятныя надежды. Раппъ ввелъ Жоржа въ большую залу, имѣвшую окна въ садъ и оставилъ его съ Первымъ Консуломъ; но возвратясь самъ въ кабинетъ,

гдѣ я находился, онъ не заперъ ни одной изъ дверей парадной спальни, которая отдѣляла кабинетъ отъ залы. Мы увидѣли Перваго Консула и Жоржа прохаживающимися отъ окна во внутренность залы и обратно; это продолжалось очень значительное время. Разговоръ казался весьма оживленнымъ и мы услышали многое, но безъ связи. Въ тѣлодвиженіяхъ и въ словахъ обнаруживалась иногда сильная досада. Свиданіе ни къ чему не привело; Первый Консулъ, замѣтивъ, что Жоржъ нѣсколько тревожится на счетъ своей личной безопасности, успокоилъ его самымъ благороднымъ образомъ: *Вы дурно видите вещи*, сказалъ онъ ему, *и напрасно не хотите слышать ни о какомъ соглашеніи; но если вы настоятельно захотите возвратиться въ свою землю, то проѣдете также свободно, какъ вы прибыли въ Парижъ.* Возвратясь въ свой Кабинетъ, Генералъ Бонапарте спросилъ у Раппа: *Скажи мнѣ Раппъ, за чѣмъ ты оставилъ двери отворенными и самъ остался съ Бурiеннолъ?*—Еслибъ вы заперли двери, я опять отворилъ бы ихъ. Чтобы я оставилъ васъ однихъ съ такимъ человѣкомъ? вы думаете что это такъ безопасно.—*Стыдись Раппъ, что ты забралъ себѣ въ голову.* Когда мы остались одни, то Первый Консулъ показался мнѣ довольнымъ этою преданностью, но очень огорченнымъ отказомъ Жоржа. *Онъ не*

такъ какъ должно видить вещи, сказалъ онъ мнѣ; *но пылкость его правилъ проистекаетъ отъ благородныхъ чувствъ, которыя должны доставлять ему много влiянiя между своими. Однако это надобно же какъ нибудь кончить.*

Digitized by Google

++

ГЛАВА II.

Достоинство Франціи.—Напперъ-Тенди и Блаквель.—Французскіе и Англійскіе подданные.—Выдача.—Жалоба Французскаго Правительства Гамбургскому Сенату.—Взятка по Египетски.—Четыре съ половиною миліона, непоступившіе въ Государственную казну.—Раздача этой суммы.—Недѣйствительный вексель.—Безполезный подарокъ.—Неблагопріятный отвѣтъ Г. Фермона.—Пятнадцать тысячъ франковъ въ ящичкѣ письменнаго стола.—Долги Іозефины.—Извѣщеніе, сдѣланное Талейраномъ.—Намѣреніе расплатиться.—Затрудненіе Іозефины.—Признаніе въ половинѣ.—Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ.—Уплаченные долги.—Прогулки на большой дорогѣ.—Любезность Іозефины.—Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ.—Мой Рюельскій домикъ.—Вѣчные просители.—Образъ жизни въ Парижѣ.—Сѣрый сертукъ.—Вечернія и утреннія прогулки.—Бонапарте бранитъ Перваго Консула.

Изъ всѣхъ дѣлъ Лудовика XIV, Бонапарте наиболѣе удивлялся тому, что онъ заставилъ Посланниковъ Генуезскаго Дожа пріѣхать въ

Digitized by Google

Парижъ для извиненія предъ нимъ. Малѣйшее посягательство въ чужихъ земляхъ на права и достоинство Франціи, выводило его изъ себя. Эта потребность заставлять уважать Французское Правительство, въ особенности обнаружилась при одномъ случаѣ, который надѣлалъ тогда много шуму, но благодаря золоту, кончился дружелюбно.

Два Ирландца Напперъ-Тенди и Блаквель, воспитанные во Франціи и состоящіе Офицерами въ спискахъ Французской арміи, пріѣхали въ Гамбургъ; и когда Британское Правительство потребовало ихъ, какъ измѣнниковъ своему отечеству, то они были выданы; но поелику Французское Правительство считало ихъ подданными Франціи, то отъ сего возникли сильныя жалобы на Гамбурскій Сенатъ.

Блаквель былъ однимъ изъ вождей Соединенныхъ-Ирландцевъ. Вступивъ во Французское подданство, онъ достигъ до званія эскадроннаго командира; и при поѣздкѣ его съ тайнымъ порученіемъ въ Норвегію, судно, на которомъ онъ находился, разбилось у береговъ сего Королевства. Онъ отправился въ Гамбургъ, гдѣ Сенатъ взялъ его подъ стражу по требованію Г. Крафёрта, Англійскаго Посланника. Просидѣвъ годъ въ темницѣ, онъ былъ отправленъ въ Англію для суда. Французское Правительство вступило въ посредство и хотя

не возвратило ему свободы, но спасло ему жизнь.

Напперъ-Тенди былъ также Ирландецъ. Дабы избавиться отъ преслѣдованій за чувства независимости, побуждавшія его дѣйствовать въ пользу свободы своего отечества,—онъ уѣхалъ изъ Англіи на Французскомъ бригѣ въ Гамбургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ Швецію. Исключенный изъ всепрощенія двумя Ирландскими Палатами, онъ былъ потребованъ у Гамбурскаго Сената, нарушившаго честь и человѣколюбіе отъ страха опасности, которая въ ту минуту угрожала этой небольшой Республикѣ болѣе со стороны Англіи, чѣмъ со стороны Франціи. Сенатъ выдалъ Напперъ-Тенди. Отвезенный въ Ирландію и осужденный къ смерти, онъ былъ обязанъ за отмѣну своей казни ходатайству Франціи. Два года просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ; но Г. Отто, вступивъ съ Лордомъ Гакесбёри въ переговоры о мирѣ, выхлопоталъ освобожденіе Напперъ-Тенди, который былъ отосланъ обратно во Францію.

Первый Консулъ сначала вознамѣрился было жестоко отмстить; но когда Гамбургскій Сенатъ представилъ ему въ оправданіе своего поведенія, письмо съ приложеніемъ четырехъ съ половиною миліоновъ (*), то это очень его укро-

(*) Смотри въ концѣ книги оправданіе Гамбургскаго Сената. Отвѣтъ же Перваго Консула до присылки ему вышеупо-

тило! Это было нѣкоторымъ воспоминаніемъ о Египтѣ, гдѣ Генералъ бралъ такія же взятки съ Пашей, съ тою разницею, что на этотъ разъ ни одного су не поступило въ Государственную казну. Деньги были выданы Первому Консулу чрезъ посредство Г. Шапо-Ружа.

Дней восемь лежали у меня въ ящикѣ эти четыре съ половиною миліона банковыми Голландскими билетами. Тогда Бонапарте рѣшился раздать ихъ. Заплативъ, какъ ниже увидятъ, долги Іозефины и большіе расходы по Мальмезону, онъ продиктовалъ мнѣ списокъ лицъ, которымъ хотѣлъ сдѣлать подарки. Мое имя не вышло изъ устъ его и потому я не имѣлъ труда себя вписывать; но черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ мнѣ съ самою дружескою благосклонностью: «Буріеннъ, я ничего не далъ тебѣ изъ денегъ, полученныхъ отъ Гамбурга, но я тебя за это вознагражу.» При этихъ сло-

---

мянутой суммы, здѣсь помѣщается; онъ отъ 9-го Нивоза VIII года.

«Мы получили письмо ваше, Милостивые Государи; оно васъ не оправдываетъ.

«Мужество и добродѣтели поддерживаютъ государства: трусость и пороки ихъ губятъ.

«Вы нарушили гостепріимство. Этого не случалось у самыхъ варварскихъ степныхъ ордъ. Ваши сограждане вѣчно васъ будутъ въ этомъ упрекать.

«Два несчастливца, вами выданные, умрутъ со славою; но кровь ихъ гораздо болѣе причинитъ зла ихъ гонителямъ чѣмъ сколько бы сдѣлала цѣлая армія.»

вахъ онъ вынулъ у себя изъ ящика большой печатный листъ съ пробѣлами, замѣщенными рукописью и прибавилъ: «Вотъ вексель въ триста тысячъ Италіянскихъ ливровъ на Цизальпинскую Республику за проданныя ей пушки; онъ подписанъ Галлеромъ и Колло: я отдаю его тебѣ.» Для объясненія этого дѣла, я долженъ сказать, что Цизальпинской Республикѣ были проданы въ долгъ пушки. Генералъ-Интендантъ Италіи взялъ за это съ Республики векселями и передалъ векселя сіи въ уплату Г-ну Колло, поставщику съѣстныхъ припасовъ; Г. Колло выдалъ одинъ изъ этихъ векселей въ 300,000 франковъ Главнокомандующему въ удовлетвореніе существовавшихъ между ими обязательствъ; а Наполеонъ пропустилъ срокъ платежа не принявъ надлежащихъ мѣръ. Цизальпинская Республика удержала и пушки и деньги, а у Перваго Консула остался вексель. Разсмотрѣвъ оный, я сказалъ ему: «Но Генералъ, срокъ этому векселю давно минулъ; почему вы не представили его ко взысканію? Теперь передавшіе вамъ оный ни за что ужъ не отвѣтствуютъ. «Франція обязана удовлетворять этого рода долги,» отвѣчалъ онъ мнѣ: «пошли эту бумагу къ де Фермону; онъ заплатитъ тебѣ съ вычетомъ трехъ процентовъ. Ты не получишь наличными деньгами, но около 9000 франковъ ежегодно, ибо Италіянскіе

ливры дешевле франковъ.» Поблагодаривъ его, я отослалъ вексель къ Г. де Фермону. Этотъ послѣдній отвѣчалъ мнѣ, что вексель просроченъ и не можетъ быть удовлетворенъ потому что не подходитъ ни подъ одинъ изъ уважительныхъ по законамъ случаевъ. Я показалъ отвѣтъ его Первому Консулу.—*Вотъ еще! онъ не знаетъ въ этомъ дѣлѣ толку и ошибается. Пиши.* Тогда онъ продиктовалъ мнѣ очень благопріятное письмо, касательно удовлетворенія по этому векселю, но въ отвѣтъ воспослѣдовалъ новый отказъ.—«Генералъ, . . . Г. де Фермонъ не болѣе слушается васъ какъ меня.»—Наполеонъ взялъ письмо, прочиталъ его и сказалъ мнѣ голосомъ человѣка, который заранѣе знаетъ его содержаніе.—«Ну чтожъ мнѣ дѣлать, если это противъ законовъ? Настаивай, проси обыкновеннымъ порядкомъ объ удовлетвореніи и что будетъ, то будетъ.» Сдѣлалось то, что вексель мой нашли недѣйствительнымъ, зачеркнули, надорвали и положили въ архивъ. Эти триста тысячъ ливровъ составляли часть суммъ, привезенныхъ имъ изъ Италіи. Этотъ лоскутокъ бумаги доказываетъ только, что онъ привезъ изъ Италіи болѣе двадцати тысячъ франковъ.

Я никогда не получалъ, ни отъ Главнокомандующаго Италіянскою арміею, ни отъ Главнокомандующаго Египетскою арміею, ни отъ Перваго Консула никакого опредѣленнаго содержанія.

Я бралъ изъ казны его сколько нужно на мои и на его издержки. Никогда онъ не требовалъ у меня отчета. Послѣ случая съ подареннымъ имъ мнѣ просроченнымъ векселемъ Цизальпинской Республики, онъ сказалъ мнѣ въ началѣ весны 1800 года: «Буріеннъ, погода становится слишкомъ дурна; я рѣдко буду ѣздить въ Мальмезонъ. Пока я буду въ Совѣтѣ съѣзди туда за моими бумагами и вещами; вотъ ключъ отъ моей конторки; вынь изъ нея все что есть.» Я сѣлъ въ карету въ два часа и воротился въ шесть; онъ обѣдалъ. Я положилъ на столикѣ его кабинета разныя вещи, найденныя мною въ конторкѣ и пятнадцать тысячъ франковъ банковыми билетами, находившіеся въ углу одного ящика. Вошедъ въ кабинетъ, онъ сказалъ мнѣ: *Тутъ деньги, это что значитъ?* — Право не знаю; они были въ вашей, конторкѣ.—*А, да я позабылъ: это было отложено на мои мелкіе расходы. Возьми ихъ себѣ.*

Я очень помнилъ, что однажды утромъ онъ посылалъ меня съ ключемъ вынуть на мелкіе расходы два билета въ тысячу франковъ, но вовсе не думалъ чтобы онъ съ тѣхъ поръ не дотрогивался до запасной казны своей.

Я уже сказалъ какое было сдѣлано употребленіе изъ четырехъ съ половиною миліоновъ, взятыхъ съ Гамбургскаго Сената за дѣло Напперъ-Тенди и Блаквеля. Не все однакожъ пошло

на награды; довольно значительная часть этой суммы была употреблена на уплату долговъ Іозефины и это семейственное дѣло, кажется мнѣ, заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣчаній.

Мальмезонское помѣстье стоило сто шестьдесятъ тысячъ франковъ; Іозефина пріобрѣла оное отъ Г. Лекутё пока мы находились въ Египтѣ. Въ немъ было сдѣлано много украшеній и нѣсколько новыхъ построекъ; наконецъ, прибавили великолѣпный паркъ. Всё это сдѣлалось не даромъ, а притомъ большая часть денегъ за первоначальную покупку не была еще уплачена и эта значительная недоимка составляла не единственный долгъ Іозефины. Заимодавцы роптали; это производило дурное впечатлѣніе въ Парижѣ и я такъ былъ увѣренъ въ досадѣ, которую это возбудитъ въ Первомъ Консулѣ, что безпрестанно откладывалъ минуту извѣщенія его объ этомъ; а потому съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что Г. Талейранъ предупредилъ меня. Никто не умѣлъ лучше его, какъ говорится, золотить пилюлю для Бонапарте; обладая такою же независимостью характера, какъ умомъ,—онъ съ опасностью разсердить его, оказалъ ему услугу, доведя до его свѣдѣнія, что великое число заимодавцевъ изъявляютъ свое неудовольствіе горькими жалобами на долги, сдѣланные его женою въ продолженіе похода его на Востокѣ. Бонапарте

почувствовалъ что положеніе его требуетъ тотчасъ прекратить источникъ подобныхъ толковъ, Однажды въ двѣнадцатомъ часу вечера, Г. Талейранъ завелъ рѣчь объ этомъ щекотливомъ предметѣ; тотчасъ по уходѣ его, я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ Бонапарте остался одинъ и онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Буріеннъ, Талейранъ сей часъ увѣдомилъ меня о долгахъ жены моей. У меня есть Гамбургскія деньги; спроси у ней точную роспись; пусть она все объявитъ; я хочу это кончить и больше уже не начинать; но не расплачивайся не показавъ мнѣ счетовъ этихъ бездѣльниковъ; это шайка воровъ.»

До сихъ поръ опасеніе произвесть непріятную сцену, о которой одна мысль приводила въ трепетъ Іозефину,—препятсвовало мнѣ начать объ этомъ предметѣ разговоръ съ Первымъ Консуломъ; но, очень обрадовавшись тому, что Г. Талейранъ предупредилъ меня, я рѣшился сдѣлать все, отъ меня зависящее для того чтобы положить конецъ этому непріятному дѣлу.

На другой день я увидѣлся съ Іозефиною. Она сначала обрадовалась было расположенію своего мужа; но эта радость была непродолжительна. Когда я потребовалъ у нея точной росписи о долгахъ ея, то она умоляла меня не настаивать и удовольствоваться тѣмъ, что она сама объявитъ. Я сказалъ ей: «Не скрываю отъ васъ досады Перваго Консула; онъ полагаетъ

что вы должны значительную сумму, и расположенъ заплатить ее. Вамъ придется вынести жестокiе упреки и жаркую сцену, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но эта сцена будетъ таже за долгъ, которой вы объявите, какъ и за сумму, гораздо болѣе значительную. Если вы скроете большую часть вашихъ долговъ, то черезъ нѣсколько времени ропотъ возобновится, слухъ объ ономъ дойдетъ до ушей Перваго Консула и онъ еще болѣе разсердится. Совѣтую вамъ объявить все: послѣдствiя будутъ тѣже; вы только однажды усльшите непрiятности, которыя онъ сбирается вамъ сказать; черезъ утайку вы только подадите поводъ къ безпрестанному ихъ возобновленiю. — Я никакъ не въ состоянiи объявить ему всего: это для меня невозможно; обяжите меня умолчавъ о томъ, въ чемъ я вамъ признаюсь. Полагаю что я должна около миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ; но хочу объявить только шестьсотъ; я не стану больше дѣлать долговъ и уплачу остальные по немногу изъ того что буду откладывать. — Я долженъ повторить вамъ мои прежнiя замѣчанiя. Не думая чтобы онъ полагалъ долги ваши простирающимися до такой огромной суммы какъ шесть сотъ тысячъ франковъ, я ручаюсь вамъ въ томъ что вы не больше будете имѣть непрiятностей за миліонъ двѣсти тысячъ какъ за шесть сотъ тысячъ франковъ; и показавъ все

вы по крайней мѣрѣ раздѣлаетесь со всѣми долгами.— Не рѣшусь на это Буріеннъ; я его знаю и не въ состояніи буду перенести его запальчивость.»—Поспоривъ съ четверть часа объ этомъ предметѣ, я принужденъ былъ уступить ея усильнымъ просьбамъ и дать ей обѣщаніе объявить только шесть сотъ тысячъ франковъ Наполеону.

Можно себѣ представить досаду и гнѣвъ Перваго Консула; онъ подозрѣвалъ что жена его что нибудь скрываетъ, но сказалъ мнѣ: *Нечего дѣлать! возьми шестьсотъ тысячъ франковъ; но уплати или всѣ долги и чтобъ я объ этомъ больше не слыхалъ. Позволяю тебѣ пострашать заимодавцевъ тѣмъ, что ты ничего имъ не дашь, если они не откажутся отъ ужасныхъ барышей своихъ; надобно ихъ отучить, чтобы они не такъ охотно вѣрили въ долгъ.* Госпожа Бонапарте вручила мнѣ всѣ свои счеты. Возвышеніе цѣнъ, происходившее отъ боязни получить уплату очень поздо и съ убавкою, было непостижимо. Мнѣ показалось также что и количество поставленныхъ вещей было преувеличено: въ счетѣ продавца модъ я нашелъ тридцать восемь дорогихъ шляпъ въ одинъ мѣсяцъ; были перья по 1,800 франковъ и пояски по 800. Я спросилъ Іозефину, не ужели она изнашивала по двѣ шляпы въ день; она отговорилась тѣмъ, что это поставлено по

ошибкѣ. Преувеличенья сѣдельника въ цѣнахъ и въ вещахъ, имъ несдѣланныхъ, были даже странны. Не буду говорить о другихъ поставщикахъ: вездѣ обнаруживался тотъ же разбой. Я вполнѣ воспользовался полномочiемъ, даннымъ мнѣ Первымъ Консуломъ и не щадилъ ни упрековъ, ни угрозъ. Стыжусь сказать, что большая часть поставщиковъ удовольствовалась половиною того, что они требовали; одинъ изъ нихъ получилъ 35,000 франковъ вмѣсто 80,000 и имѣлъ еще безстыдство сказать мнѣ, что онъ и тутъ досталъ себѣ барышъ. Наконецъ, послѣ самыхъ жаркихъ споровъ; я имѣлъ счастiе кончить все шестью стами тысячъ франковъ. Но Госпожа Бонапарте скоро опять вошла въ такiе же долги. Къ счастiю денегъ стало побольше. Эта непостижимая страсть къ расточительности, была для нея почти единственною причиною всѣхъ ея огорченiй; необдуманная пышность производила у нея въ домѣ вѣчный безпорядокъ до эпохи втораго брака Наполеона, когда она, какъ мнѣ сказывали, сдѣлалось уже обстоятельнѣе. Не могу сказать объ ней того же въ бытность ея Императрицею.

Эта добрая Iозефина имѣла не менѣе честолюбiя въ малыхъ вещахъ, какъ мужъ ея въ большихъ; удовольствiе ея состояло въ томъ, чтобы прiобрѣтать, а не въ томъ, чтобы обладать. Кто бы тому повѣрилъ? она скучала кра-

сотою Мальмезонскаго парка и безпрестанно просила меня поѣхать съ нею погулять на большую дорогу, ведущую къ Нантерру или къ Марли посреди пыли, поднимаемой проѣздомъ каретъ. Шумъ большой дороги казался ей предпочтительнѣе безмолвной тишины прекрасныхъ алей парка и Гортензія имѣла въ этомъ отношеніи одинаковый вкусъ со своею матерью. Этотъ странный вкусъ удивлялъ Наполеона и возбуждалъ иногда его досаду.

Мои сношенія съ Іозефиною доставляли мнѣ чрезвычайное удовольствіе, ибо я еще никогда не видывалъ другой женщины, которая была бы въ обществѣ столь одинакова своимъ характеромъ и показывала бы столько благорасположенія, составляющаго главное условіе любезности. Она съ обязательнымъ вниманіемъ приказала устроить въ Мальмезонѣ прекрасную квартиру для меня съ семействомъ и со свойственною ей пріятностью убѣждала меня принять оную; но находясь въ Парижѣ почти въ такомъ же заключеніи какъ Государственный плѣнникъ,—я хотѣлъ сохранить за городомъ единственныя минуты свободы, которою мнѣ дозволялось наслаждаться: и то еще, что это была за свобода! Я купилъ въ Рюелѣ небольшой домикъ, коимъ владѣлъ два съ половиною года. Назначая тамъ кому нибудь свиданіе, я не могъ избирать для этого другаго времени,

кромѣ полуночи или пяти часовъ утра; что составляло, какъ можно себѣ вообразить, одну изъ прiятностей моего званiя; а часто и ночью Первый Консулъ присылалъ будить меня въ случаѣ прибытiя курьеровъ. Вотъ свобода, для которой я не принялъ предложенiя милой Iозефины. Бонапарте только однажды посѣтилъ меня въ моемъ Рюельскомъ убѣжищѣ, но Iозефина и Гортензiя часто туда прiѣзжали: это было для нихъ цѣлью прогулки.

Во время жительства моего въ Рюелѣ, я часто имѣлъ случаи видѣть точность и заботливость просителей; едва я просыпался, какъ былъ уже ими окружаемъ; никогда мнѣ было невозможно остаться одному, даже на то время, пока я одѣвался и когда въ шесть часовъ я долженъ былъ отправляться въ Мальмезонъ, то проходилъ чрезъ два ряда ихъ. Если, не обѣдая съ Первымъ Консуломъ, я могъ воротиться домой, то опять находилъ цѣлую ихъ кучу; рѣдко я могъ отобѣдать такъ, чтобы меня не потревожили, а иногда я не успѣвалъ еще доѣсть супъ, какъ Бонапарте присылалъ за мною. Увы! не все удовольствiе въ короткости съ великимъ человѣкомъ!

Въ Парижѣ, я еще меньше разставался съ Наполеономъ, чѣмъ въ Мальмезонѣ. Мы иногда ходили съ нимъ по вечерамъ гулять въ Тюлiерiйскiй садъ. Онъ всегда дожидался, пока за-

прутъ рѣшетки. Въ этихъ вечернихъ прогулкахъ на немъ всегда былъ сѣрый сертукъ и круглая шляпа. Мнѣ приказано было отвѣчать: *Первый Консулъ* на окликъ часовыхъ. Но эти прогулки, очень полезныя Наполеону и мнѣ, и доставлявшія намъ послѣ трудовъ отдыхъ, совершенно походили на тѣ, которыя мы дѣлали въ Мальмезонѣ. Что касается до прогулокъ нашихъ по городу, то онѣ часто были очень любопытны.

Въ первое время пребыванія нашего въ Тюлiери, видя Бонапарте входящаго въ кабинетъ въ восемь часовъ вечера въ его сѣромъ сертукѣ, я напередъ уже зналъ, что онъ мнѣ скажетъ: «Буріеннъ, пойдемъ походить!» Иногда вмѣсто того, чтобы выйти въ садовую аркаду, мы проходили чрезъ маленькую дверь, ведущую со двора въ покои Герцога Ангулемскаго. Онъ бралъ меня подъ руку и мы отправлялись торговать разныя дешевыя вещицы въ лавкахъ улицы Сент-Оноре, не простирая однакоже нашихъ прогулокъ далѣе улицы *Сухаго Дерева* (Arbre-Sec). Пока я смотрѣлъ вещи, которыя будто бы хотѣлъ купить, онъ начиналъ дѣлать свои вопросы; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть его старающагося принимать вѣтреный, шутливый тонъ молодыхъ модниковъ. Какъ онъ неловко усиливался придать себѣ пріятности когда поправляя себѣ галстукъ, онъ

говорилъ: «Ну, сударыня, что новинькаго?—Гражданинъ, что говорятъ о Бонапарте?—Ваша лавка кажется имѣетъ много покупщиковъ?—Что разсказываютъ объ этомъ шутѣ Наполеонѣ?» Какъ онъ однажды былъ счастливъ! Намъ случилось быть принужденными поскорѣе убираться для того, чтобы избѣгнуть брани, навлеченной непочтительностью, съ которою Бонапарте говорилъ о Первомъ Консулѣ.

Digitized by Google

++

ГЛАВА III.

Война и памятники.—Вліяніе воспоминаній о Египтѣ.—Любовь къ великимъ вещамъ.—Г. Леконтъ. — Гг. Персье и Фонтенъ.—Первыя украшенія Парижа. — Орсейская набережная. — Неправильности Лувра и Тюлієри. — Проэктъ постройки поперечной галереи. — Оставленъ.—Смѣты и отчеты.—Мальмезонъ становится слишкомъ малъ.—Сен-Клу.—25,000 франковъ царедворца.—Мостъ Художествъ.—Совѣтъ Гг. Персье и Фонтена, согласный съ моимъ.—Упрямство Бонапарте.—Счастливое послѣдствіе адской машины. — Колонна.—Набережныя.—Улицы. — Пароенонъ и Биржа.—Памятники.—Проэкты Консульства исполненные по учрежденіи Имперіи.—Дворецъ Короля Римскаго.—Чертоги Посланниковъ.—Храмъ славы. — Постройка *некрополиса* въ Парижѣ.—Любовь къ Франціи и потребность оставить по себѣ память въ потомствѣ. — Присоединенныя области.—Туринскій мостъ.—Внезапно устроенная дорога.—Большой мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки.—Дорога въ Савоію.—Гора Сенисъ и Симплонъ.—Нѣтъ больше Альпъ.

Digitized by Google

Истребленiе людей и постройка памятниковъ, очень хорошо совмѣщались въ умѣ Наполеона; и можно сказать что его страсть къ памятникамъ, почти равнялась страсти къ войнѣ; но какъ во всѣхъ вещахъ онъ ненавидѣлъ мелочное и ничтожное, то онъ предпочиталъ обширныя постройки, также какъ онъ любилъ большiя сраженiя; видъ колосальныхъ развалинъ Египта не мало содѣйствовалъ къ усиленiю въ немъ вкуса къ огромнымъ зданiямъ; не самыя эти зданiя любилъ онъ, но историческiя воспоминанiя, которыя они передаютъ потомству; великiя имена, которыя они освящаютъ и великiя событiя, о которыхъ они свидѣтельствуютъ. Что въ самомъ дѣлѣ была бы колонна, которую мы увидѣли прибывъ въ Александрiю, еслибъ это не была колонна Помпея? Художникамъ принадлежитъ хвалить или порицать ея размѣры и украшенiя; ученымъ—изъяснять ея надписи; но имя Помпея принадлежитъ всѣмъ.

Представляя изображенiе Наполеона, я долженъ былъ упомянуть о склонности его къ памятникамъ, ибо безъ этой характеристической черты, въ цѣломъ портрета чего то бы не доставало. Но какъ эта склонность, или лучше сказать страсть занимала большое мѣсто въ ряду его мыслей и славныхъ предпрiятiй, то считаю обязанностью сказать о ней подробнѣе;

почему я посвящу ей эту главу, чрезъ что неизбѣжно ставлю себя въ невозможность отнести оную къ какой либо опредѣлительной эпохѣ. Я долженъ также замѣтить, что Бонапарте, не смотря на ощущаемую имъ потребность дѣлать великія вещи, столь же благосклонно принималъ проэкты объ улучшеніяхъ меньшей важности; геній его хотѣлъ великихъ построекъ дабы увѣковѣчить свою славу; но въ тоже время его правительственная мудрость умѣла цѣнить то что было истинно полезно. Его очень рѣдко можно было упрекнуть въ томъ чтобы онъ отринулъ безъ разсмотрѣнія какой либо проэктъ; и это размотрѣніе не было продолжительно; ибо по врожденной своей смѣтливости, онъ тотчасъ соображалъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Въ первое время Консульства, работы ограничились немногимъ: начали сломкою находившихся предъ Тюліери дрянныхъ лавочекъ, стѣснявшихъ дворъ чертоговъ; но когда 3 Нивоза, Наполеонъ, будучи недоволенъ Г-мъ Леконтомъ (*),

(*) Хоть я и не могу привести никакихъ доказательствъ, но твердо увѣренъ въ томъ, что Г. Леконтъ сдѣлался жертвою несправедливыхъ подозрѣній, подобныхъ тѣмъ, которыя тогда погубили столько невинныхъ жертвъ. Я долгомъ счелъ это здѣсь замѣтить, дабы его отрѣшеніе не истолковали какъ нибудь въ неблагопріятную сторону. Я не знаю Г. Леконта; мнѣ неизвѣстно живъ ли онъ еще; но я былъ бы въ отчаяніи сказавъ несправедливую вещь, способную повредить чьей либо чести.

Тюліерійскимъ Архитекторомъ, замѣнилъ его Г-ми Фонтеномъ и Персье, то онъ постигъ все что соединенные таланты двухъ, столь искусныхъ Архитекторовъ могли придумать и исполнить для украшенія Парижа, который онъ тогда еще не называлъ *моя столица*. Давъ много занятій своимъ Архитекторамъ, Первый Консулъ привелъ также въ большое движеніе работы по части Путей Сообщенія; ибо его непостижимая дѣятельность имѣло нѣчто сообщительное, одушевлявшее всѣхъ его окружающихъ и сильно побуждавшее людей, употребляемыхъ Правительствомъ.

Если большая часть памятниковъ и украшеній Парижа устроена по обдуманнымъ планамъ людей съ талантами, то были изъ нихъ и такіе, которые обязаны своимъ существованіемъ одному только счастливому случаю. Я приведу тому примѣръ.

Не помню именно, въ какую эпоху, но однажды я стоялъ въ кабинетѣ Наполеона передъ окномъ, выходившимъ въ Тюліерійскій садъ. Онъ только что вышелъ, и я воспользовался его отсутствіемъ для того, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ долговременнаго сидѣнья. Едва успѣлъ онъ выйти, какъ опять вошелъ для того, чтобы спросить у меня одну бумагу. «Что ты тутъ дѣлаешь, Буріеннъ,» сказалъ онъ; «бьюсь объ закладъ, что ты смотришь на про-

ходящихъ по террасѣ хорошенькихъ женщинъ.— Это со мною иногда бываетъ; но увѣряю васъ Генералъ, что въ эту минуту я совсѣмъ не думалъ о томъ. Я смотрѣлъ на этотъ безобразный лѣвый берегъ Сены, который всегда кидается мнѣ въ глаза неимѣніемъ набережной, царствующею на немъ нечистотою, выступленіемъ воды, которое почти всякую зиму препятствуетъ сообщенію съ Сен-Жерменскимъ предмѣстіемъ, и я сбирался вамъ объ этомъ поговорить.»—Тогда, подошедъ къ окну, онъ взглянулъ въ него: «Правда твоя, что это очень гадко, и отвратительно видѣть какъ полощутъ грязное бѣлье передъ нашими окнами. Сядь и напиши: *Набережную Школы Плаванія окончить въ будущемъ году.* Пошли это къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.» Онъ вышелъ вонъ и набережная была отдѣлана въ слѣдующемъ году.

Бонапарте далъ свое имя этой набережной, на концахъ которой написали: *Набережная Бонапарте*; но ее продолжали называть по прежнему Орсейскою набережною, такъ-то трудно перемѣнять привычки. Мало по малу подмостки исчезли, на углу Бельшасской улицы воздвиглась казарма и наконецъ въ послѣдствіи былъ построенъ домъ для Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, который въ 1820 году показался мнѣ готовымъ развалиться, не будучи еще достроеннымъ.

Гг. Персье и Фонтенъ, коихъ имена неразлучны, представили Наполеону проэктъ касательно соединенія Лувра съ Тюліери. Бонапарте совершенно рѣшился привести оный въ исполненіе. Вопервыхъ слѣдовало построить до Сен-Никезской улицы галерею, паралельную галереѣ, идущей вдоль берега и примыкающей къ Марсанскому павиліону; а потомъ соединить обѣ галереи поперечною галереею, которая скрыла бы непаралельность между фасадами Лувра и Тюліери. Такимъ образомъ относительная неправильность двухъ дворцевъ со стороны Тюліери совершенно бы исчезла и взорамъ представлялся бы огромный правильный четыреугольникъ. Всѣ стоящія на этомъ пространствѣ зданія, долженствовали быть сломаны; а въ поперечной галерѣе предполагалось помѣстить архивы и библіотеку, которая называлась еще Національною въ эпоху утвержденія этого плана. Смѣта издержекъ простиралась до шестнадцати миліоновъ, что на архитекторскомъ языкѣ значило по крайней двадцать четыре миліона; это побудило сначала отложить исполненіе сего проэкта; а въ послѣдствіи Бонапарте совершенно отъ него отказался сказавъ: «Конечно правда, что эта неправильность бросается въ глаза; но сообразивъ все хорошенько, должно признаться, что никакое зданіе, сколь бы оное ни было величественно, не за-

мѣнитъ собою обширной площади между Лувромъ и Тюлiери.»

Много есть примѣровъ чрезмѣрной разницы, существующей между архитекторскою смѣтою и уплачиваемыми въ послѣдствiи счетами. Мы увидимъ что произошло относительно Сен-Клудскаго замка; но я прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Бонапарте сперва отказался отъ бывшаго увеселительнаго дворца Королевы, а потомъ его себѣ присвоилъ. Мальмезонъ казался приличнымъ загороднымъ домомъ до тѣхъ поръ, пока Бонапарте довольствовался въ Парижѣ покоями малаго Люксембурга; но эта Консульская дача сдѣлалась слишкомъ тѣсною въ сравненiи съ большими комнатами Тюлiери. Жители Сен-Клу, будучи наущены, подали Законодательному Корпусу просьбу о назначенiи ихъ оставленнаго Замка для лѣтняго жилища Перваго Консула; просьба была представлена Правительству; тогда Бонапарте, не бывшiй еще Консуломъ на всю жизнь, горделиво объявилъ, что пока онъ будетъ главою Правительства и черезъ годъ послѣ того, онъ не приметъ никакой нацiональной награды; а черезъ нѣсколько времени послѣ того, мы поѣхали посмотрѣть дворецъ 18 Брюмера. Онъ очень понравился Наполеону, но все находилось тамъ въ наивеличайшемъ разстройствѣ; видно было, что Революцiя его посѣтила. Первый Консулъ

не хотѣлъ еще въ эту эпоху отягощать казну издержками для его личныхъ удобствъ и ужасался огромныхъ суммъ, которыя были потребны для того, чтобы сдѣлать Сен-Клу обитаемымъ. Ласкательство не находилось еще на той степени совершенства, до котораго оно въ послѣдствіи достигло; однакожъ между его льстецами были имѣвшіе къ тому такое счастливое расположеніе, что одинъ изъ нихъ не посовѣстился сказать ему при мнѣ, что можно устроить для него Сен-Клу употребивъ на то *двадцать пять тысячъ франковъ*. Я не могъ смолчать, слыша такую нелѣпость и сказалъ Первому Консулу, что судя по совершенному разстройству этого замка, я ручаюсь, что издержка на исправленіе онаго будетъ свыше миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ. Бонапарте рѣшился приказать сдѣлать настоящую смѣту и она превысила три миліона. Сумма показалась ему нѣсколько огромною; однакожъ рѣшась жить въ Сен-Клу, онъ приказалъ начать работы. Вскорѣ замѣтили, что полы совершенно сгнили; надобно было все ломать, и и какъ мы часто ѣздили смотрѣть работы, то однажды изъ нижняго этажа имѣли удовольствіе видѣть открытое небо. Издержки, не считая мебелей, простерлись до шести миліоновъ; и вотъ что значатъ три миліона архитектора и *двадцать пять тысячъ франковъ льстеца*.

Когда Первый Консулъ вознамѣрился построить Мостъ Художествъ, то мы имѣли съ нимъ на этотъ счетъ продолжительный разговоръ; ибо мало было вещей, о которыхъ бы онъ говорилъ и слушалъ охотнѣе, какъ о новыхъ постройкахъ. Я замѣтилъ ему, что гораздо лучше было бы построить мостъ каменный. «Этого рода памятники,» сказалъ я, «имѣютъ главною цѣлью общественную пользу; они требуютъ прочности и величія; главное ихъ достоинство есть долговѣчность; я не постигаю, Генералъ, отъ чего въ землѣ, изобилующей прекраснымъ камнемъ всякаго рода,—предпочитаютъ употребленіе чугуна.—Напиши къ Фонтену и Персье, и спроси, какъ они объ этомъ думаютъ.» Я написалъ и вотъ ихъ отвѣтъ:

«Вы сдѣлали намъ честь, спросивъ нашего мнѣнія на счетъ моста, предполагаемаго къ построенію чрезъ Сену между Лувромъ и Четырью-Націями. Не безъ боязни осмѣливаемся мы отвѣтствовать на вопросъ, коего предметъ подалъ уже поводъ ко многимъ замѣчаніямъ.

«Мосты имѣютъ цѣлью общественную пользу и украшеніе городовъ.

«Мостъ, предполагаемый между Лувромъ и Четырью-Націями, неоспоримо выполнитъ первое изъ этихъ условій; ибо ежедневное стеченіе людей, переѣзжающихъ чрезъ Сену на лодкахъ въ этомъ мѣстѣ, довольно показываетъ,

сколь это сообщеніе необходимо. Остается только разсуждать о мѣстѣ, для этого избранномъ.

«Мы не можемъ не увѣрить, не смотря на мнѣнія, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ журналахъ, что мѣсто, назначенное между мостами *Новымъ* и *Тюлiерiйскимъ*, кажется намъ самымъ приличнымъ; ибо по правиламъ изящнаго вкуса и здраваго смысла достовѣрно, что онъ долженъ быть построенъ на продолженіи линіи Лувра и Четырехъ-Націй. Онъ соединитъ удобнымъ образомъ два большія зданія и будетъ, чтобы ни говорили, легкимъ сообщеніемъ между двумя, прекраснѣйшими частями города.

«Но можетъ быть найдутъ, что второе изъ условій не совершенно выполнится ибо, относительно къ украшенію, городъ мало выиграетъ чрезъ постройку чугуннаго моста, который долженъ быть очень узокъ, который уменьшитъ пространство прекраснаго канала, гдѣ часто даются праздники и который не будетъ соотвѣтствовать своею легкостью и протяженіемъ великолѣпію двухъ зданій между коими онъ воздвигнется.

«Мы однакожъ думаемъ, что поелику выгоды предпріятій сего рода почти всегда пріобрѣтаются чрезъ пожертвованіе однѣми другимъ, то при разсужденіи о Луврскомъ мостѣ достаточно будетъ опредѣлить, должно ли для очевидной пользы пожертвовать украшеніемъ»

По полученіи этого отвѣта отъ Гг. Персье и Фонтена, мы опять разговорились о мостѣ, и я далъ замѣтить Первому Консулу, что мнѣніе двухъ человѣкъ, къ которымъ онъ имѣлъ справедливую довѣренность, не различествовало отъ его. Онъ упрямо стоялъ на своемъ и такимъ образомъ была рѣшена постройка этой *игрушки*, которая соединяетъ Лувръ со зданіемъ Института. Но едва Мостъ Художествъ былъ возвигнутъ, какъ Бонапарте нашелъ его скуднымъ и не соотвѣтствующимъ другимъ мостамъ, устроеннымъ выше и ниже онаго чрезъ Сену. Я знаю, что принявъ въ послѣдствіи мои мысли, при посѣщеніи однажды Лувра, остановясь предъ окномъ, изъ коего былъ виденъ Мостъ Художествъ, онъ сказалъ: «Тутъ нѣтъ никакого вида прочности; этотъ мостъ не заключаетъ въ себѣ ничего величественнаго; я понимаю что въ Англіи, гдѣ камень рѣдокъ, употребляютъ чугунъ на своды большаго размѣра; но во Франціи, гдѣ всего въ волю!»

Я долженъ сказать, что я видѣлъ въ Гг. Фонтенѣ и Персье наилучшія способности къ украшенію Парижа. Самая строгая честность соединялась у нихъ съ талантами, всѣми признанными. Я больше имѣлъ сношеній съ Г. Фонтеномъ, чѣмъ съ Г. Персье потому что въ почетномъ соединеніи этихъ двухъ художниковъ; Г. Персье болѣе занимался въ кабинетѣ сочи-

неніемъ плановъ, а Г. Фонтенъ на работахъ, исполненіемъ оныхъ. Еслибъ онъ могъ содѣйствовать къ выполненію того, о чемъ я ежедневно просилъ Перваго Консула для украшеній Парижа, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы могъ быть нынче этотъ городъ! Но любовь къ войнѣ господствовала надъ любовью къ искуствамъ и не оставляла довольно денегъ для памятниковъ; однакожъ Бонапарте, возвращаясь изъ арміи послѣ новыхъ побѣдъ и мира, всегда съ величайшимъ удовольствіемъ ѣздилъ осматривать работы, произведенныя во время его отсутствія.

Адская машина 3 Нивоза, о которой я буду говорить ниже, подала какъ бы знакъ къ обширнымъ сломкамъ въ Тюліерійской части. Эта гнусная попытка доставила собою по крайней мѣрѣ хоть ту выгоду, что она содѣйствовала къ украшеніямъ Парижа; разсудили что гораздо приличнѣе будетъ Правительству скупить дома, поврежденные взрывомъ машины, и сломать ихъ чѣмъ позволить исправлять оные. Вскорѣ послѣ сего щеголеватый Бріонскій отель, стоявшій на Карусельной площади и всѣ прочія зданія, слишкомъ близкія къ Тюліери, исчезли; грязныя хоромы, построенныя Фельянами и Капуцинами, уступили мѣсто широкимъ улицамъ, прилегающимъ къ Тюліерійскому саду и служащимъ сообщеніемъ съ булеварами;

на Вандомской площади, лишенной статуи Лудовика Великаго, воздвиглась великолѣпная статуя, украшенная мѣдью, завоеванною у Австрійцевъ въ трехъ-мѣсячный походъ; цѣлыя мили набережныхъ, одѣвшихъ оба берега Сены, заключили въ себѣ воды и представили оплотъ ихъ гибельному разлитію; сгорѣвшій хлѣбный рынокъ былъ выстроенъ вновь изъ желѣза для безопасности отъ новаго пожара; мосты Аустерлицскій, Іенскій, Сен-Клудскій и Севрскій умножили сообщенія между двумя берегами Сены или обновили съ великолѣпіемъ тѣ, которыя уже прежде существовали. Старый Лувръ былъ оконченъ и Шпицъ Инвалидовъ явился въ воздухѣ, блистая золотомъ подобно какъ въ царствованіе Великаго Короля. Надпись въ честь Лудовика XIV, была вновь помѣщена на тріумфальной аркѣ Сен-Денисскаго булевара и въ тоже время другія тріумфальныя ворота, посвященныя Большой Арміи, возвысились въ исполинскомъ размѣрѣ противъ жилища Государя. Наконецъ зданіе Биржи, достойное торговли столицы, было предназначено для напоминовенія своими формами и пространствомъ, Аѳинскаго Парѳенона. Обо всемъ здѣсь написать не возможно; я привожу только воспоминанія, не имѣя притязанія писать исторію всѣхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ при различныхъ правленіяхъ Наполеона; могу только сказать,

что Бонапарте до такой степени любилъ все великое, что будучи однажды въ Луврѣ и глядя въ сторону Сен-Жерменя Оксерскаго, онъ сдѣлалъ рукою выразительный знакъ и сказалъ: «Вотъ гдѣ я сдѣлаю Императорскую улицу. Она будетъ итти отсюда къ Тронной Заставѣ; я хочу, чтобъ она имѣла сто футъ широты, чтобъ она была усажена деревьями, а по сторонамъ находились бы галереи. Императорская улица должна быть лучшею улицею въ мірѣ.»

Дворецъ Короля Римскаго, предполагаемый къ постройкѣ противъ Iенскаго моста и Марсоваго Поля, былъ бы нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ Парижа; а посему нѣсколькимъ чертогамъ слѣдовало служить оному сосдиненiемъ; они долженствовали воздвигнуться вдоль набережной и предназначались для того чтобы служить пышными жилищами Посланниковъ Государей, пока еще существовали бы въ Европѣ другiе Государи, кромѣ Наполеона. Храмъ Славы также не былъ оконченъ и если проэктъ сего памятника, долженствовавшаго занять мѣсто Церкви Св. Магдалины, доказываетъ ощущаемую Наполеономъ потребность безпрестанно доставлять новыя побужденiя своимъ солдатамъ; то и отрекшись отъ него, онъ равномѣрно доказалъ тѣмъ свою прозорливость. Возста-

новивъ вѣру во Франціи, и возвративъ прежнее назначеніе церкви Инвалиднаго Дома, превращенной на нѣкоторое время въ *Храмъ Марса*, —онъ понялъ что *Храмъ Славы* представитъ мысль язычества, несовмѣстную съ понятіями о вѣрѣ и нравами вѣка, что нѣтъ храма безъ Божества и нѣтъ Божества безъ Священнослужителей.

Воспоминаніе о прекрасномъ Каирскомъ *Некрополисѣ* часто приходило на умъ Наполеону; онъ удивлялся этой обители смерти, коей населенію онъ не мало содѣйствовалъ и намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы устроить въ четырехъ главныхъ концахъ Парижа четыре огромныя кладбища и сдѣлать изъ нихъ столькоже *Некрополисовъ* по образцу Каирскаго, обратившаго на себя его вниманіе.

Бонапарте хотѣлъ, чтобы въ Парижѣ всѣ новыя улицы имѣли сорокъ футъ широты съ тротуарами; однимъ словомъ ничто не казалось ему слишкомъ прекраснымъ, слишкомъ величественнымъ для украшенія столицы той земли, которую онъ хотѣлъ сдѣлать первою землею въ свѣтѣ. Это, послѣ войны, было первою потребностью его честолюбія; двѣ мысли сіи такъ сливались въ умѣ его, что побѣда не была для него оконченнымъ дѣломъ, если не существовало памятника, долженствовавшаго передать воспоминаніе объ оной потомству. Слава и всегда слава: вотъ чего онъ

желалъ для Франціи и для себя. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ, послѣ разсужденій о его великихъ замыслахъ: «Буріеннъ, для Франціи дѣлаю я все это! Все чего я хочу, все чего я желаю, цѣль всѣхъ моихъ трудовъ есть та чтобы имя мое неразрывно было связано съ именемъ Франціи!»

Парижъ не есть единственный городъ, даже самая Франція не есть единственное Государство, носящее слѣды страсти Наполеона къ великимъ или полезнымъ памятникамъ; въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Піемонтѣ, въ Королевствѣ Италіи, вездѣ гдѣ были Императорскіе Дворцы, онъ повелѣвалъ производить великія вещи. Въ Туринѣ великолѣпный мостъ былъ устроенъ чрезъ рѣку По, вмѣсто стараго моста, пришедшаго въ ветхость.

Сколько вещей предпринятыхъ и исполненныхъ въ столь дѣятельное и въ столь краткое царствованіе! Сообщеніе было затруднительно между Метцомъ и Майенцомъ: тотчасъ великолѣпная дорога устроилась какъ бы чудомъ, въ прямой линіи, посреди непроходимыхъ болотъ, чрезъ огромные лѣса; горы тому препятствовали? ихъ прорывали; глубокіе овраги представляли препону: ихъ засыпали; и вскорѣ одна изъ прекраснѣйшихъ дорогъ въ Европѣ была открыта для сообщенія. Онъ не хотѣлъ чтобы Природа противилась ему болѣе чѣмъ люди.

Однажды, ѣдучи въ Бельгію чрезъ Живе, онъ нашелъ поромъ сломаннымъ, что заставило его прождать нѣсколько минутъ на правомъ берегу Мааса въ Маломъ-Живе. Онъ находился только на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости Шарлемона, расположенной на лѣвомъ берегу; сильно раздосадованный этою задержкою, онъ продиктовалъ указъ.

«Построить мостъ на Маасѣ для соединенія «Малаго-Живе съ Большимъ-Живе и кончить «его въ слѣдующемъ году.»

Мостъ былъ воздвигнутъ въ опредѣленный срокъ и Франція обладаетъ теперь однимъ изъ прекраснѣйшихъ мостовъ, когда либо мною видѣнныхъ, потому что Наполеонъ прождалъ нѣсколько часовъ на берегу Мааса.

При огромныхъ работахъ Путей Сообщенія, Бонапарте особенно имѣлъ въ виду уничтоженіе препонъ и оплотовъ, поставленныхъ Природою на границахъ древней Франціи, дабы лучше соединить съ нею области, постепенно присовокупленныя имъ къ Имперіи. Такимъ образомъ дорога, гладкая какъ садовая алея, заняла въ Савоіи мѣсто опасныхъ крутизнъ, на которыя слѣдовало взбираться въ Брамантскихъ лѣсахъ; такимъ образомъ переѣздъ чрезъ гору Сенисъ, на вершинѣ коей онъ построилъ казарму и хотѣлъ воздвигнуть городъ,—сдѣлался прогулкою почти во всѣ времена года; такимъ

образомъ Симплонъ принужденнымъ нашелся преклонить чело предъ лопатою и киркою Французскихъ Инженеровъ и Бонапарте могъ сказать: *Нѣтъ больше Альпъ* гораздо основательнѣе, чѣмъ Лудовикъ XIV говорилъ: *Нѣтъ больше Пиренеевъ!*

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Моя работа.—Распечатываемыя мною бумаги.—Топографическое отдѣленіе.—Списокъ назначеніямъ.—Секретная переписка.—Отвѣтственность.—Рѣдкость выѣздовъ моихъ со двора.—Содержаніе. — Возстановленіе народнаго просвѣщенія. — Французскій Пританей. — Бонапарте посѣщаетъ его.—Вопросы и награды. — Три дипломатическіе воспитанника.—Міакцинскій.—Трагическое происшествіе.—Волонтеры *чижики* и гнѣвъ за шутку.—Совѣтъ ученыхъ наградъ.—Искусныя ограниченія.—Тронше и Тарже. — Щедрость по расчету.—Лоншанъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консулъ и танцовщикъ.

Другъ юности Наполеона, Секретарь Главнокомандующаго армій Италіянской и Восточной и служащій при необыкновенномъ человѣкѣ, который въ немногіе годы возвысился изъ званія простаго Офицера на степень главы Правитель-

ства,—я перемѣнилъ мое положеніе вмѣстѣ съ Бонапарте. Я вмѣстѣ съ Генераломъ подвергался случайностямъ походной, странственной жизни и съ искренностью говорилъ то, что я видѣлъ и то, что я слышалъ. Таже искренность будетъ служить мнѣ руководителемъ на поприщѣ болѣе обширномъ, на которое насъ поставили обстоятельства. Я безъ хвастовства сказалъ, какую довѣренность имѣлъ ко мнѣ Бонапарте; я бы могъ къ тому прибавить и дружбу, имъ мнѣ оказываемую. Еслибъ на этотъ счетъ и существовали какія либо сомнѣнія, плодъ постыднаго недоброжелательства, то они бы разсѣялись при чтеніи наставленій, которыя Бонапарте продиктовалъ для меня Дюроку. Вотъ эта бумага, которой я тщательно сберегъ подлинникъ.

РАБОТА БУРІЕННА.

«1. Гражданину Буріенну поручается распе-«чатывать *всѣ* бумаги на имя Перваго Консу-«ла, представляя ему оныя три раза въ день, а «въ необходимыхъ случаяхъ немедленно.

«Ящикъ для входящихъ бумагъ долженъ на-«ходиться въ кабинетѣ, гдѣ оныя и будутъ рас-«печатываемы.

«Онъ будетъ разсматривать всѣ бумаги вто-«ростепенной важности и писать данныя Пер-«вымъ Консуломъ на каждое письмо резолюціи.

«Время для представленія бумагъ назначает-

«ся: тогда какъ Первый Консулъ встаетъ; *въ «одиннадцать часовъ* вечера и за четверть часа «до обѣда.

«2. Ему поручается надзоръ за топографиче«скимъ и переводнымъ отдѣленіями, изъ коихъ въ послѣднемъ будетъ чиновникъ Нѣмецъ и «чиновникъ Англичанинъ. Ежедневно, въ опре«дѣленный для сего часъ, онъ будетъ представ«лять Первому Консулу журналы этихъ двухъ «земель со сдѣланнымъ имъ переводомъ кромѣ «Италіянскихъ журналовъ, въ коихъ будетъ «только отмѣчено то, что подлежитъ къ чте«нію Перваго Консула.

«3. Онъ будетъ вести списки назначеній по «гражданскому управленію, одинъ по части суд«ной, другой по внѣшнимъ мѣстамъ, а третій «по сборамъ и финансамъ, — въ которые онъ «станетъ вписывать имена всѣхъ лицъ, сообщенныхъ я ему Первымъ Консуломъ. Эти «списки должны быть писаны *его рукою*, дабы «никто не имѣлъ о нихъ свѣдѣнія.

«4. *Секретная* переписка и разныя донесе«нія *по надзору* будутъ непосредственно ему «адресованы и вручены лично Первому Кон«сулу; равно какъ и получаемы имъ обратно «такъ чтобы никто не могъ имѣть о томъ свѣ«дѣнія.

«5. Сверхъ сего онъ долженъ имѣть вѣдо«мость о секретныхъ, чрезвычайныхъ издерж-

«кахъ и обо всемъ, къ тому относящемся. Онъ «будетъ все это писать *своею рукою*, дабы никто «не могъ получить о томъ свѣдѣнія.

«6. Ему поручается отправленіе всего, что «къ нему будетъ доставлено изъ работы граж«данина Дюрока или изъ собственнаго кабине«та Перваго Консула, располагая свои занятія «и дѣла такимъ образомъ, чтобы все продол«жало оставаться въ тайнѣ.»

Парижъ. 13 Жерминаля VIII года.

«Первый Консулъ *БОНАПАРТЕ*.»

Изъ этихъ наставленій видно, что мнѣ поручалось; видно также какъ Бонапарте входилъ во всѣ подробности своего правленія и сколько онъ налагалъ на себя работы. Что касается до меня, то я иногда ужасался отвѣтственности, на мнѣ лежащей и офиціяльная работа, порученная мнѣ вышеизложенными наставленіями, не составляла еще всѣхъ моихъ занятій. Я принужденъ былъ писать съ диктовки Перваго Консула большую часть дня или разбирать написанное имъ самимъ, что всегда составляло самую тягостную часть моей обязанности. Я былъ такъ обремененъ дѣломъ, что почти никогда днемъ не выѣзжалъ; если мнѣ случалось обѣдать въ гостяхъ, то я пріѣзжалъ въ ту самую минуту какъ садились за столъ и принужденъ былъ уходить тотчасъ послѣ кофе. Никогда я не имѣлъ возможности провесть гдѣ

нибудь вечеръ. Однажды въ мѣсяцъ, не чаще, я ѣздилъ безъ Бонапарте во Французскій Театръ, но и тутъ не могъ оставаться тамъ долѣе девяти часовъ, ибо въ это время мы опять принимались за работу. Корвизаръ, съ которымъ я былъ очень друженъ, безпрестанно твердилъ мнѣ что онъ страшится на счетъ моего здоровья; но усердіе мое превозмогало его предостереженія и не могу выразить сколько, въ это первое время пребыванія нашего въ Тюліери, я считалъ себя счастливымъ пользуясь полною довѣренностью человѣка, на котораго были обращены взоры всей Европы. Эта довѣренность была такова, что никогда, ни при Генералѣ, ни при Консулѣ, ни при Императорѣ, я не имѣлъ опредѣленнаго содержанія; въ этомъ отношеніи мы были *товарищами* какъ въ школѣ; я бралъ изъ общей казны сколько мнѣ было нужно на мои расходы и ни разу не случалось, чтобы Бонапарте потребовалъ у меня отчета.

Бонапарте часто говорилъ мнѣ о желаніи своемъ возстановить народное просвѣщеніе, которому по его мнѣнію, не было дано хорошаго направленія Центральныя школы ему не нравились; но онъ не могъ не удивляться Политехнической школѣ, прекраснѣйшему учебному заведенію, когда либо основанному и которому онъ въ послѣдствіи повредилъ, давъ ему воен-

ное устройство. Одна только школа въ Парижѣ, сохранила преданiя о старинномъ обученiи; это была Коллегiя Лудовика Великаго, которую наименовали *Пританеемъ*. Первый Консулъ потребовалъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ доклада объ этомъ заведенiи (*); онъ сдѣлалъ болѣе: онъ самъ посѣтилъ Пританей, заѣхавъ туда внезапно въ сопровожденiи Г. Лебрёна и Дюрока. Онъ пробылъ тамъ болѣе часа и вечеромъ заговорилъ объ немъ со мною съ сильнымъ участiемъ. «Знаешь ли, Бурiеннъ», сказалъ онъ мнѣ, «что я представлялъ тамъ Профессора?— Вы Генералъ? — Да я, и притомъ не дурно отдѣлался. Я спрашивалъ учениковъ математическаго класса; я еще довольно помню моего Безу для того чтобы задать нѣколько задачъ на доскѣ. Я былъ въ классахъ, въ спальныхъ и въ столовой. Я отвѣдывалъ супъ ихъ и онъ право лучше того, который мы ѣли въ Брiеннѣ. Мнѣ должно не шутя заняться народнымъ просвѣщенiемъ и устройствомъ школъ. Надобно дать мундиръ воспитанникамъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо, а другихъ дурно одѣтыхъ; это не годится: въ школѣ особенно должно быть равенство. Эти молодые люди доставили мнѣ удовольствiе; я хочу имѣть списокъ именъ тѣхъ, которыхъ я спрашивалъ; я велѣлъ Дюроку составить мнѣ объ этомъ до-

(*) Смотри приложенiя въ концѣ книги.

несеніе; я дамъ имъ награды; это принесетъ пользу и возбудитъ между юношами соревнованіе: надобно сажать для будущаго. Нѣсколькихъ изъ нихъ я помѣщу въ службу.»

Первый Консулъ не удовольствовался однимъ только намѣреніемъ; притомъ же Дюрокъ, очень расположенный къ молодежи, сколько могъ старался содѣйствовать его намѣреніямъ. Посовѣтовавшись съ начальникомъ Пританея, онъ прислалъ отъ имени Перваго Консула патенты на пансіоны изъ казны его по двѣсти франковъ, семи или осми отличнѣйшимъ ученикамъ и помѣстилъ трехъ въ Министерство Внѣшнихъ Сношеній съ названіемъ воспитанниковъ дипломатіи.

Учредителемъ этихъ воспитанниковъ дипломатіи былъ Талейранъ (*); искусный сей Министръ, обожаемый всѣми служившими у него подъ начальствомъ, представилъ Первому Консулу планъ учрежденія, способный къ прочному образованію дипломатическихъ чиновниковъ. Этотъ планъ былъ одобренъ и принятъ, но его оставили безъ вниманія, когда Г. Талейранъ вышелъ изъ Министерства. Я помню что онъ учредилъ счастливое различіе между чиномъ и мѣстомъ; такъ что дипломатическіе агенты, занимавшіе важныя мѣста, не оставались бы

(*) Смотри въ концѣ книги докладъ Г. Талейрана касательно образованія дипломатіи.

вдругъ безъ чина и безъ содержанія. Жалованье по чину, кромѣ того которое давалось при исполненіи должности, — было назначено: по 10,000 франковъ для Посланниковъ; 6,000 для Полномочныхъ Министровъ; 2,400 для старшаго Секретаря Посольства; 1,000 для втораго Секретаря и наконецъ, 600 франковъ для воспитанниковъ.

Сказанное мною о посѣщеніи Первымъ Консуломъ Пританея, напоминаетъ мнѣ случай, который былъ онаго послѣдствіемъ и въ которомъ обнаруживается вся гордость Польскаго характера. Между воспитанниками Пританея, былъ сынъ Генерала Міакцинскаго, убитаго въ бою подъ знаменами Республики. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ тогда лѣтъ семнадцать; вскорѣ вышедъ изъ школы, онъ вступилъ въ военную службу и присутствовалъ на смотру, который Бонапарте дѣлалъ на Саблонскомъ полѣ: его представили Первому Консулу, который сказалъ ему: «Я зналъ твоего отца, онъ былъ храбрый человѣкъ; веди себя какъ онъ; черезъ полгода ты будешь Офицеромъ.»—Полгода проходитъ; Міакцинскій пишетъ къ Первому Консулу дабы напомнить ему о его словѣ. Онъ ждетъ мѣсяцъ: нѣтъ отвѣта. Тогда Міакцинскій пишетъ Первому Консулу: «Вы приказали мнѣ быть достойнымъ отца моего: я исполню это. Вы обѣщали что я черезъ полгода буду

Офицеромъ; съ тѣхъ поръ прошло уже семь мѣсяцевъ. Когда вы получите письмо мое, то я ужъ не буду существовать; не хочу служить такому Правительству, котораго Глава не держитъ своего слова.» Молодой Міакцинскій слишкомъ вѣрно сдержалъ свое; отправивъ къ Первому Консулу письмо, онъ вошелъ въ свою горницу и застрѣлился изъ пистолета. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого плачевнаго происшествія, производство Міакцинскаго пришло въ Полкъ, ибо Наполеонъ не забылъ его. И такъ медленность дѣло-производства по Военному Департаменту причинила смерть этого мужественнаго юноши. Бонапарте былъ очень огорченъ и сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ: «Эти Поляки! . . . дышатъ честью! . . . Мой бѣдный Сулковскій! я увѣренъ что онъ тоже бы сдѣлалъ!»

Въ это первое время Консульства удивительно было видѣть усердіе, съ которымъ каждый старался споспѣшествовать дѣятельности Перваго Консула въ намѣреніяхъ его къ общественному преобразованію Франціи; все казалось одушевленнымъ новою жизнью и всѣ съ соревнованіемъ старались дѣлать добро. Можно было сказать, что Франція, особенно въ нравственномъ отношеніи, вовсе не походила на Францію при Директоріи; и однакожъ не прошло еще пяти мѣсяцевъ съ 18 Брюмера. Бонапарте приказалъ составить записку для пред-

ставленія взорамъ Франціи и всей Европы столько улучшеній, свершенныхъ уже въ такое короткое время (*). Дѣйствительно все казалось содѣйствовало успѣху добрыхъ намѣреній Перваго Консула. Коровья оспа, которая можетъ быть спасла столько же людей, сколько война ихъ погубила—была введена во Франціи Г-мъ Ліанкуромъ; и Бонапарте, тотчасъ оцѣнивъ надлежащимъ образомъ такое открытіе, всенародно одобрилъ оное. Въ тоже время учреждался совѣтъ объ ученыхъ наградахъ и бывшихъ членовъ Конституціоннаго Собранія приглашали возвратиться во Францію. Для нихъ и для Роялистовъ Первый Консулъ призывалъ ихъ обратно; для Якобинцевъ же, имъ щадимыхъ, возвращеніе ихъ было подвержено ограниченіямъ. Дѣйствительно приглашеніе возвратиться во Францію сначала распространилось только на тѣхъ, которые подали голосъ за уничтоженіе дворянства. Онъ прекратилъ внесеніе въ списокъ эмигрантовъ и учредилъ Комиссіи для разсмотрѣнія просьбъ ихъ о возвращеніи.

Съ начала Жерминаля мѣсяца занялись съ новою дѣятельностью преобразованіемъ Италіянской арміи. Присутствіе въ Парижѣ двухъ прекрасныхъ отрядовъ Консульской Гвардіи и столь свойственное молодежи желаніе щеголять въ блестящихъ мундирахъ, подстрекнули воин-

(*) Смотри эту записку въ концѣ книги.

ственный жаръ нѣкоторыхъ достаточныхъ юношей столицы. Первый Консулъ, воспользовавшись этимъ расположеніемъ, основалъ волонтерный полкъ для резервной арміи, долженствовавшій стоять въ Дижонѣ. Онъ видѣлъ выгоды того, чтобы привязать къ своему дѣлу большое число семействъ и ввести въ оныя духъ арміи. Этому полку данъ былъ желтый мундиръ, почему въ нѣкоторыхъ Парижскихъ гостиныхъ, гдѣ еще старались обращать все въ насмѣшку,—этихъ новобранцевъ прозвали *чижиками*. Бонапарте, который не всегда любилъ шутки, очень за эту прогнѣвался и нѣсколько разъ изъявлялъ мнѣ свое неудовольствіе. Притомъ же, въ составѣ этого полка, онъ съ удовольствіемъ видѣлъ первый опытъ привилегированныхъ солдатъ, — мысль, которую онъ всегда питалъ, какъ при учрежденіи жандармскихъ ординарцевъ въ Іенскій походъ, такъ и при образованіи Почетной Гвардіи, послѣ Московскаго бѣдствія.

Никакое дѣйствіе Бонапарте не было безъ причины; я помню что однажды онъ сказалъ мнѣ: «Буріенъ, я еще ничего не смѣю сдѣлать противъ цареубійцъ; но покажу имъ, какихъ я объ нихъ мыслей. Завтра я займусь съ Абріаломъ учрежденіемъ апеляціоннаго суда; Тарже, Президентъ онаго, не хотѣлъ защищать Лудовика XVI; ну, знаешь ли кого я назначаю

на его мѣсто? . . . Тронше, который его защищалъ. Пусть они говорятъ что хотятъ, я на нихъ плюю . . . » И Тронше былъ назначенъ. Въ другой разъ, почти около того же времени, Первый Консулъ, узнавъ о побѣгѣ Мака, сказалъ мнѣ: «Пусть Макъ отправляется куда ему угодно, я нисколько этого не боюсь. Но я думаю объ одномъ: съ нимъ содержались другiе Австрiйскiе Офицеры; между ими есть Графъ Дитрихштейнъ, принадлежащiй къ знатной фамилiи въ Вѣнѣ. Я хочу всѣмъ имъ возвратить свободу. При началѣ похода, это принесетъ пользу: увидятъ, что я ихъ не боюсь; и кто знаетъ; я можетъ быть чрезъ это прiобрѣту себѣ тамъ приверженцевъ. Приказъ объ освобожденiи Австрiйскихъ плѣнниковъ тотчасъ былъ посланъ. Такимъ-то образомъ, дѣла великодушiя, равно какъ выборъ людей и дѣйствiя строгости были у Наполеона слѣдствiемъ расчета, который всегда господствовалъ.

Эта способность и безпрестанное прилѣжанiе къ Государственнымъ дѣламъ, обнаруживались во всемъ. Выше упомянуто, сколько онъ радовался тому, что почти въ одно время уничтожилъ ужасное поминовенiе о Генварѣ мѣсяцѣ, и дозволилъ открыть вновь Оперные балы. Онъ сдѣлалъ подобное этому, поощривъ праздники въ Лоншанѣ, гулянья, забытыя со временъ Революцiи; онъ въ тоже время позволилъ да-

вать въ Оперѣ духовные концерты. Такимъ образомъ, сохранивъ еще въ порядкѣ дѣлопроизводства наблюденіе Республиканскаго календаря, онъ мало по малу призывалъ прежнее счисленіе времени эпохами забавъ. Вторникъ на масленицѣ былъ ознаменованъ первымъ баломъ, а на страстной недѣлѣ учредились гулянья и концерты.

Упомянувъ объ Оперѣ, я вспомнилъ одинъ случай, очень позабавившій Перваго Консула. 15 Жерминаля было назначено для дебюта Вестрисова сына и дѣдъ долженствовалъ явиться на сценѣ для того, чтобы дополнить три поколѣнія танцовщиковъ. Объ этомъ заговорили у Г-жи Бонапарте, которая вознамѣрилась съѣздить въ это представленіе; съ другой стороны, Бонапарте обѣщалъ присутствовать въ тотъ же день въ засѣданіи Института. Я не имѣю нужды говорить, что Первый Консулъ вовсе не обратилъ вниманія на это стеченіе обстоятельствъ; но однажды утромъ, читая ему журналы, я увидѣлъ, не помню въ какомъ-то листкѣ объявленіе, что дебютъ Вестрисова сына былъ сдѣланъ днемъ раньше для того, чтобы не произвесть состязанія съ Первымъ Консуломъ, коего присутствіе въ Институтѣ долженствовало привлечь много народа. Онъ отъ чистаго сердца смѣялся этому разборчивому вниманію.

ГЛАВА V.

Дѣйствіе времени на событія.—Дневникъ Острова Св. Елены и истина. — Неполныя воспоминанія Наполеона. — Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте. — Женщины и Сен-Жерменское предмѣстіе. — Предсказаніе Г-жи Вильнёвъ Г-жѣ Бонапарте.—Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣсяцевъ. — Перемѣненное выраженіе.— Разговоръ въ Мальмезонѣ.—Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія.—Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбонахъ.—Женскіе толки.

Цѣна вещей часто измѣняется со временемъ. Есть событія, едва замѣчаемыя въ ту минуту какъ они свершатся, но которыя дѣлаются важными отъ другихъ происшествій, за ними послѣдовавшихъ. Это размышленіе естественнымъ образомъ представляется уму моему въ ту минуту, какъ я намѣреваюсь заняться сношеніями,

Которыя Лудовикъ XVIII пытался завести съ Первымъ Консуломъ. Это конечно не одна изъ менѣе занимательныхъ страницъ жизни Наполеона. До тѣхъ поръ пока Имперія имѣла глубокіе, прочные корни, это былъ только любопытный анекдотъ; со времени счастливаго возстановленія Монархіи Бурбоновъ, вопросъ возведенія ихъ Наполеономъ на престолъ, сталъ болѣе важнымъ: этотъ вопросъ принадлежитъ исторіи, а потому слѣдуетъ изложить обстоятельства съ наивеличайшею точностью.

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать новое замѣчаніе на Дневникъ Острова Св. Элены. Читатель легко себѣ представитъ, что я больше всякаго другаго принимаю въ этой книгѣ участія; она конечно возбудила во мнѣ многія воспоминанія; но я не всегда встрѣчалъ въ ней сущую истину.

И такъ я нашелъ въ этомъ Дневникѣ сказанное Наполеономъ о переговорахъ съ нимъ Лудовика XVIII и вынужденнымъ нахожусь привести изъ онаго нѣсколько строчекъ, относящихся къ этому обстоятельству, дабы потомъ замѣтить разницу, которую онѣ представляютъ съ сохраненными мною собственноручными бумагами.

Наполеонъ говоритъ на Островѣ Св Элены, что онъ не думалъ о Принцахъ Бурбонскаго дома; это съ одной стороны справедливо: онъ

не думалъ о возведенiи ихъ на престолъ; но читатели изъ многихъ мѣстъ моихъ Записокъ видѣли, что онъ часто объ нихъ думалъ и что одно имя ихъ не разъ его пугало. Дневникъ прибавляетъ: «Письмо было вручено Первому Консулу Лебрёнемъ, получившимъ оное отъ Аббата Монтескiё, тайнаго агента Бурбоновъ въ Парижѣ. Это письмо, весьма тщательно написанное, сказано тамъ еще,—заключало въ себѣ слѣдующее:

«Вы слишкомъ медлите возвратить мнѣ пре-«столъ мой. Должно опасаться, чтобы не про-«пустить благопрiятнаго времени. Вы не мо-«жете составить счастiя Францiи безъ меня, а «я не могу ничего сдѣлать для Францiи безъ «васъ. Почему поспѣшите и назначьте сами «мѣста, которыя вы сочтете приличными для «друзей вашихъ.»

Наполеонъ говоритъ, будто бы онъ отвѣчалъ:

«Я получилъ письмо Вашего Королевскаго «Высочества. Я всегда принималъ живѣйшее «участiе въ несчастiяхъ вашихъ и вашей фами-«лiи. Вамъ не должно помышлять о возвраще-«нiи во Францiю; вы не достигнете туда иначе «какъ чрезъ сто тысячъ труповъ. Впрочемъ я «всегда буду стараться дѣлать все, могущее об-«легчить вашу судьбину и заставить васъ за-«быть ваши несчастiя.»

Смыслъ этихъ двухъ писемъ точенъ; въ нихъ

находишь почти тѣже мысли, какъ въ подлинникахъ; притомъ же не удивительно, что послѣ столь долгаго времени, Наполеонъ не могъ слово въ слово ихъ припомнить; но я счелъ, что въ дѣлѣ такого рода между двумя мужами, поставленными столь высоко, однимъ по его рожденію и уму, а другимъ по его генію,—не излишнее будетъ привести подлинный текстъ этой переписки, и любопытныя обстоятельства, къ оной относящіяся.

Вотъ какъ изъяснился Лудовикъ XVIII.

20 Февраля 1800.

«Каково бы ни было по видимому ихъ «поведеніе, а люди, подобные вамъ, Милостивый «Государь, никогда не внушаютъ безпокойства. «Вы приняли важное мѣсто и я очень тому «радъ. Вамъ лучше всякаго другаго извѣстно «сколько потребно силы и могущества для то«го, чтобы составить счастіе великаго Государ«ства. Избавивъ Францію отъ ея собственныхъ «буйствъ, вы исполнили первое желаніе моего «сердца; возвратите ей Короля ея, и будущія «поколѣнія благословятъ вашу память. Вы всегда «будете слишкомъ необходимы Государству для «того, чтобы я могъ важными мѣстами запла«тить долгъ моего предка и мой собственный.

ЛУДОВИКЪ.»

Первый Консулъ очень встревожился получивъ это письмо, хоть онъ и всякой день об-

наруживалъ свое намѣренiе не имѣть дѣла съ Принцами; онъ размышлялъ отвѣчать ему или нѣтъ на это посланiе. Многочисленныя дѣла, тогда его занимавшiя, согласовались съ его нерѣшимостью; и онъ не торопился отвѣчать. Я долженъ сказать, что Iозефина и Гортензiя заклинали его дать Королю надежду, представляя ему что это его ни къ чему не обязываетъ и оставляетъ ему время увидѣть, не можетъ ли онъ въ послѣдствiи превзойти величiемъ своего поступка самого Монка. Убѣжденiя были такъ сильны, что онъ говорилъ мнѣ: «*Эти женщины вздурились. Сен-Жерменское предмѣстiе кружитъ имъ головы. Онѣ сдѣлали его ангеломъ хранителемъ роялистовъ; но это ничего, я на нихъ не сержусь.* Госпожа Бонапарте говорила мнѣ, что она уговаривала его къ этому поступку для того чтобы онъ самъ не вздумалъ сдѣлаться Королемъ, что всегда возбуждало въ ней предчувствiе бѣды, которое она не въ состоянiи была изгнать изъ ума своего.

Ея воображенiе было поражено въ продолженiе отсутствiя нашего въ Египетъ. Она всякому разсказывала о пророчествѣ, сдѣланномъ ею знаменитою въ свое время ворожеею, Г-жею Вильнёвъ, которая жила въ Ланкрiйской улицѣ. Многiя Парижанки ѣздили къ ней ворожить: Iозефина также посѣтила ее

во время нахожденія нашего въ Египтѣ. Вильнёвъ сказала ей: *Вы жена великаго Генерала, который еще болѣе возвысится. Онъ преплыветъ моря, его удаляющія, и вы нѣкогда займете первое мѣсто во Франціи. Но это будетъ ненадолго.*

Въ частыхъ разговорахъ Перваго Консула со мною, онъ съ удивительною прозорливостью разсуждалъ о предложеніи Лудовика XVIII и о послѣдствіяхъ онаго; но говорилъ однакоже: «Приверженцы Бурбоновъ очень ошибаются, если они воображаютъ, что я такой человѣкъ, который возьметъ на себя роль Монка.» Этимъ на тотъ разъ дѣло кончилось и письмо Короля осталось на столѣ. Въ этотъ промежутокъ Лудовикъ XVIII написалъ къ нему другое письмо безъ означенія года и числа, слѣдующаго содержанія:

«Давно уже, Генералъ, вамъ должно быть из«вѣстно, что вы пріобрѣли мое уваженіе. Если «вы сомнѣваетесь въ моей признательности, то «назначьте себѣ мѣсто, опредѣлите жребій дру«зей вашихъ. Что касается до моихъ правилъ— «я Французъ. Милосердый по характеру, я бу«ду таковымъ еще и по разсудку.

«Нѣтъ, побѣдитель при Лоди, при Кастиліоне, «при Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта, не «можетъ предпочитать славѣ, тщетную знаме«нитость. Вы однакожъ теряете драгоцѣнное

«время. Мы можемъ утвердить славу Франціи. «Я говорю *мы*, потому что для сего я имѣю «нужду въ Бонапарте, а онъ не можетъ того «сдѣлать безъ меня.

«Генералъ, Европа на васъ смотритъ, слава «васъ ожидаетъ и я нетерпѣливо желаю воз- «вратить миръ моему народу.

Подписано: *ЛУДОВИКЪ.*»

Первый Консулъ еще нѣсколько времени оставилъ безъ отвѣта это письмо, столь исполненное благородства и величія. Наконецъ онъ рѣшился продиктовать мнѣ отвѣтъ; я принялъ смѣлость замѣтить ему, что письма Короля были собственноручныя и что по моему мнѣнію приличнѣе будетъ, если онъ самъ къ нему напишетъ.

Тогда онъ написалъ своею рукою слѣдующее письмо:

«Я получилъ, Милостивый Государь, письмо «ваше. Благодарю васъ за вѣжливости, въ ономъ «мнѣ сказанныя.

«Вы не должны желать возвращенія вашего «во Францію, ибо вамъ пришлось бы перейти «чрезъ сто тысячъ труповъ.

«Пожертвуйте вашими выгодами спокойствію «и счастію Франціи. Исторія это оцѣнитъ.

«Я не нечувствителенъ къ несчастіямъ ваше- «го семейства. Я съ удовольствіемъ буду со-

«дѣйствовать къ пріятности и спокойствію ва-
«шего убѣжища.

БОНАПАРТЕ.»

Показавъ мнѣ письмо свое, онъ спросилъ меня: «Какъ ты его находишь? хорошо ли оно?» Онъ никогда не сердился, если я показывалъ ему граматическую ошибку и въ этотъ разъ по сдѣланному мною замѣчанію, онъ вычеркнулъ нѣсколько словъ, написавъ какъ выше показано.

Это письмо, такимъ образомъ зачеркнутое и поправленное, не могло ужъ быть въ такомъ видѣ послано; онъ оставилъ его на столѣ со своею подписью.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, онъ написалъ другое письмо, совершенно подобное первому, измѣнивъ только окончаніе и поставя: *Я не нечувствителенъ къ несчастіямъ вашего семейства и съ удовольствіемъ узнаю, что вы окружены всѣмъ, могущимъ содѣйствовать спокойствію вашего убѣжища.* Этими выраженіями онъ ни къ чему не обязывался, даже и на словахъ. Тутъ уже рѣчь шла не о томъ, чтобы ему содѣйствовать къ пріятности убѣжища. Каждый день, увеличивавшій его могущество и утверждавшій его положеніе, уменьшалъ по его мнѣнію, надежды Бурбоновъ и читатели замѣтятъ, что прошло семь мѣсяцевъ между первымъ письмомъ Короля и оконча-

тельнымъ отвѣтомъ Перваго Консула. Это письмо писано отъ 2 Вандеміера IX года (24 Сентября 1800) въ то самое время какъ открывался Люневильскій конгресъ.

Черезъ нѣсколько дней по полученіи письма Лудовика XVIII, мы гуляли въ Мальмезонѣ, по любимой его алеѣ, отдѣленной отъ его кабинета однимъ мостикомъ; онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, дѣла шли хорошо. «Говорила ли тебѣ опять о Бурбонахъ жена моя?» спросилъ онъ.—«Нѣтъ Генералъ.—*Но когда ты съ нею объ этомъ толкуешь, то нѣсколько склонлешься на ея мнѣніе. Скажи мнѣ, для чего ты ихъ желаешь? Тебѣ нѣтъ никакой выгоды въ ихъ возвращеніи; тебѣ нечего ожидать отъ нихъ. Ты не столь знатнаго рода для того, чтобы получить важное мѣсто; ты при нихъ никогда ничѣмъ не будешь. Ты чрезъ покровительство Г-на Шамбона былъ назначенъ Секретаремъ посольства въ Штутгардъ; но еслибъ не произошло никакой перемѣны, ты бы всю жизнь свою остался въ этомъ званіи или на другомъ невидномъ мѣстѣ. Часто ли ты видалъ, чтобы люди возвышались по одному только своему достоинству? Все въ этой землѣ предоставлено происхожденію, знатному родству, богатству и происканіе. Разсмотри хорошенько вещи; взгляни на будущее съ большимъ размышленіемъ.*—Генералъ,» отвѣчалъ я

сму, «въ одномъ я съ вами соглашаюсь. Я не получилъ при Бурбонахъ ни наградъ, ни мѣстъ, ни милостей; и не имѣю тщеславія думать, что я когда либо достигъ бы важной должности. Но не забудьте, что мое назначеніе было сдѣлано лишь за нѣсколько дней до ниспроверженія трона; и я по совѣсти не могу заключить изъ того, что не произошло отъ причинъ, къ несчастію слишкомъ положительныхъ—о томъ, что въ противномъ случаѣ могло бы случиться. Впрочемъ увѣряю васъ, что совсѣмъ не личное чувство меня одушевляетъ и заставляетъ говорить съ вами съ тою искренностью, которой вы отъ меня требовали. Не себя, а цѣлую Францію я принимаю въ соображеніе. Соглашаюсь предположить, что вы удержите власть до тѣхъ поръ, пока проживете; но у васъ нѣтъ дѣтей и почти достовѣрно, что вы не будете имѣть ихъ отъ Іозефины. Что мы станемъ дѣлать послѣ васъ? что съ нами будетъ? Вы говорите мнѣ о будущности! Взгляните на будущность этой прекрасной Франціи, призвавшей васъ для утвержденія своего спокойствія. Вы часто говорили мнѣ, что братья ваши не . . .» Онъ съ живостью прервалъ меня —«О, что касается до этого, ты правъ; если я не проживу тридцати лѣтъ для довершенія моего труда, то у васъ будутъ послѣ меня продолжительныя междоусобія; ибо братья мои не

годились бы для Францiи; ты знаешь каковы они. У васъ бы тогда возникла жестокая борьба между главными Генералами, изъ которыхъ каждый сочтетъ себя въ правѣ занять мое мѣсто.—Такъ для чего же Генералъ вы не исцѣлите всѣхъ этихъ бѣдъ, вами предвидимыхъ? — Не ужели ты думаешь, что это меня не занимаетъ? Но взвѣсь хорошенько всѣ затрудненiя того, что мнѣ предлагаютъ; какъ обеспечить столько прiобрѣтенныхъ правъ; столько существенныхъ послѣдствiй противъ усилiй фамилiи, воспрiявшей власть и возвратившейся съ осмьюдесятью тысячами эмигрантовъ и съ влiянiемъ фанатизма? Что будетъ съ тѣми, которые подавали голоса на смерть Короля; съ людьми, которые обнаружили себя восторженниками Революцiи? Нацiональныя помѣстья, тма сдѣлокъ, произведенныхъ въ продолженiе двѣнадцати лѣтъ. Возможно ли предвидѣть, до чего дойдетъ противодѣйствiе?—Генералъ, я не стану напоминать вамъ, что Лудовикъ XVIII письмомъ своимъ ручается вамъ въ противномъ всего того, чего вы опасаетесь; ибо знаю, что вы могли бы отвѣчать мнѣ. Но развѣ вы не можете предложить такiя условiя, которыя вы сочтете приличными? Не отдавайте иначе какъ за эту цѣну того, что у васъ просятъ; нѣтъ нужды спѣшить. Промедлите три или четыре года; вы можете въ продолженiе этого време-

ни обеспечить счастіе Франціи учрежденіями, сообразными съ ея нуждами. Я увѣренъ, что время и привычка дадутъ имъ силу, которую не легко будетъ уничтожить; и даже предположивъ, что на это бы покусились, не успѣютъ того сдѣлать. Вы сказали мнѣ однажды, будто бы васъ хотятъ заставить сыграть ролю Монка: но это неправильно; ибо вамъ лучше меня извѣстна разница между Генераломъ, который сражается съ похитителемъ престола, и тѣмъ, котораго побѣда и миръ возвели на развалины ниспроверженнаго трона, который онъ добровольно отдаетъ фамиліи, столь долгое время его занимавшей. Вы вполнѣ увѣрены, что такъ называемая вами *идеологія* уже не явится; но послѣ васъ? — Я знаю все это лучше тебя; но все, что ты мнѣ говоришь, пустое. Повѣрь мнѣ мой милый, что Бурбоны вообразятъ себѣ, что они завоевали обратно свое наслѣдіе; и станутъ располагать имъ по своему произволу. Обязательства самыя священныя, обѣщанія самыя положительныя, исчезнутъ предъ силою. Глупо съ твоей стороны на нихъ полагаться. Я рѣшился; полно объ этомъ говорить; но мнѣ извѣстно, сколько эти женщины тебя мучатъ. Старайся вывести ихъ изъ ослѣпленія и разсѣять ихъ странныя предчувствія. Пусть онѣ дадутъ мнѣ волю и вяжутъ чулки.» Женщины стали вязать; я пи-

Digitized by Google

салъ со словъ его; онъ сдѣлался Императоромъ; Имперія ниспроверглась; онъ умеръ на островѣ Св. Элены, а Бурбоны возвратились.

Digitized by Google

++

ГЛАВА VI.

Миръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предварительныя мѣры къ походу.—Булавочная война. — Удивительное предвидѣніе.—Генуа и Меласъ. — Карно. — Военный Министръ.—Насмѣшливое письмо къ Бертье.—Веселость Перваго Консула.—Приглашеніе въ Тюліери Г-на Колло. — Колебанія и убѣжденія.—День наканунѣ отъѣзда.—Наставленія Луціану и Камбасересу. — Іосифъ Государственный Совѣтникъ.—Разговоръ въ дорогѣ. — Сужденіе Наполеона объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкательства.

Стараясь объ учрежденіи мирныхъ сношеній съ Державами Европы—Первый Консулъ, въ концѣ Февраля 1800 года, рѣшился самъ нанести великій ударъ въ Италіи. Пока Генуа продержится и Массена будетъ находиться въ ней, Бонапарте не отчаевался сойтиться съ Австрійцами на этихъ поляхъ, видѣвшихъ еще

менѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, чудеса его первыхъ успѣховъ. Онъ рѣшился собрать резервную армiю въ Днжонѣ (*). Тамъ гдѣ ничего не было, онъ создалъ все. Въ эти-то дни его юности, плодовитости его воображенiя и силы его генiя, самый злой врагъ его не могъ бы отказать ему въ удивленiи. Меня изумляли подробности, въ которыя онъ входилъ. Тогда какъ самыя важныя занятiя наполняли всѣ его минуты, онъ отправилъ 24,000 франковъ въ монастырь Горы Сен-Бернарда для приготовленiя съѣстныхъ припасовъ. Увидѣвъ что резервная его армiя составляется и что все идетъ по его желанiю, онъ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь ударить Меласу въ тылъ прежде, чѣмъ онъ провѣдаетъ, что я въ Италiи. Лишь бы Генуа еще подержалась; но Массена ее защищаетъ.»

17 Марта, находясь въ довольномъ и веселомъ расположенiи духа, онъ приказалъ мнѣ развернуть у него въ кабинетѣ большую карту Италiи Шошара; онъ легъ на нея, помѣстивъ меня подлѣ себя. Послѣ сего онъ съ величайшимъ вниманiемъ началъ втыкать булавки, коихъ головки были облѣплены краснымъ и чернымъ воскомъ. Я смотрѣлъ на его работу съ глубочайшимъ безмолвiемъ ожидая, чѣмъ эта безобидная война кончится. Когда онъ разста-

(*) Смотри въ концѣ книги ноту, вышедшую изъ кабинета Перваго Консула.

новилъ непріятельскіе корпуса и воткнулъ булавки съ красными головками въ тѣ мѣста, куда надѣялся провести свои войска, то сказалъ мнѣ: «Гдѣ ты думаешь, я разобью Меласа?—Чортъ меня побери, если я это знаю.— Ты простакъ; взгляни сюда: Меласъ теперь въ Александріи, гдѣ его главная квартира. Онъ пробудетъ тамъ, пока Генуа не сдастся. Въ Александріи у него магазины, госпитали, артиллерія и резервы. Перешедъ чрезъ Альпы здѣсь (указывая на большой Сен-Бернаръ), я ударю на Меласа, пресѣку его сообщенія съ Австріею и сойдусь съ нимъ здѣсь въ долинахъ Скривіи.» (воткнувъ красную булавку въ Сан-Жуліано). Замѣтивъ, что я считаю всю эту булавочную войну однимъ только препровожденіемъ времени; онъ началъ называть меня своими обыкновенными именами, которыя онъ давалъ въ шутку тѣмъ, къ кому былъ расположенъ; а потомъ опять началъ свои очень ясныя демонстраціи на картѣ. Черезъ четверть часа мы встали, я сложилъ карту и больше объ этомъ не думалъ. Но когда, черезъ четыре мѣсяца послѣ того, я очутился въ Сан-Жумано съ его портфелемъ и депешами, спасенными мною при пораженіи, которому мы бо́льшую часть дня подвергались и когда въ тотъ же вечеръ я писалъ со словъ его, въ Торре-ди-Галифоло, находящемся оттуда за милю,—бюлетень о сраже-

нiи, то я искренно сознался ему въ удивленiи моемъ къ его военнымъ соображенiямъ. Онъ самъ улыбался вѣрности своихъ предвидѣнiй.

Первый Консулъ не былъ доволенъ управленiемъ Генерала Бертье Военнымъ Министерствомъ; онъ назначилъ вмѣсто его Карно, явившемъ сильнѣйшiя доказательства твердости характера и праводушiя; но котораго однако же Бонапарте не любилъ, потому что онъ былъ слишкомъ искреннiй Республиканецъ. При Бертье слабо исполнялись мѣры, ему предписанныя; онъ былъ слишкомъ сговорчивъ на уплату недоимокъ и на заключенiе торговъ. 2 Апрѣля 1800 года, Первый Консулъ назначилъ на его мѣсто Карно; а дабы утѣшить Бертье, который былъ способнѣе въ полѣ, чѣмъ въ канцелярiяхъ, то онъ продиктовалъ мнѣ къ нему слѣдующее письмо:

Парижъ, 2 Апрѣля 1800.

«Военные таланты, коимъ вы столько пред«ставили доказательствъ, Гражданинъ Генералъ, «и довѣренность Правительства призываютъ «васъ къ предводительству армiею. Вы въ про«долженiе зимы *преобразовали* Военное Минис«терство; вы удовлетворили, сколько было воз«можно по обстоятельствамъ, нуждамъ нашихъ «армiй. Вамъ остается, весною и лѣтомъ вести «нашихъ солдатъ къ побѣдѣ, дѣйствительному

«средству достигнуть мира и утвердить Рес-«публику.»

Бонапарте не могъ удержаться отъ смѣха, диктуя мнѣ это посланіе къ Бертье и совершенно расхохотался произнеся слово *преобразовали*.

Бертье, отправясь въ Дижонъ, началъ устроивать эту знаменитую резервную армію, которая въ началѣ казалась ничѣмъ, а черезъ нѣсколько недѣль долженствовала однимъ сраженіемъ возвратить всю Италію подъ Французское владычество. Я помню, что Бертье прислалъ нарочнаго за формою для пуль. Кто бы могъ въ Дижонѣ угадать то, что произошло при Маренго?

Консульская Конституція не давала Первому Консулу права, за предѣлами Республики, предводительствовать арміею. А потому онъ не хотѣлъ объявить свой давнишній замыселъ отправиться къ принятію начальства надъ Италіянскою арміею, которую онъ тогда въ первый разъ назвалъ Большою Арміею. Я замѣтилъ ему, что по выбору Бертье всѣ догадаются, зная что онъ конечно избралъ бы кого нибудь другаго, еслибъ не имѣлъ намѣренія предводительствовать самъ лично. Мое замѣчаніе очень его позабавило.

Передъ отъѣздомъ, онъ велѣлъ пригласить къ себѣ Г. Колло, который вошелъ въ каби-

нетъ, гдѣ я находился: «Ну Колло,» сказалъ онъ ему, «я ѣду въ Италію. Дѣло идетъ о важномъ ударѣ. Походъ будетъ коротокъ; въ Италіи есть эхо для повторенія моего имени. Вы мнѣ нужны: я беру васъ съ собою.» Г. Колло представилъ Наполеону, что онъ не желаетъ принять на себя поставку для арміи, съ предводителемъ, въ оную назначеннымъ; что всѣ начнутъ грабить и что невозможно будетъ завести никакого порядка. «Вотъ еще! вѣдь это только для формы. Не ужели вы думаете, что я ввѣрилъ бы армію Бертье, еслибъ я не намѣревался самъ тамъ быть? Бертье не умѣетъ начальствовать, но отличнымъ образомъ приводитъ въ исполненіе мои приказы, и я привыкъ къ его распоряженіямъ. Вамъ непремѣнно надобно ѣхать.» Г. Колло повидимому вовсе не имѣлъ охоты отправиться въ этотъ походъ; но чѣмъ болѣе онъ колебался, тѣмъ сильнѣе Бонапарте его упрашивалъ и улещалъ. Наконецъ положились, что Г. Колло поѣдетъ въ Италію въ такомъ только случаѣ, если Первый Консулъ приметъ предводительство надъ арміею. Итакъ онъ туда пріѣхалъ; но тотчасъ по прибытіи его въ Италію, Бонапарте показалъ ему наивеличайшую холодность не взирая на всѣ услуги или лучше сказать по причинѣ услугъ, оказанныхъ ему Г-мъ Колло. Ему надобно было наказать его за то, что онъ при-

нудилъ его себя просить; и вообще я во многихъ случаяхъ замѣтилъ, какъ отличительную черту характера Наполеона, что онъ не терпѣлъ, чтобы кто нибудь съ нимъ ссорился; онъ былъ милъ, давалъ все, а потомъ оставлялъ ни при чемъ. Онъ совершенно походилъ на тѣхъ кокетокъ, которыя, какою бы то ни было цѣною, мирятся со своими любовниками, а на другой день запираютъ отъ нихъ двери для того, чтобы не считали, что онѣ ими оставлены.

Бонапарте назначилъ для нашего отъѣзда изъ Парижа 6 Маія или по тогдашнему календарю 16 Флореаля. Всѣ распоряженія были сдѣланы, всѣ приказы отданы; но онъ еще не хотѣлъ дать поводъ думать, что онъ ѣдетъ предводительствовать арміею. Наканунѣ, имѣя у себя двухъ другихъ Консуловъ и Министровъ, онъ сказалъ Луціану: «Приготовь къ завтрашнему утру циркуляръ къ Префектамъ; а Фуше прикажетъ напечатать его въ журналахъ:—скажи что я отправляюсь въ Дижонъ для осмотра резервной арміи; прибавь пожалуй, что я можетъ быть поѣду до Женевы, но увѣрь утвердительно, что я не пробуду въ отсутствіи долѣе двухъ недѣль.—Ты Камбасересъ, будешь предсѣдательствовать завтра въ Государственномъ Совѣтѣ; въ небытность мою ты глава Правительства; говори въ томъ же смыслѣ Со-

вѣту: скажи что отсутствiе мое будетъ кратковременно, не входя въ дальнѣйшiя подробности. Объяви Государственному Совѣту мое полное удовольствiе; онъ уже оказалъ великiя услуги; я доволенъ, пусть онъ продолжаетъ. Ахъ! позабылъ . . . . Объяви въ тоже время, что я назначилъ Iосифа Государственнымъ Совѣтникомъ . . . . Еслибъ что либо случилось, то я возвращусь быстрѣе молнiи! Поручаю вамъ всѣмъ блюсти выгоды Францiи и надѣюсь, что скоро заговорятъ обо мнѣ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ.»

Мы отправились въ два часа утра по Бургонской дорогѣ, по которой мы уже столько разъ ѣздили совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ.

Бонапарте, при поѣздкахъ своихъ, много разговаривалъ дорогою о воинахъ древности, особенно объ Александрѣ, о Цесарѣ, о Сципiонѣ и объ Аннибалѣ. Въ словахъ его обнаруживалось совершенное знанiе мѣстностей и обоюдныхъ способовъ воевавшихъ сторонъ. Онъ тщательно занимался изученiемъ древней и новой стратегiи. Ничто въ великомъ искуствѣ войны, не укрывалось отъ его генiя.

На пути изъ Парижа въ Дижонъ и въ Швейцарiю, разговоръ нѣсколько разъ обращался къ войнѣ. Это была тогда, какъ можно себѣ представить, господствующая въ немъ мысль. Я

спросилъ у него: «Кого вы предпочитаете, Александра или Цесаря?—Я ставлю Александра на первую степень. Удивляюсь однако же прекрасному походу Цесаря въ Африкѣ. Но причина моего предпочтенія къ Царю Македонскому, основывается на соображеніи и въ особенности на исполненіи его кампаніи въ Азіи. Должно не имѣть ни малѣйшаго понятія о войнѣ, порицая этого Государя за то, что онъ провелъ семь мѣсяцевъ при осадѣ Тира. Я бы пробылъ тамъ семь лѣтъ, еслибъ было нужно. Объ этомъ много толкуютъ въ школахъ; но я считаю осаду Тира, завоеваніе Египта и поѣздку къ Аммонскому Оазису доказательствомъ генія этого великаго вождя. Онъ хотѣлъ дать Царю Персидскому,—коего онъ разбилъ, такъ сказать, только слабый передовой отрядъ въ Граникѣ и въ Иссѣ, —время собрать всѣ свои силы, дабы однимъ ударомъ ниспровергнуть этотъ великій колоссъ, имъ только потрясенный. Александръ, преслѣдуя Дарія въ его владѣніяхъ, тотчасъ бы удалился отъ своихъ подкрѣпленій, и встрѣтилъ бы только разсѣянныя войска, которыя завлекли бы его въ степи, гдѣ бы погибла его армія. Настаивая во взятіи Тира, онъ обеспечивалъ свои сообщенія съ Греціею, этою землею, столь имъ любимою, для которой онъ все дѣлалъ, какъ я для Франціи, и въ славѣ коей онъ полагалъ свою собственную; а овладѣвъ

богатою областью Египта, столь могущественнаго въ эту эпоху, онъ принуждалъ Дарія прійти для ея защиты или освобожденія и сдѣлать къ нему половину пути. Онъ съ выгодою для своихъ намѣреній поразилъ всегда восторженный умъ Египтянъ, заставивъ признать себя сыномъ Юпитера. Извѣстно, сколько это ему послужило. И отъ того, хоть онъ и умеръ тридцати трехъ лѣтъ, а какое имя онъ послѣ себя оставилъ!»

Хотя и совершенно чуждый благородному военному ремеслу, я по крайней мѣрѣ могъ безпрестанно удивляться замысламъ Наполеона, его воинскимъ соображеніямъ, его ученымъ замѣчаніямъ, его остроумнымъ сужденіямъ о великихъ полководцахъ минувшихъ и новыхъ временъ и его поясненіямъ ихъ безсмертныхъ походовъ. Это былъ онъ вполнѣ и я не могъ не сказать ему: «Генералъ, вы всегда упрекаете меня въ томъ, что я не льстецъ, ну! право я вамъ удивляюсь.» И дѣйствительно я говорилъ правду.

ГЛАВА VII.

Внутреннія и внѣшнія дѣла.—Конскрипты.—Увѣренность Перваго Консула въ своихъ солдатахъ.—*Моя* прекрасная Франція.—Бернардинскій монастырь.—Три дня скуки.— Переходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ.—Вопросы Наполеона своему проводнику.—Прибытіе въ Монастырь.—Раздача съѣстныхъ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора Альбаредо.—Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Бардъ.—Ночлегъ въ Иврс.—Счастливая отвага.—Смѣлость и геній.—Бонапарте и Меласъ.—Ланнъ въ Монтебелло.—Двойной шпіонъ.—Полезныя свѣдѣнія.—Мнѣніе Бонапарте о Неккерѣ.

Нечего таить, что если,—съ 18 Брюмера, до той эпохи, какъ Бонапарте выступилъ въ походъ,—во внутреннихъ дѣлахъ Франціи произошли безчисленныя улучшенія, то не съ такимъ же удовольствіемъ можно было обратить

взоры на внѣшнія дѣла. Италія была потеряна и съ самыхъ границъ Прованса виднѣлся дымъ Австрійскихъ биваковъ. Бонапарте зналъ затруднительность своего положенія, и именно по этой затруднительности, онъ скорѣе хотѣлъ изъ оной выйти, каковы бы ни были послѣдствія его дерзновеннаго предпріятія. Онъ не старался себя обманывать и часто повторялъ: «Надобно пуститься на все!»

Армія, которую Первый Консулъ сбирался атаковать, была многочисленна, искусна въ ратномъ дѣлѣ и побѣдоносна; онъ же, за исключеніемъ весьма немногаго числа людей, имѣлъ только конскриптовъ; но эти новобранцы были предводительствуемы вождями, съ пылкостью коихъ ничто не могло сравниться. Судьба Наполеона долженствовала зависѣть отъ выигрыша или отъ потери сраженія; проигранная битва разсѣвала всѣ мечты его пылкаго воображенія, а съ ними исчезали и всѣ обширные его замыслы для будущности Франціи. Онъ видѣлъ опасность, но не страшился оной, полагаясь на обыкновенное свое счастіе и на преданность солдатъ своихъ. «Правда что у меня въ арміи много конскриптовъ,» говорилъ онъ; «но эти конскрипты Французы. Не прогналъ ли я четыре года тому назадъ со слабою армією Сардинскія и Австрійскія полчища и не очистилъ ли я Италію? Мы и теперь сдѣлаемъ тоже.

Солнце, насъ освѣщающее есть тоже, которое озаряло насъ при Арколѣ и при Лоди. Я полагаюсь на Массену въ надеждѣ, что онъ удержится въ Генуѣ. Но если наконецъ голодъ принудитъ его сдаться, то я возвращу Генуу въ долинахъ Скривіи. Ахъ! . . . съ какимъ удовольствіемъ я тогда опять увижу МОЮ прекрасную Францію.»

МОЮ прекрасную Францію! . . . Въ ту минуту, какъ случай, весьма возможный и даже вѣроятный, готовился навѣки у него ее похитить, онъ въ первый разъ заговорилъ объ ней, какъ о своей собственности; десять описательныхъ страницъ не сказали бы столько, какъ это притяжательное мѣстоименіе при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, для изображенія молній умоизступленія, пролетавшихъ въ головѣ Бонапарте, тогда какъ онъ предавался великимъ мечтамъ своимъ о славѣ и счастіи.

Въ этомъ-то блистательномъ расположеніи ума Первый консулъ прибылъ 20 Маія въ Мартиньи.

Мартиньи есть Бернардинскій монастырь, лежащій въ долинѣ, куда почти никогда не проницаютъ лучи солнца. Армія была на походѣ къ большому Сен-Бернару. Бонапарте три дня ждалъ въ этомъ печальномъ уединеніи и въ величайшей скукѣ, пока сдастся крѣпость Бардъ,

находившаяся за горою и прикрывавшая Иврейскую дорогу. Городъ былъ взятъ 21 Маія. На третій день онъ узналъ, что крѣпость еще держится и что ничто не предвѣщаетъ ея близкой сдачи. Онъ сильно посѣтовалъ на начальствующаго осадою и сказалъ мнѣ: *Я скучаю здѣсь въ монастырѣ, а эти глупцы вѣрно никогда не возьмутъ крѣпость Бардъ; я поѣду самъ посмотрѣть; они принуждаютъ меня заниматься такою дрянью.* И тотчасъ приказалъ сбираться въ путь.

Вторженіе въ Италію чрезъ гору Сен-Бернаръ есть великая и прекрасная мысль, принадлежащая вполнѣ Первому Консулу. Этотъ дивный переходъ былъ предметомъ справедливаго удивленія свѣта, между тѣмъ какъ невѣроятныя затрудненія, имъ представляемыя, не устрашили отвагу солдатъ Наполеона. Генералы его, привыкшіе переносить усталость и пренебрегать всякими опасностями, едва замѣтили то, что этотъ замыселъ новаго Аннибала имѣлъ въ себѣ исполинскаго. Страннопріемный домъ, построенный на вершинѣ долинъ Аостской и Мартиньи для поданія помощи заблудившимся путникамъ, достаточно обнаруживаетъ опасность, коей подвергаются люди, путешествующіе по этимъ горамъ, столь подверженнымъ бурямъ; но тутъ дѣло шло не о странникахъ, которые по одиначкѣ пробирались бы чрезъ Сен-Бер-

наръ, а о цѣлой арміи съ кавалеріею, со обозомъ, съ зарядными ящиками и съ артиллеріею: вотъ чему слѣдовало пройти по этимъ узкимъ тропинкамъ, по которымъ и пастухи ходятъ не иначе какъ съ величайшею осторожностью; съ одной стороны, нависшіе снѣги могли каждую минуту обрушиться и увлечь насъ съ собою въ пропасти; съ другой, оступиться — стоило жизни. Мы прошли всѣ и люди и лошади одинъ за однимъ по козьей тропинкѣ. Артиллерія была снята съ лафетовъ и пушки, положенныя въ выдолбленные пни, перетащены на веревкахъ.

Я сказалъ уже, что Первый Консулъ послалъ деньги въ Страннопріемный домъ Большаго Сен-Бернара; добрые отцы закупили въ долинахъ, а особенно въ Швейцарской, большой запасъ сыру, хлѣба и вина. Передъ домомъ, между имъ и дорогою, были поставлены столы; и каждый солдатъ проходя, выпивалъ стаканъ вина, бралъ себѣ кусокъ хлѣба съ сыромъ и уступалъ мѣсто другому. Монахи подавали и приносили вновь запасы съ удивительнымъ усердіемъ.

Первый Консулъ взошелъ на Сен-Бернаръ съ тѣмъ спокойствіемъ, хладнокровіемъ и равнодушнымъ видомъ, которые никогда не оставляли его, если онъ чувствовалъ необходимость подать примѣръ своею собственною особою. Онъ разспрашивалъ своего проводника о двухъ

долинахъ, входилъ во всѣ подробности, освѣдомлялся, какiе способы къ существованiю имѣли жители, съ кѣмъ они находились въ сношенiяхъ и такъ ли часто случались несчастiя, какъ говорили. Проводникъ сообщилъ ему, что продолжительная привычка и столѣтнiй порядокъ случавшихся событiй, такъ научили жителей предузнавать хорошую или дурную погоду и бури, что они рѣдко ошибались. Бонапарте былъ въ своемъ сѣромъ сертукѣ и шелъ держа въ рукѣ хлыстъ, нѣсколько печалясь о томъ, что никто нейдетъ къ нему на встрѣчу изъ Аостской долины съ вѣстью о взятiи крѣпости Барда. Я ни на минуту не оставлялъ его при всходѣ и не взирая на чрезвычайную трудность дороги, мы не подверглись никакой личной опасности и отдѣлались только большою усталостью.

По прибытiи въ Страннопрiемный домъ, Первый Консулъ вошелъ въ залу онаго; посѣтилъ часовню, три небольшiя библiотеки и нашелъ время прочитать нѣсколько страницъ въ старой книгѣ, которой я не упомню заглавiя.

Неподалеку отъ этого дома возвышаются двѣ остроконечныя льдяныя скалы, около 80 футъ высотою. Монахи разсказывали намъ о смерти путешественниковъ, которые, не внимая ихъ предостереженiямъ, непремѣнно хотѣли взобраться на вершину этихъ льдяныхъ скалъ и

оборвались оттуда не удержавшись на желѣзныхъ у рукъ и ногъ прицѣпкахъ.

Нашъ завтракъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обѣдъ былъ очень умѣренъ. Замѣтивъ, что небольшой садикъ покрытъ еще снѣгомъ, я сказалъ одному изъ монаховъ: «У васъ должно быть здѣсь очень мало овощей.—Мы все получаемъ изъ долинъ. Только въ Августѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе годы, вырастаетъ у насъ мелкій салатъ.» Площадка Большаго Сен-Бернара находится только въ 59 метрахъ ниже вѣчныхъ снѣговъ, которые на широтѣ сей горы таютъ только ниже 2,550 метровъ (*).

Достигнувъ до оконечности площадки, многіе изъ насъ сѣли на снѣгъ и скатились внизъ. Тѣ, которые были впереди, оказывали услугу слѣдовавшимъ за ними, ибо они сглаживали снѣгъ и пролагали дорогу. Этотъ быстрый скатъ очень насъ смѣшилъ; мы были останавливаемы только грязью, которая смѣняла растаявшій снѣгъ въ 5 или 600 туазахъ.

Мы перешли или лучше сказать перелѣзли черезъ гору Альбаредо для того, чтобы миновать крѣпость Бардъ, замыкающую Аостскую долину. Видя, что совершенно было невозможно перетащить Артиллерію черезъ эту гору, такъ сказать неприступную, — рѣшились пере-

(*) Высота горы Сен-Бернара составляетъ 2491 метръ а горы Сениса 2,066 метровъ.

везти ее чрезъ городокъ Бардъ. Городъ не былъ укрѣпленъ. При наступленіи ночи, обернувъ колеса лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ соломою и древесными вѣтвями, а также частью и ноги у лошадей, поспѣшно проѣхали чрезъ этотъ небольшой городокъ, находясь подъ самымъ огнемъ крѣпости; но она не довольно выдавалась надъ улицею для того, чтобы домы не могли защитить насъ отъ самаго губительнаго его дѣйствія. Большая часть арміи прошла до сдачи этой крѣпости, которая такъ господствуетъ надъ узкою долиною, ведущею въ Аостъ, что невозможно постигнуть небрежности и беспечности Австрійцевъ, которые, посредствомъ самыхъ простыхъ предосторожностей, могли бы сдѣлать безполезнымъ переходъ чрезъ Сен-Бернаръ.

Мы прибыли 23 числа на видъ крѣпости Барда, которая господствуетъ надъ дорогою, сжатою между Доріа-Балте съ правой стороны и горою Альбаредо съ лѣвой. Доріа-Балте есть небольшой ручей, отдѣляющій городъ Бардъ отъ крѣпости. Бонапарте, коего свита была немногочисленна, переѣхалъ чрезъ этотъ ручей. Приблизясь на пушечный выстрѣлъ, онъ приказалъ всѣмъ ѣхать вскачь для достиженія на лѣвой сторонѣ небольшой тропинки, ведущей на вершину горы Альбаредо и обгибающейся вокругъ города и крѣпости Барда. По

этой тропинкѣ мы пѣшіе взобрались съ большимъ трудомъ. Достигнувъ до площадки, которая весьма въ близкомъ разстояніи превышаетъ крѣпость, Бонапарте приказалъ поставить свою зрительную трубу и скрывшись отъ выстрѣловъ осажденныхъ въ кустарникѣ, гдѣ его было не видно, разсмотрѣлъ крѣпость съ наивеличайшимъ вниманіемъ. Послѣ многихъ вопросовъ, сдѣланныхъ тѣмъ, которые явились къ нему съ донесеніями объ осадѣ крѣпости, онъ съ живостью и съ досадою объявилъ сдѣланныя ошибки, назначилъ съ тѣмъ вѣрнымъ взглядомъ, который столь рѣдко его обманывалъ, мѣсто для новой батареи, долженствовавшей дѣйствовать въ указанную имъ точку, и поручился что послѣ первыхъ выстрѣловъ крѣпость сдастся. Отдавъ эти приказанія, онъ тотчасъ спустился съ горы, оставилъ крѣпость за собою и отправился ночевать въ Иврe. 2 Іюня узналъ онъ что крѣпость наканунѣ сдалась.

Если переходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ долженъ занимать важное мѣсто въ лѣтописяхъ счастливой отваги, то нельзя довольно надивиться соображенію онаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и счастію Перваго Консула, которое ослѣпило его непріятелей. Смѣлая попытка его не была предвидѣна, а потому никакой Австрійскій отрядъ не защищалъ пути къ крѣпости Барду. Во всей этой сторонѣ совершенно не было

войскъ и мы едва встрѣтили нѣсколько слабыхъ отрядовъ, не могшихъ остановить походъ нашъ къ Милану. Бонапарте умѣлъ избрать слабую точку, изумить, ошеломить своего непріятеля, который за лучшее счелъ итти въ обратный путь и отказаться отъ вторженія своего во Францію. При такихъ-то обстоятельствахъ смѣлость на войнѣ есть истинное внушеніе генія. Но этотъ смѣлый геній, одушевлявшій Наполеона, не одушевилъ Меласа, предводительствовавшаго Австрійскою арміею. Еслибъ Меласъ имѣлъ твердость, которую должно предполагать въ Главнокомандующемъ, еслибъ онъ сообразилъ обоюдное положеніе обѣихъ сторонъ; еслибъ онъ помыслилъ что ему уже было поздо возвращаться на свою операціонную линію и возстановлять свои сообщенія съ наслѣдственными областями; что онъ владѣлъ *всѣми* крѣпостями Италіи; что ему нечего было опасаться Малены и что Сюшетъ не могъ сдѣлать ему сопротивленія; еслибъ тогда, взявъ себѣ въ примѣръ Бонапарте, онъ такъ сказать, сжегъ свои карабли и двинулся бы къ Ліону, то чтобы сталъ дѣлать Первый Консулъ? Меласъ встрѣтилъ бы мало сопротивленія и нашелъ бы города почти повсюду открытыми, между тѣмъ какъ Французская армія убывала бы сама собою не имѣя непріятеля, съ которымъ бы могла сразиться. Вотъ безъ сомнѣнія что сдѣлалъ бы Бонапарте, еслибъ онъ онъ былъ Ме-

ласомъ; но къ счастію для насъ, Меласъ не былъ Наполеономъ.

Мы прибыли въ Миланъ 2 числа, въ тотъ самый день, когда, какъ выше сказано, Первый Консулъ узналъ о взятіи крѣпости Барда. Вступленію нашему въ столицу Ломбардіи мало противились и едва можно назвать сраженіями нѣсколько аванпостныхъ дѣлъ, коихъ успѣхъ ни на минуту не подлежалъ сомнѣнію. Миланская крѣпость была тотчасъ обложена; Мюратъ посланъ въ Піаченцу, которою онъ безпрепятственно овладѣлъ; а Ланнъ разбилъ Генерала Отта при Монтебелло. Онъ вовсе еще тогда не думалъ что этимъ подвигомъ онъ завоевалъ тогда себѣ будущее Герцогство.

Первый Консулъ провелъ шесть дней въ Миланѣ. На другой день ему доложили о шпіонѣ, который очень хорошо служилъ намъ въ первыя, удивительныя Италіянскія кампаніи. Первый Консулъ вспомнилъ объ немъ и приказалъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ. «*Какъ! ты еще не разстрѣлянъ?*—Генералъ,» отвѣчалъ ему шпіонъ, «когда война возобновилась, то я рѣшился служить Австрійцамъ потому что вы были далеко отъ Европы; я придерживаюсь къ тому кто счастливѣе и всегда находилъ это выгоднымъ; но мнѣ наскучило ремесло мое: хочу его покинуть и устроить себѣ небольшое состояніе для того чтобы жить покойно. При-

сланный въ вашу армiю Генераломъ Меласомъ, я могу оказать вамъ большую услугу. Я доставлю вамъ вѣрный списокъ всѣхъ Австрiйскихъ корпусовъ, силы ихъ, расположенiя и именъ ихъ начальниковъ. Я скажу вамъ, въ какомъ положенiи находится Александрiя. Вы меня знаете, я имѣю къ вамъ довѣренность и не обману васъ. Но я долженъ привезти что нибудь моему Генералу. Вы довольно сильны для того чтобы сообщить мнѣ нѣсколько вѣрныхъ свѣдѣнiй, которыя я ему представлю. —Если только въ этомъ дѣло,» отвѣчалъ Первый Консулъ, «то я мало забочусь о томъ, что узнаютъ мои силы и мою позицiю, лишь бы я хорошо зналъ силы и позицiю непрiятеля и лишь бы ему не были извѣстны мои намѣренiя. Ты будешь доволенъ, но не обманывай меня. Ты просишь у меня тысячу луйдоровъ и получишь ихъ, если хорошо мнѣ услужишь.» Тогда я написалъ со словъ этого шпiона названiе корпусовъ, силу ихъ, расположенiе и имена Генераловъ. Первый Консулъ означилъ булавками на картѣ всѣ свѣдѣнiя о мѣстности, сообщенныя ему шпiономъ. Этотъ послѣднiй потомъ прибавилъ, что Александрiя не снабжена продовольствiемъ и что Меласъ вовсе не ожидаетъ осады; что тамъ много больныхъ, что тамъ недостатокъ въ лекарствахъ и проч.—Дежурный Генералъ Бертье получилъ

приказъ дать ему довольно близкую къ истинѣ записку о нашемъ положеніи. Свѣдѣнія, сообщенныя этимъ человѣкомъ, которымъ Бонапарте былъ очень доволенъ въ свои первые походы, оказались столь вѣрными и принесли ему такую пользу, что возвратясь изъ Маренго, онъ приказалъ мнѣ отсчитать ему условленную сумму. Шпі сказалъ ему, что Меласъ былъ восхищенъ его онъ услугою въ этомъ случаѣ и хорошо наградилъ его. Онъ объявилъ намъ, что прощается со своимъ дурнымъ ремесломъ. Первый Консулъ счелъ это небольшое обстоятельство одною изъ милостей своей фортуны.

Проѣздомъ чрезъ Женеву, Бонапарте имѣлъ свиданіе съ Г. Неккеромъ (*); не знаю почему а въ первую минуту онъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ. Однакожъ я очень любопытствовалъ узнать, что онъ думаетъ о человѣкѣ, который во Франціи пользовался столь великою славою. Однажды вечеромъ, когда мы толковали о разныхъ вещахъ, мнѣ удалось за-

(*) Госпожа Сталь кратко описываетъ это свиданіе Наполеона съ отцемъ ея. «Г. Неккеръ,» говоритъ она, «имѣлъ разговоръ съ Бонапарте при проѣздѣ его въ Италію чрезъ гору Сен-Бернаръ, за нѣсколько дней до Маренгскаго сраженія. Въ продолженіе этого разговора, происходившаго два часа Первый Консулъ сдѣлалъ на отца моего довольно пріятное впечатлѣніе довѣренностью, съ которою онъ говорилъ ему о своихъ будущихъ намѣреніяхъ.»

Considérations sur la Révolution Française.

вести объ этомъ рѣчь. Онъ сказалъ мнѣ: «Г. Неккеръ показался мнѣ гораздо ниже своей славы и вовсе не отвѣчающимъ тому понятію, которое я себѣ объ немъ составилъ. Я много съ нимъ болталъ для того, чтобы заставить его разговориться; но онъ не сказалъ мнѣ ничего замѣчательнаго; это идеологъ, банкиръ; не возможно, чтобы такіе люди не имѣли ограниченныхъ видовъ; а притомъ всѣ знаменитые мужи теряютъ когда ихъ увидишь вблизи.—Невсегда, Генералъ.» — А! замѣтилъ онъ мнѣ, разсмѣявшись, «не дурно Буріеннъ; ты образовываешься; въ тебѣ будетъ толкъ!»

ГЛАВА VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата.—Перехваченная депеша. —Ланнъ въ Монтебелло.—Слова Ланна.—Письмо Дезе.— Дезе назначенъ вмѣсто Буде. — Искренняя дружба Наполеона.—Холодность Перваго Консула къ Г. Колло.—Разговоръ и воспоминанія. — Легкомысліе Г-жи Бонапарте.— Рѣшимость разлучиться съ нею.—Приглашеніе къ завтраку.—Трудность прощенія.—Пріемный сынъ Наполеона.— Слезы Гортензіи.—Примиреніе.—Причина холодности Бонапарте.—Ложный доносъ.—Скромность.—Вѣрный расчетъ. —Маренго.—Проигранное сраженіе. — Сужденіе Дезе. — Генералъ Келлерманъ.—Удивительный натискъ. — Услуга, внутренно чувствуемая, но явно не признанная. — Почтъ-Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горесть Перваго Консула.—Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ. — Суровыя условія.—Твердость Наполеона.—Возвращеніе въ Миланъ. —Адъютанты Дезе.

Приближался день, въ который все долженствовало быть потеряннымъ или пріобрѣтеннымъ. Первый Консулъ дѣлалъ всѣ распоряже-

нія, и посылалъ различные корпуса своей арміи для занятія точекъ, имъ назначенныхъ. Я сказалъ выше, что Мюрату было поручено занятіе Піаченцы; едва онъ занялъ этотъ городъ, какъ перехватилъ курьера отъ Генерала Меласа. Депеша, адресованная Вѣнскому Военному Совѣту, дошла до насъ 8 Іюня ночью. Въ ней было объявлено о сдачѣ Генуи 4 числа, послѣ защиты столь долговременной, столь достопамятной и дѣлающей такую честь Массенѣ; Меласъ говорилъ въ этой депешѣ о нашей мнимой резервной арміи съ непостижимымъ пренебреженіемъ, а о присутствіи Наполеона въ Италіи какъ о сказкѣ; онъ доносилъ, что Бонапарте находится въ Парижѣ. Нельзя было далѣе простерть мечты и ослѣпленіе. Курьеръ Мюрата пріѣхалъ послѣ трехъ часовъ утра. Я тотчасъ перевелъ депешу, написанную по Нѣмецки и этотъ самый переводъ былъ обнародованъ. Около четырехъ часовъ утра я вошелъ къ Первому Консулу, котораго я принужденъ былъ слегка толкнуть рукою, дабы разбудить его. Онъ всегда приказывалъ мнѣ, какъ выше упомянуто, будить его для дурныхъ извѣстій, но давать ему спать, если получатся хорошія. Я прочиталъ ему депешу: сначала, онъ такъ удивился этой неожиданной вѣсти, что сказалъ мнѣ: — *Видно что ты не знаешь по Нѣмецки.* Но сказавъ эту шутку, онъ тотчасъ всталъ и въ

восемь часовъ всѣ приказанія для отвращенія послѣдствій, могущихъ произойти отъ этого неожиданнаго событія,—и для предупрежденія похода войскъ къ Скривіи,—были уже отправлены. Онъ въ тотъ же день самъ отправился въ Страделлу.

Я читалъ во многихъ сочиненіяхъ, будто бы самъ Первый Консулъ лично выигралъ Монтебелское сраженіе. Это ошибка. Читатели видѣли, что Бонапарте выѣхалъ изъ Милана не прежде какъ 9 Іюня, а въ этотъ самый день, Ланнъ уже сражался съ непріятелемъ. Главная квартира была учреждена въ Страделлѣ, гдѣ оная находилась до 12 Іюня. Уже 13 числа походомъ къ Скривіи, Первый Консулъ прошелъ чрезъ Монтебелло и увидѣлъ поле сраженія. Церкви были еще наполнены ранеными и слѣды смерти, повсюду представлявшіеся, довольно доказывали, сколько эта кровавая побѣда была оспориваема. Вся слава этого дня принадлежитъ Генералу Ланну. Онъ тутъ пріобрѣлъ себѣ титулъ, который онъ въ послѣдствіи носилъ съ такимъ равнодушіемъ и съ такою честью. Герцогство Монтебелло, присвоенное не землѣ а храбрости и чести, — вѣчно будетъ существовать въ исторіи. Битва такъ была ужасна, что Ланнъ, разговаривая при мнѣ черезъ нѣсколько дней послѣ того съ Г. Колло, сказалъ ему слѣдующія слова, врѣзавшіяся у

меня въ памяти: «Кости такъ трещали въ моей дивизіи какъ градъ, бьющій въ стекла.»

По одному изъ дѣйствій случая, часто столь странныхъ, Дезе, долженствовавшій споспѣшествовать къ одержанію побѣды и остановить Маренгское пораженіе, прибылъ изъ Египта въ Тулонъ, въ тотъ самый день, какъ мы выѣхали изъ Парижа. Онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Тулонъ, 16 Флорсаля VIII года (6 Маія 1800).

«Я прибылъ изъ Египта, любезный Буріеннъ, «и не стану описывать тебѣ удовольствія, ко«торое я ощутилъ, вышедъ на берегъ. Ты самъ «испыталъ его и знаешь его лучше меня. Я «въ радости, семейство мое осчастливлено по«печеніями Генерала Бонапарте, а ты какъ я «надѣюсь въ Парижѣ, наслаждаешься столь же«ланною тобою *спокойною жизнью*. Принимаю «смѣлость, любезный Буріеннъ, просить у тебя «небольшой услуги, состоящей въ томъ, чтобы «предупредить, находящееся въ Парижѣ мое се«мейство, въ случаѣ еслибъ ты узналъ, что я «долженъ буду туда отправиться; ты меня край«не обяжешь. Записку свою адресуй на имя «гражданки Ле Норманъ въ Пелетіерской ули«цѣ No. 4 на Италіянскомъ булеварѣ. Я ничего «столько не желаю, какъ сколько можно ско«рѣе отправиться въ походъ. Но еслибъ Гене«ралу было угодно, чтобы я пріѣхалъ въ сто-

«лицу, то я готовъ повиноваться, и для ме-
«ня очень важно, какъ я тебя о томъ про-
«шу, чтобы родственники мои были на счетъ
«сего предупреждены. Тысячу разъ прошу из-
«виненія въ томъ, что я тебя затрудняю, но
«мнѣ извѣстна твоя ко мнѣ дружба и я не
«страшусь употребить ее во зло. Засвидѣтель-
«ствуй мое почтеніе Г-жѣ Буріеннъ. Напомни
«обо мнѣ Дюроку и всѣмъ товарищамъ.

ДЕЗЕ.»

Выше сказано, что мы оставили Парижъ въ
въ тотъ самый день, какъ Генералъ Дезе пи-
салъ ко мнѣ изъ Тулона. Я получилъ письмо
его въ Мартиньи и показалъ оное Первому
Консулу. — *Какъ бы не въ Парижъ!* сказалъ
онъ, и къ нему тотчасъ былъ отправленъ при-
казъ: безъ замедленія явиться въ главную квар-
тиру Италіянской арміи, туда, гдѣ она будетъ.
Дезе прибылъ въ Страделлу 11 Іюня утромъ.
Первый Консулъ принялъ его съ самымъ ис-
креннимъ дружелюбіемъ, какъ человѣка, къ ко-
которому онъ имѣлъ величайшее уваженіе и
котораго таланты и характеръ подали ему вы-
сокое мнѣніе о томъ, что онъ могъ нѣкогда
сдѣлать. Бонапарте, ревновавшій къ другимъ
Генераламъ, коихъ онъ страшился завистливаго
честолюбія, никогда не питалъ въ этомъ отно-
шеніи ни малѣйшаго безпокойства къ Дезе.
Столь же умѣренный, какъ способный; столь

же скромный, какъ свѣдущiй; соединявшiй твердость съ кротостью,—Дезе доказывалъ своимъ поведенiемъ и рѣчами, что онъ любилъ славу только для нея самой и утверждаю, что всякое чувство власти и политическаго господства, было ему чуждо. Дружба Бонапарте къ нему, доходила до восторга. При этомъ первомъ свиданiи по прiѣздѣ изъ Тулона, онъ пробылъ запершись съ Первымъ Консуломъ болѣе трехъ часовъ. На другой же день послѣ его прибытiя, приказомъ по армiи Дезе былъ назначенъ начальникомъ дивизiи Буде (*).

Я изъявилъ Генералу Бонапарте удивленiе мое о продолжительномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Дезе. — «Да,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «я долго съ нимъ пробылъ; но ты знаешь, что я чрезвычайно его уважаю. Тотчасъ по возвращенiи въ Парижъ, я сдѣлаю его Военнымъ Министромъ: онъ всегда будетъ по мнѣ первымъ; я бы сдѣлалъ его Княземъ еслибъ могъ; я нахожу въ немъ духъ древнихъ.» Дезе былъ убитъ черезъ два дня послѣ сего на тридцать третьемъ году своей жизни.

Читатель конечно не забылъ какъ убѣдительно Бонапарте упрашивалъ Г. Колло ѣхать

(*) Буде находился въ тѣсныхъ связяхъ съ Наполеономъ. Первый Консулъ конечно былъ огорченъ его смертью; однакожъ, при полученiи объ оной извѣстiя, онъ сказалъ только: «Кѣмъ къ чорту, я замѣню теперь Буде?»

въ Италію и сколько онъ употребилъ ласки для того, чтобы преклонить его къ тому. Г. Колло туда пріѣхалъ и посѣтилъ Бонапарте въ Миланѣ; этотъ послѣдній принялъ его холодно, хоть онъ тогда еще и не выигралъ Маренгской битвы, но наступила минута для того, чтобы выместить ему за употребленныя съ нимъ въ Парижѣ просьбы. Г. Колло, какъ видѣли, находился съ Наполеономъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и оказалъ ему множество услугъ; изъ этихъ двухъ причинъ, одной уже было достаточно для возбужденія непріязни Наполеона, ибо онъ никогда не хотѣлъ сознаться въ томъ, что онъ кому нибудь обязанъ и не любилъ людей, слишкомъ посвященныхъ въ его семейныя тайны, которыя онъ наконецъ рѣшился скрывать.

На другой день послѣ того какъ Первый Консулъ сдѣлалъ столь холодный пріемъ Г-ну Колло, я имѣлъ случай долго разговаривать съ этимъ послѣднимъ, пока Бонапарте ѣздилъ осматривать стоявшія въ Миланѣ войска. Онъ ни на минуту не ошибся на счетъ причинъ этой необычайной холодности; ибо Г. Колло былъ человѣкъ, знавшій, послѣ меня, лучше всякаго другаго Генерала Бонапарте, съ первой Италіянской кампаніи до оказаннаго ему пренебреженія въ эпоху Консульскаго похода. Я изложу здѣсь сказанное мнѣ Г-мъ Колло, коего въ слѣдую-

щей Главѣ приведу другой разговоръ, не менѣе любопытный, но болѣе важнаго содержанія.

За нѣсколько времени до учрежденія Консульства, т. е. черезъ два или черезъ три дня по возвращеніи нашемъ изъ Египта,—Бонапарте, въ минуту сильной ревности своей къ Іозефинѣ, говорилъ Г-ну Колло о женѣ своей, о ея легкомысленныхъ поступкахъ и о гласности оныхъ: «Ничего не будетъ болѣе общаго между мною и ею,» сказалъ Бонапарте.—«Какъ, вы хотите съ нею разстаться?—Развѣ она этого не заслужила?—Не знаю; но время ли теперь этимъ заниматься. Подумайте о Франціи. Она устремляетъ на васъ взоры, ожидая, что вы посвятите всѣ свои минуты ея благоденствію; если она замѣтитъ, что вы тревожитесь семейнымы ссорами, то ваше величіе исчезнетъ и вы будете въ глазахъ ея только Моліеровымъ мужемъ. Оставьте теперь вины вашей супруги. Если вы ею недовольны, то вы отошлете ее отъ себя тогда, какъ у васъ не будетъ другаго дѣла; но начните возстановленіемъ Государства. Послѣ вы найдете тысячу причинъ для оправданія вашего негодованія; теперь Франція не уважитъ ни одной и вы слишкомъ хорошо знаете наши нравы для того чтобы не почувствовать, сколь для васъ важно въ самомъ началѣ не показаться страннымъ.»

Бонапарте довольно долго далъ Г-ну Колло волю говорить и этотъ послѣдній думалъ уже, что онъ произвелъ на него нѣкоторое впечатлѣніе, какъ вдругъ Генералъ вскричалъ: «Нѣтъ! рѣшено; она не ступитъ больше ногой ко мнѣ въ домъ. Какое мнѣ дѣло до того что объ этомъ скажутъ. Поболтаютъ день или два, а на третій забудутъ; посреди скопляющихся событій что значитъ разводъ? Мой не будетъ даже замѣченъ. Жена моя поѣдетъ въ Мальмезонъ. Я останусь здѣсь. Публикѣ довольно все извѣстно для того чтобы не ошибиться на счетъ причинъ ея удаленія.»

Г. Колло тщетно старался склонить его къ умѣренности; Бонапарте разсыпался въ упрекахъ и въ брани. «Такая запальчивость», сказалъ ему Г. Колло, «доказываетъ мнѣ, что вы все еще въ нея влюблены. Она пріѣдетъ, оправдается, вы простите ей и успокойтесь.—Я! чтобы я ей простилъ! никогда. . . . Вы славно меня знаете. . . . Еслибъ я не былъ увѣренъ въ себѣ, *то вырвалъ бы это сердце и бросилъ бы его въ огонь.*» При этихъ словахъ, почти задыхаясь отъ гнѣва, Наполеонъ схватилъ себя рукою за грудь какъ будто съ тѣмъ, чтобы растерзать ее.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого жестокаго припадка, Г. Колло удалился; но передъ уходомъ его, Бонапарте пригласилъ его на другой день къ себѣ завтракать.

Г. Колло явился въ десять часовъ и проходя черезъ дворъ узналъ, что Госпожа Бонапарте, которая какъ читатели видѣли, ѣздила на встрѣчу къ Генералу до Лiона не повстрѣчавъ его, воротилась ночью. Увидѣвъ Г. Колло, Бонапарте очень смутился; однакоже пошелъ къ нему на встрѣчу и провелъ его въ особую горницу не желая ввести его въ нашъ рабочiй кабинетъ потому что я тогда тамъ находился. «И такъ», сказалъ Бонапарте Г. Колло, лишь только они вошли, «и такъ она здѣсь. — Тѣмъ лучше; вы для себя и для насъ очень хорошо сдѣлали.— Не думайте чтобы я простилъ! . . . Никогда въ жизни! . . . Я бы желалъ имѣть только сомнѣнiя! . . . Я выгналъ ее когда она прiѣхала! . . . А этотъ глупецъ Iосифъ, тутъ находившiйся! . . . Но чтожъ мнѣ дѣлать Колло? Когда она въ слезахъ сходила съ лѣстницы, то я увидѣлъ Евгенiя и Гортензiю, которые рыдая шли за нею. Мнѣ не даромъ дано сердце и я немогу видѣть равнодушно слёзы. Евгенiй былъ со мною въ Египтѣ; я привыкъ считать его прiемнымъ моимъ сыномъ; онъ такъ храбръ и такой добрый молодой человѣкъ! Гортензiя готовится вступить въ свѣтъ; всякой кто ее знаетъ, хорошо объ ней отзывается. Признаюсь Колло, я былъ сильно тронутъ; я не могъ выдержать рыданiй этихъ двухъ бѣдныхъ дѣтей; я сказалъ самъ себѣ: не ужели они должны быть жерт-

вами вины ихъ матери; я оставилъ у себя Евгенія; Гортензія воротилась съ матерью, я ничего не сказалъ. Да и что мнѣ было дѣлать? Человѣкъ не можетъ не быть слабымъ.—Вѣрьте, что они васъ за то вознаградятъ. — Они должны это сдѣлать, Колло, они должны, ибо мнѣ довольно это стоитъ.» Послѣ этого разговора, Бонапарте вышелъ и Г. Колло послѣдовалъ за нимъ въ столовую, гдѣ я находился и мы съ Г. Колло очень помнимъ, что Евгеній сѣлъ за столъ, но ни Гортензія, ни Іозефина не явились. Я разсказалъ выше, сколько я при этомъ случаѣ содѣйствовалъ къ примиренію и на другой же день полное согласіе возстановилось между побѣдителемъ Египта и прекрасною женщиною, побѣдившею Наполеона.

Таково было содержаніе разговора моего съ Г. Колло въ продолженіе пребыванія нашего въ Миланѣ до Маренгскаго дѣла; ниже увидятъ, что мы имѣли съ нимъ еще другой разговоръ въ томъ же городѣ послѣ новаго покоренія Италіи Французскимъ оружіемъ. Можетъ быть извинятъ, по покрайней мѣрѣ поймутъ чѣмъ именно эта короткость сношеній съ Г. Колло, имѣвшимъ независимое состояніе могла быть тягостна для Перваго Консула, хотя и занятаго тогда однѣми только мыслями о славѣ и честолюбіи.

Первый Консулъ ночевалъ 13 числа въ Торре ди Галифоло. Онъ съ вечера приказалъ отправить Офицера Генеральнаго Штаба для осмотра, есть ли у Австрійцевъ мостъ черезъ Бормиду. Я находился у него, когда очень поздо къ нему пришли съ донесеніемъ, что *моста нѣтъ*. Эта вѣсть успокоила Перваго Консула и онъ легъ спать очень довольный. Но когда на другой день рано утромъ раздалась пальба изъ пушекъ, и когда онъ узналъ что Австрійцы, вступивъ на долину, начали бой,—то онъ сильно вознегодовалъ за лживое донесеніе Офицера Генеральнаго Штаба, обвинивъ его въ трусости, и въ томъ что онъ не посмѣлъ довольно заѣхать впередъ; онъ даже хотѣлъ отдать его подъ судъ; успѣли однакоже успокоить Перваго Консула, и я изъ скромности умалчиваю теперь объ имени этого Офицера. Бонапарте, сѣвъ на лошадь, поспѣшно отправился къ мѣсту сраженія. Я увидѣлъ его не прежде шести часовъ вечера. По его приказанію я отправился въ Сан-Жуліано. Я сказалъ уже, что это была деревня, долженствовавшая по соображеніямъ его въ Мартѣ мѣсяцѣ, сдѣлаться мѣстомъ битвы: Сан-Жуліано былъ только въ двухъ миляхъ отъ точки гдѣ началось сраженіе. Послѣ полудня, я увидѣлъ проходившихъ чрезъ эту деревню множество раненыхъ и провожавшихъ ихъ солдатъ, а вскорѣ послѣ того и толпы бѣгущихъ. Въ

Сан-Жуліано говорили только объ отступленіи, которому одинъ лишь Бонапарте какъ сказывали съ твердостью противился. Мнѣ тогда посовѣтовали убираться изъ Сан-Жуліано, гдѣ я только что получилъ курьера на имя Главнокомандующаго. Еще 14 числа утромъ, Генералъ Дезе былъ посланъ къ Нови для наблюденія дороги въ Генуу, которая къ несчастію, за нѣсколько дней предъ тѣмъ пала, не взирая на усилія ея знаменитаго защитника. Возвратясь съ этою дивизіею въ Сан-Жуліано, я былъ пораженъ малочисленностью отряда, шедшаго на помощь къ весьма слабой, разсѣянной арміи. Сраженіе считали проиграннымъ и оно дѣйствительно было въ такомъ положеніи, ибо на вопросъ Перваго Консула Генералу Дезе, какъ онъ думаетъ, этотъ добрый и храбрый воинъ отвѣчалъ безъ всякаго хвастовства: «Сраженіе совершенно проиграно; но еще только два часа и у насъ есть время сего дня же выиграть другое.» Первый Консулъ въ тотъ же вечеръ самъ пересказалъ мнѣ эти простыя, геройскія слова Дезе. Кто бы могъ подумать, что небольшая колонна и малое количество тяжелой кавалеріи Генерала Келлермана перемѣнятъ къ пяти часамъ жребій этого дня? Ибо нельзя утаить, что мгновенное вдохновеніе Келлермана превратило пораженіе въ побѣду и рѣшило выигрышъ Маренгской битвы.

Это достопамятное сраженіе, коего слѣдствія были неисчислимы, сдѣлалось предметомъ множества повѣствованій; Бонапарте три раза приказывалъ переписывать реляціи объ ономъ и я долженъ сказать, что ни въ одной изъ этихъ реляцій не находится столько истины, какъ въ Запискахъ Герцога Ровиго. Тутъ даже достойно примѣчанія, что Императоръ Наполеонъ наконецъ сдѣлался уже недовольнымъ тѣмъ, что велѣлъ сказать Первый Консулъ Бонапарте. Что касается до меня, то не имѣвъ чести носить шпаги, я не могу сказать что видѣлъ исполненіе того или того движенія; но могу изложить здѣсь какъ очевидецъ то, что было говорено вечеромъ послѣ Маренгской битвы о различныхъ случайностяхъ этого великаго дня. Касательно же роли, которую игралъ тутъ Первый Консулъ, то кажется характеръ его довольно уже выставленъ въ сихъ Запискахъ для того чтобы себѣ ее объяснить; онъ не хотѣлъ чтобы можно было приписать столь рѣшительную развязку какой либо другой причинѣ, кромѣ соображеній его генія; и этотъ геній показалъ себя въ столь многихъ случаяхъ столь полнымъ и столь обширнымъ, что не такъ хорошо знавъ его ненасытную жажду къ славѣ; я бы удивился какому то полу-неудовольствію, обнаруженному имъ къ причинѣ успѣха посреди самой радости объ этомъ успѣхѣ. Надобно при-

знаться, что онъ въ этомъ не походилъ на Журдана, на Гоша, на Клебера и на Моро, которые всегда оказывали готовность выставлять заслуги людей, сражавшихся подъ ихъ предводительствомъ.

Едва прошло два часа съ минуты ухода изъ Сан-Жуліано дивизіи Дезе, какъ я былъ пріятно изумленъ возвращеніемъ съ торжествомъ той арміи, которая съ утра, столь сильно возбуждала мое безпокойство. Никогда еще фортуна, въ такое краткое время, не показывалась въ двухъ видахъ, столь различныхъ; въ два часа это было отчаяніе пораженіе со всѣми его пагубными послѣдствіями; въ пять часовъ, это была побѣда, воспріявшая вѣрность къ Аркольскому знамени; это была Италія, однимъ ударомъ вновь завоеванная и корона Франціи въ виду.

На возвратномъ пути въ семь часовъ вечера съ Первымъ Консуломъ въ главную квартиру, онъ изъявилъ мнѣ свое живѣйшее сожалѣніе о потерѣ Дезе, и потомъ прибавилъ: «Этотъ маленькій Келлерманъ сдѣлалъ счастливый натискъ; онъ очень былъ кстати; ему много обязаны. Вотъ отъ чего иногда зависятъ дѣла!»

Изъ этихъ немногихъ словъ, сказанныхъ мнѣ Наполеономъ о Келлерманѣ, читатели видятъ, что онъ въ существѣ умѣлъ цѣнить услугу, имъ оказанную. Однакожъ, когда этотъ Генералъ

подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ окруженный многими Генералами и своими Офицерами Первый Консулъ, то этотъ послѣдній холодно сказалъ ему: «Вы сдѣлали довольно хорошій натискъ.» И въ противоположность этой холодности, Бонапарте, вдругъ обратясь къ Бессіеру, начальствовавшему Гвардейскими Конными Гренадерами, очень громко сказалъ ему: «Бессіеръ, Гвардія покрыла себя славою.» Между тѣмъ по всей справедливости должно сказать, что Гвардія не принимала участія въ натискѣ Келлермана, который могъ собрать только пять сотъ человѣкъ тяжелой кавалеріи. Эта-то горсть храбрыхъ врѣзалась въ Австрійскую колонну, опрокинувшую Дивизію Дезе и отняла у нея шесть тысячъ плѣнныхъ. Гвардія пошла въ атаку при Маренго не прежде какъ при наступленіи ночи.

На другой день намъ сказывали, будто бы, въ первую минуту вспыльчивости, Келлерманъ, вознегодовавъ за такое сухое поздравленіе, сказалъ Первому Консулу; «Я надѣлъ вамъ на голову корону!» Я самъ не слыхалъ этихъ словъ и не могъ узнать точно ли они были произнесены, ибо я не иначе могъ бы въ томъ удостовѣриться, какъ чрезъ самого Перваго Консула а напоминать ему о вспыльчивости, долженствовавшей возбудить его неудовольствіе, было бы съ моей стороны сдѣлать вещь, для

него непріятную и слѣдовательно въ моемъ положеніи неумѣстную; но могу увѣрить въ томъ что эти слова, сказанныя или нѣтъ, а были написаны и что Бонапарте объ этомъ зналъ. Это было причиною нерасположенія его къ Генералу Келлерману, который не былъ сдѣланъ Дивизіоннымъ Генераломъ на полѣ сраженія за важную услугу Маренгскаго натиска.

Г. Делафоре, Главный Инспекторъ Почтъ, *работалъ* иногда съ Первымъ Консуломъ; а извѣстно что это значило, если Инспекторъ Почтъ *работалъ* съ Главою Правительства. Въ одно то изъ этихъ *трудолюбивыхъ* занятій, Первый Консулъ увидѣлъ письмо Келлермана къ Лазалю, въ которомъ онъ говорилъ ему: «Вѣришь ли, любезный другъ, что Бонапарте не сдѣлалъ меня Дивизіоннымъ Генераломъ, меня который этимъ дѣломъ надѣлъ ему на голову корону!» Письмо, вновь запечатанное, было по принадлежности отослано; но Бонапарте никогда не забылъ его содержанія.

Какъ бы то ни было, доставилъ ли Генералъ Келлерманъ корону Франціи Первому Консулу или нѣтъ, а достовѣрно что вечеромъ Маренгскаго дня, онъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ, также какъ насъ и голодный Главный Штабъ, что было немаловажною услугою при той нуждѣ, которую мы во всемъ терпѣли. Мы за счастіе сочли воспользоваться предосторож-

ностью Келлермана, посылавшаго за съѣстными припасами въ одну изъ священныхъ обителей, которыя всегда хорошо снабжены и которыхъ очень пріятно встрѣчать на походѣ. Этотъ поборъ былъ сдѣланъ съ монастыря *дель Боско* и добрые отцы, въ награду за доставленные ими Начальнику тяжелой Кавалеріи съѣстные припасы и хорошее вино, были избавлены посредствомъ охранной стражи отъ грабежа и отъ несчастій, неразлучныхъ съ войною.

Послѣ ужина Бонапарте продиктовалъ мнѣ бюлетень сраженія.

Когда мы остались одни, то я сказалъ Первому Консулу: «Генералъ, вотъ прекрасная побѣда! помните ли что вы мнѣ говорили, какъ вамъ будетъ пріятно увидѣть Парижъ послѣ важнаго удара, нанесеннаго въ Италіи? Вы должны быть довольны. — Да, Буріеннъ, я доволенъ; но Дезе! . . . Ахъ, какъ бы этотъ день былъ прекрасенъ, еслибъ я вечеромъ могъ обнять его на полѣ битвы!» Я увидѣлъ Бонапарте готоваго прослезиться,—столь была истинна и сильна горесть, причиненная ему смертью Дезе. Это конечно былъ человѣкъ, наиболѣе имъ любимый, наиболѣе уважаемый и о которомъ онъ наиболѣе жалѣлъ.

О смерти Дезе разсказывали различнымъ образомъ и не нужно говорить, что слова, вложенныя ему въ уста баснословнымъ бюлете-

немъ, были вымышлены (*). Онъ не умеръ на рукахъ своего Адъютанта Лебрёна, какъ я долженъ былъ написать со словъ Перваго Консула и не произнесъ прекрасной рѣчи, такимъ же образомъ, мною написанной. Вотъ истина или по крайней мѣрѣ то, что наиболѣе вѣроятно: смерть Дезе была не замѣчена въ ту минуту какъ его поразила пуля, прекратившая дни его. Онъ палъ не произнеся ни слова неподалеку отъ Лефебра-Денуетта. Сержантъ 9 бригады легкой пѣхоты, состоявшей подъ начальствомъ Барруа, увидѣвъ его распростертаго на землѣ, испросилъ у своего Начальника дозволеніе взять его плащъ; онъ былъ простреленъ на спинѣ и это обстоятельство возбуждаетъ сомнѣніе, былъ ли Дезе убитъ, находясь впереди чрезъ ошибку своихъ собственныхъ солдатъ или непріятелемъ въ то время, какъ онъ оборотился къ своимъ для того, чтобы ихъ ободрить. Впрочемъ стычка, въ которой онъ палъ, была столь непродолжительна, безпорядокъ столь внезапенъ, перемѣна судьбы столь мгновенна, что неудивительно, если при такой суматохѣ, обстоятельства смерти его не могли быть повѣрены положительнымъ образомъ.

На другой день рано утромъ, Князь Лихтенштейнъ пріѣхалъ отъ Генерала Меласа для переговоровъ съ Первымъ Консуломъ. Требованія

(*) Смотри бюлетень въ концѣ книги.

этого Генерала не были приняты Наполеономъ; онъ объявилъ Князю, что армія, запертая въ Александріи, выйдетъ свободна и съ воинскими почестями, но на извѣстныхъ условіяхъ, по которымъ вся Италія возвращалась подъ владычество Франціи. Въ этотъ день были исправлены ошибки самаго неспособнаго человѣка, Шерера, котораго нелѣпое бездѣйствіе всему сообщилось, и который, претерпѣвая безпрестанныя пораженія, бѣжалъ отъ Адріатическаго моря до горы Сениса. Князь Лихтенштейнъ испросилъ дозволеніе возвратиться къ своему начальнику для отданія ему отчета о своемъ порученіи. Пріѣхавъ обратно вечеромъ, онъ сдѣлалъ множество замѣчаній о суровости условій. «Милостивый Государь» возразилъ съ очевидною досадою Первый Консулъ, «отвезите послѣднюю мою волю вашему Генералу и пріѣзжайте скорѣе назадъ: она неизмѣнна. Вспомните, что я знаю вашу позицію столь же хорошо, какъ вы сами; я не со вчерашняго дня воюю. Вы блокированы въ Александріи, у васъ много раненыхъ и больныхъ, вы терпите недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ лекарствахъ. Я занимаю весь вашъ тылъ; вы потеряли убитыми и ранеными отборныхъ людей вашей арміи. Я бы могъ требовать болѣе и положеніе мое даетъ мнѣ къ тому право; но я умѣряю мои требованія изъ уваженія къ сѣ-

динамъ вашего Генерала, котораго я почитаю.» Этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ съ благородствомъ и съ силою. Князь на все согласился. Я проводилъ его и онъ сказалъ мнѣ: «Эти условія очень суровы, особенно касательно возвращенія Генуи, которая сдалась не болѣе двухъ недѣль тому назадъ послѣ столь долгой осады.» Это условіе было еще тѣмъ суровѣе, что Императоръ Австрійскій узналъ о возвращеніи Генуи въ одно время какъ о сдачѣ оной.

По возвращеніи въ Миланъ, Первый Консулъ взялъ къ себѣ въ Адъютанты Савари и Раппа, потерявшихъ того, котораго они столь справедливо называли отцемъ своимъ. Сначала Первый Консулъ не очень былъ расположенъ взять ихъ къ себѣ, отговариваясь тѣмъ, что у него уже довольно Адъютантовъ; но имя Дезе, сдѣланный имъ выборъ этихъ двухъ молодыхъ Офицеровъ и небольшое съ моей стороны ходатайство, устранили всѣ препятствія. Оба они съ тѣхъ поръ служили ему до его послѣдняго политическаго часа съ усердіемъ и преданностью,никогда не измѣнявшимися. Въ запискахъ Герцога Ровиго я не нашелъ ни слова объ участіи моемъ въ этомъ опредѣленіи. Скажу вѣроятную причину отъ чего одинъ изъ двухъ бывшихъ Адъютантовъ Дезе пошелъ дальше, чѣмъ другой. Раппъ имѣлъ Альзасскую искренность, которая всегда ему вредила.

++

ГЛАВА IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консуламъ.—Черта первенства.—Второе пребываніе въ Миланѣ. — Бонапарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминанія о Брюмерѣ.—Нетерпѣливость Наполеона въ Директоріи.—Письмо Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. — Одряхлѣвшее Правительство.—Наемъ дома въ Сен-Клу.—Мои Миланскія замѣчанія.—Себастіани и Жюбе. — Бонапарте и Бототъ.—Вспышка.—Директорія и позоръ.—Вдохновительный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Ланнъ.—Настойчивость Наполеона.—Сен-Клудская оранжерея. — Благоразуміе представителей.—Шумное разогнаніе. — Возвращеніе Салисетти.—Вечернее засѣданіе.—Представители и лакеи.—Ужинъ въ Сен-Клу.—Гг. Талейранъ и Семонвиль. — Сіесъ и Рожеръ Дюко.—Фуше.—Причины холодности Перваго Консула.

Какая бездѣлица и какъ мало времени нужно иногда для перемѣны судьбы міра! 13 Іюня мы оставили Миланъ; 14 Марсиго; 15 Италія

была наша. Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій между Французскою и Австрійскою арміями было непосредственнымъ слѣдствіемъ одной битвы и въ силу договора, заключеннаго между Бертье и Меласомъ, мы вступили во всѣ укрѣпленныя мѣста, нами прежде занимаемыя за исключеніемъ Мантуи (*). По подписаніи этого договора, Бонапарте отправилъ оный при слѣдующемъ письмѣ къ своимъ товарищамъ, написанномъ изъ Торри ди Галифоло.

«На другой день послѣ Маренгской битвы, «*Граждане Консулы*, Генералъ Меласъ потре«бовалъ у передовыхъ постовъ дозволенія прис«лать ко мнѣ Генерала Скаля. Въ тотъ же *день* «былъ заключенъ договоръ, при семъ въ копіи «прилагаемый. Онъ былъ подписанъ ночью Ге«нералами Бертье и Меласомъ. Надѣюсь, что «Французскій народъ будетъ доволенъ своею «арміею.

«*БОНАПАРТЕ.*»

Это письмо было бы замѣчательно однимъ только послѣднимъ выраженіемъ, которымъ Первый Консулъ усиливался еще показать видъ, что онъ признаетъ владычество народа, еслибъ мѣсто, гдѣ поставлены слова *Граждане Консулы*, не заключало въ себѣ умысла. Сраженіе

(*) Смотри въ концѣ книги договоръ между Бертье и Меласомъ и предварительныя условія, предложенныя Генералу Сюшету Графомъ Гогенцолерномъ отъ имени Австріи.

было выиграно и надлежало, чтобы даже въ такой ничтожной вещи два другіе Консула почувствовали, что они менѣе товарищи, чѣмъ подчиненные Перваго Консула.

Мы возвратились въ Миланъ и наше вторичное пребываніе въ этомъ городѣ, было привѣтствовано почти безпрестанными кликами вездѣ, гдѣ только ни показывался Первый Консулъ. Мы конечно и въ первый разъ были очень хорошо приняты; но въ изъявленіяхъ любви и радости, столь свойственныхъ покореннымъ народамъ, есть нѣкоторые оттѣнки искренности, всегда сильнѣе обнаруживающіеся послѣ побѣды. Въ продолженіе этого втораго пребыванія въ Миланѣ, Первый Консулъ увидѣлся съ Массеною, коего онъ не видалъ съ самаго отъѣзда нашего въ Египетъ. Бонапарте осыпалъ его наивеличайшими похвалами, вполнѣ имъ заслуженными, за удивительную его оборону Генуи; въ слѣдствіе чего назначилъ его себѣ преемникомъ въ предводительствѣ Италіянскою арміею. По нахожденію Моро на Рейнѣ, дѣйствительно не было никого, кромѣ завоевателя Цириха, кто бы могъ прилично заступить мѣсто Перваго Консула въ предводительствѣ; главный ударъ былъ нанесенъ; однакожъ могли еще встрѣтиться обстоятельства, требующія Генерала искуснаго, опытнаго и хорошо знающаго страну; ибо если Италіянцы

не бунтуютъ, то развѣ отъ того, что они не смѣютъ; притомъ же прежде чѣмъ совершенно успокоиться, надобно было узнать, на какихъ условіяхъ приступитъ къ союзу Вѣнскій кабинетъ, совершенно подчинявшійся въ эту эпоху Лондонскому кабинету.

Наканунѣ отъѣзда нашего изъ Милана, я имѣлъ съ Г-мъ Колло тотъ разговоръ, о которомъ упомянуто въ предъидущей Главѣ и здѣсь прилично будетъ помѣстить его; я долженъ предупредить читателя, что ему представятся въ ономъ событія, уже бывшія предъ его глазами а именно, относящіяся къ 18 Брюмеру; но Г. Колло видѣлъ эти событія очень вблизи и съ другой чѣмъ я точки; а посему полагаю, что читатель будетъ доволенъ тѣмъ, что я послѣ разговора моего съ нимъ тотчасъ записалъ нѣкоторыя изъ словъ его, что я дѣлалъ только для словъ Перваго Консула; полагаю, что безъ этого краткаго предувѣдомленія, Г. Колло очень бы удивился вѣрности моей памяти. А посему, то что слѣдуетъ, въ существѣ болѣе принадлежитъ ему, чѣмъ мнѣ, хотя онъ вѣроятно многое уже забылъ.

Въ день нашего разговора Г. Колло возвращался съ поѣздки, сдѣланной имъ на Борромейскіе острова съ Іосифомъ Бонапарте и я даже помню сказанное имъ мнѣ тогда, что заѣхавъ за новымъ Государственнымъ Совѣтни-

комъ къ нему на квартиру, онъ нашелъ его *въ весьма дурномъ обществѣ*, что не требуетъ объясненія. Какъ бы то ни было, а вотъ слышанныя мною изъ устъ Г. Колло событія, коихъ я не разсказывалъ въ моихъ Запискахъ.

Возвратясь изъ Египта въ Парижъ, Бонапарте отправился въ Директорію съ такою поспѣшностью, что Директоры, не ожидавъ его такъ скоро, не имѣли еще времени условиться на счетъ пріема, который они ему сдѣлаютъ. Когда объ немъ доложили, то приведенные въ замѣшательство Директоры, заставили его прождать нѣсколько минутъ въ передней залѣ. Потерявъ терпѣніе, онъ вышелъ вонъ и хотѣлъ сѣсть въ карету (*). Извѣщенные о томъ Директоры послали его догнать. Воротясь, онъ увидѣлъ пятерыхъ Директоровъ, бѣгущихъ къ нему на встрѣчу. Онъ подошелъ къ нимъ съ видомъ увѣренности какъ человѣкъ, скорѣе пріѣхавшій требовать у нихъ отчета въ ихъ поведеніи, чѣмъ оправдываться въ своемъ.

Вечеромъ, Г. Колло, имѣвшій большое знакомство, встрѣтилъ многихъ людей, по мнѣнію коихъ, Директоріи слѣдовало бы наказать Генерала за дерзость его противъ нея, от-

[*] Я не сопутствовалъ Наполеону въ этомъ первомъ посѣщеніи Директоріи и очень удивлялся, что онъ не разсказалъ мнѣ объ ономъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда куда нибудь безъ меня ѣздилъ.

дать его подъ военный судъ и разстрѣлять его какъ бѣглеца, какъ нарушителя Карантинныхъ законовъ. Всѣ эти выходки были совершенно пустыя; ибо Наполеонъ слишкомъ хорошо зналъ слабость Правительства для того, чтобы бояться со стороны онаго какого либо начальническаго дѣйствія. Могъ ли онъ ошибиться въ мнѣніи Франціи когда вездѣ, къ кликамъ, коихъ онъ былъ предметомъ, присоединялись оскорбительныя, заслуженныя укоризны Директоріи, какъ виновницѣ самыхъ безчестныхъ, неправедныхъ дѣйствій. Бесѣда Наполеона съ этими пятью призраками власти, не составлявшими даже тѣни Правительства, продолжилась два часа. Они едва осмѣлились спросить его о Египетской арміи; время, напротивъ того прошло въ отвѣтахъ на вопросы его о положеніи Франціи, и онъ тогда только закрылъ это засѣданіе когда довольно убѣдился въ своемъ первенствѣ.

Я сказалъ уже сколько, всѣ значительные люди,—5 Брюмера, на другой день послѣ посѣщенія Наполеономъ Директоріи, спѣшили поздравить его съ возвращеніемъ; ему легко было видѣть всеобщее ихъ желаніе чтобы онъ пріялъ кормило Государства. Посреди этой заботливой толпы одною изъ вещей, которыя Генералъ наиболѣе замѣтилъ, было отсутствіе Г. Колло. Онъ скрылся отъ меня въ этомъ случаѣ ибо, вмѣсто

того чтобы приказать мнѣ къ нему написать, онъ поручилъ это Г-ну Реніо де Сен Жанъ д'Анжели, который написалъ къ нему по приглашенію Наполеона, какъ будто бы онъ сдѣлалъ это отъ себя. «Ты бы очень былъ доволенъ любезный другъ;» говорилъ Реніо Г-ну Колло, «еслибъ ты сидѣлъ у меня въ карманѣ; ты бы услышалъ, съ часъ тому назадъ, похвалы, которыя конечно показались бы тебѣ лестными. Ты бы услышалъ что ты добръ, чувствителенъ и благотворителенъ; что ты внушаешь къ себѣ участіе и уваженіе; и все это говорилъ Бонапартс, мнѣ и Арно. Съѣзди же къ нему; онъ приметъ тебя съ удовольствіемъ.»

Г. Колло отправился на другой день къ Наполеону. Онъ нашелъ его стоящаго передъ каминомъ, окруженнаго всѣми тѣми, которые пріѣзжали къ нему наканунѣ для того чтобы представиться ему и вывѣдать его намѣренія. Бонапарте слушалъ, говорилъ мало и ограничивался только вопросами, для поддержанія и направленія разговора, который продолжался около трехъ часовъ и кончился слѣдующими, замѣчательными словами: «Мое положеніе очень необыкновенно. Многіе являются ко мнѣ предлагать власть, какъ будто бы они могли располагать ею. Еслибъ они могли, то давно бы ею завладѣли. *Но это не легкая вещь, особенно нынче.* «Эти послѣднія слова,»—сказалъ мнѣ

Г. Колло,—«были произнесены такимъ голосомъ, который казался бы вызовомъ, но съ видомъ простоты, не дозволявшей находить въ нихъ что либо оскорбительное.»

Тогда Бонапарте распростился со всѣми этими посѣтителями, удержавъ у себя Г. Колло. Можетъ быть удивятся, что онъ поступилъ столь мало уважительно съ Депутатами, съ Генералами и съ сановниками, управлявшими тогда Франціею. Это происходило отъ мнѣнія его, что при одряхлѣвшемъ Правительствѣ никто неимѣлъ настоящей твердости, никто не могъ доставить ему существенной помощи и что посему, ему не слѣдовало принимать услугъ ни которой партіи для того, чтобы вскорѣ не быть обезпокоеннымъ ея требованіями. Опершись на которую либо изъ нихъ, онъ боялся представиться взорамъ Франціи въ видѣ главы мятежниковъ, между тѣмъ какъ онъ тогда искренно желалъ сдѣлаться мирнымъ возстановителемъ Государства, обрушивающагося подъ бременемъ позора.

Когда мы отправились въ Египетскій походъ, то Г. Колло намъ сопутствовалъ; но онъ остался въ Мальтѣ, по причинѣ небольшой размолвки съ Главнокомандующимъ. Еслибъ, по прибытіи сего послѣдняго въ Парижъ, онъ тотчасъ къ нему явился, то его могли бы счесть поклонникомъ фортуны; и для сего то онъ ждалъ

пригласительнаго письма; въ этихъ самыхъ выраженiяхъ объяснился онъ и съ Наполеономъ. «Вы этого небоялись,» сказалъ ему Бонапарте, «вы слишкомъ хорошо доказали мнѣ что вы не гоняетесь ни за деньгами, ни за милостями. Скажите лучше что васъ удерживало небольшое замѣшательство а особенно небольшая гордость; она то разлучила насъ въ Мальтѣ: безъ нея вы поѣхали бы со мною въ Египетъ. Помнители вы письмо, которое вы написали ко мнѣ разставаясь со мною.—Помню Генералъ. — Въ немъ заключалась эпиграма. — Еслибъ я это замѣтилъ, то я бросилъ бы перо, которому далъ волю только потому, что писалъ съ совершеннымъ излiянiемъ чувствъ.—Это такъ, но въ письмѣ вашемъ было не много ѣдкости. Однакожъ оставимъ старое; я хочу все забыть.»

Бонапарте, должно отдать ему справедливость, совершенно забылъ прошедшее пока имѣлъ нужду въ Г. Колло, и вспомнилъ объ ономъ только тогда, когда счелъ что можетъ безъ него обойтиться. Послѣ примиренiя ихъ въ Парижѣ, Г. Колло каждый день бывалъ у Генерала, и вотъ доказательство довѣренности, которую имѣлъ къ нему Бонапарте. 16 Брюмера онъ сказалъ ему: «Колло, наймите въ Сен-Клу домъ, и приготовьте тамъ все, чтобы можно было на дняхъ дать ужинъ двадцати пяти или тридцати человѣкамъ.» По желанiю Наполеона, Г. Колло тот-

часъ послалъ въ Сен-Клу своего повѣреннаго; домъ былъ нанятъ и приготовленъ какъ онъ приказывалъ; а 18 Брюмера утромъ онъ сказалъ ему: «Мы будемъ завтра тамъ ужинать.»

Г-ну Колло были извѣстны всѣ умыслы, всѣ козни, устроиваемыя въ Парижѣ, какъ Наполеономъ и его сообщниками такъ и тѣми, которые дѣйствовали съ противной стороны. При описаніи эпохи, къ которой приводитъ меня въ эту минуту разговоръ мой съ Г. Колло, — читатели видѣли, что Бонапарте принялъ твердое намѣреніе ниспровергнуть Директорію, но въ тоже время желалъ чтобы она пала безъ шума. Это я зналъ; но хотя мнѣ лучше всякаго другаго были извѣстны его тайные замыслы, а сидя безотлучно въ его кабинетѣ, я не могъ надлежащимъ образомъ судить о внѣшнихъ дѣлахъ, какъ я уже кажется говорилъ. И такъ съ большимъ удовольствіемъ нашелъ я въ моихъ Миланскихъ запискахъ многія любопытныя подробности. Я вижу въ нихъ, что Гг. Талейранъ и Фуше первые обнаружили чрезъ распространяемые ими въ Парижѣ, благопріятные для Перваго Консула слухи, что они принимаютъ участіе въ замыслѣ Наполеона и что они безъ затрудненія склонили къ тому Сіеса; я вижу еще, что старались войти въ сношенія съ Моро, но что отзывы его заставили заключить, что онъ не приметъ въ ономъ ни-

какого участiя; между тѣмъ какъ судя по его характеру можно было думать, что онъ не станетъ оному и препятствовать. Впрочемъ, объ этомъ замыслѣ не говорили ни Генералу Журдану, ни Бернадоту, ни Ожеро, зная, что они находятся слишкомъ въ тѣсныхъ связяхъ съ партiею Салисетти, Гарро, Арены, Дестрема и многихъ другихъ депутатовъ. Чувствуя, что съ ними трудно будетъ сладить, отъ нихъ скрывались, къ чему имѣли тѣмъ болѣе причинъ, что нельзя было не знать, съ какимъ безпокойствомъ они наблюдали за самыми малѣйшими поступками Бонапарте и всѣхъ, посѣщавшихъ домъ его. Они очень предчувствовали, что приготовляется движенiе противъ Правительства; но это Правительство было слишкомъ уничиженно для того, чтобы хоть кто нибудь осмѣлился его защищать или даже только въ томъ сознаться; такъ что противники Наполеона, безъ вождя, безъ точки опора, были доведены обстоятельствами до необходимости заниматься только своимъ собственнымъ существованiемъ, подъ пустою личиною вѣрности къ Конституцiи, уже нарушенной и къ Директорiи, которую они первые презирали. Они не могли сдѣлать противъ замысловъ Бонапарте болѣе того, что они сдѣлали, т. е. пошумѣть и ничто столь не глупо въ политикѣ

какъ сопротивленіе, тогда какъ знаешь безполезность онаго.

При этихъ обстоятельствахъ, Себастіани, Командиръ Драгунскаго Полка, стоявшаго гарнизономъ въ Парижѣ и Жюбе, начальникъ Стражи Директоріи, поручились Наполеону въ хорошемъ расположеніи этихъ двухъ войскъ; съ этой минуты, 15 Брюмера, все уже было рѣшено; въ этотъ день убѣдились что никто не воспротивится Наполеону и тогда-то онъ, потребовалъ къ себѣ Г. Колло. Какъ уже выше мною сказано, я былъ участникомъ малыхъ засѣданій, но не большихъ сборищъ; Колло всегда на оныхъ присутствовалъ; 17 числа происходило одно, въ которомъ было условлено на другой день на разсвѣтѣ отправиться въ Тюліери, а войска, за которыя начальники ручались, разставить въ сосѣдствѣ.

И такъ Бонапарте отправился туда верхомъ 18 числа, какъ уже мною упомянуто; любопытнѣе же всего, что между тѣмъ какъ весь Парижъ зналъ объ этомъ движеніи,—одной только заснувшей Директоріи оно не было извѣстно. Увраръ и Г-жа Таліенъ бросились объявить о томъ Баррасу, котораго разбудили (*). Они увѣ-

(*) Если читатели не забыли посѣщеніе, которое я сдѣлалъ 17 числа въ одиннадцать часовъ вечера Баррасу, вмѣсто Бонапарте и по его приказанію,—то сонъ его точно долженъ показаться удивительнымъ.

домили его, что Гвардія его бѣжала изъ Люксембурга и что она повиновалась Наполсону. Баррасъ всталъ, велѣлъ позвать Секретаря своего Ботота и отправилъ его узнать отъ самого Бонапарте о происходящемъ.

Бототъ прибылъ,—сказалъ мнѣ Г. Колло,— въ ту минуту, какъ Генералъ, окруженный вождями своего войска съ толпою Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ сбирался выѣхать изъ своего дома. Здѣсь я предоставляю говорить Г-ну Колло: «Вы не можете, любезный Буріеннъ, представить себѣ Генерала въ ту минуту, какъ онъ увидѣлъ Ботота; онъ замѣтилъ его въ десяти шагахъ отъ себя, по головѣ его, превышавшей всѣ прочія. Не знаю, былъ ли онъ предупрежденъ объ этомъ посольствѣ.—Нѣтъ, могу васъ увѣрить. — И такъ, увидя Ботота, Наполеонъ пошелъ прямо къ нему, и какъ будто бы онъ одинъ составлялъ собою всю Директорію: *Что вы сдѣлали съ Франціею?* вскричалъ онъ . . . . Вамъ извѣстно, что онъ не всегда краснорѣчивъ; но не знаю какой-то геній одушевлялъ его въ эту минуту. Витіеватыя слова и выраженія, потекли изъ устъ его рѣкою. Онъ описалъ Францію такою, какъ онъ ее оставилъ: арсеналы ея наполненными, земли распространенными, войска хорошо одѣтыми, хорошо продовольствованными, повсюду побѣдоносными; онъ показалъ ее украшенною трофея-

ми, спокойною внутри, уважаемою внѣ ея предѣловъ, повсюду сильною. Потомъ, вдругъ перенесясь на наши послѣднія поля битвъ,—онъ показалъ тѣхъ солдатъ, которые при немъ ничего не знали кромѣ побѣды,—побѣжденными, распростертыми на полѣ пораженія; онъ изобразилъ остатки ихъ униженными, вступающими обратно во Францію въ лохмотьяхъ нищеты; лавры наши увядшими, границы занятыми непріятелемъ, арсеналы опустѣвшими, крѣпости срытыми, магазины пустыми, казну истощенною, гражданъ недовольными, наконецъ во дворцѣ Директоріи безчестіе и позоръ! . . . Все это было изображено столь широкими, столь рѣзкими чертами и произнесено съ такимъ жаромъ, такимъ повелительнымъ голосомъ и съ такою поразительною скорбью, что всѣ присутствующіе вознегодовали противъ Директоріи. Сраженный Бототъ не раскрылъ рта. Онъ увидѣлъ, что съ этой минуты Директорія перестала существовать, и побѣжалъ объявить о паденіи Баррасу и его собравшимся товарищамъ.

«Вы лучше меня знаете,» продолжалъ Г. Колло, «то что произошло по возвращеніи его въ домъ Шатеренской улицы; но жалѣю, что вы не могли, подобно мнѣ видѣть Генерала въ Пятисотномъ Совѣтѣ. Конечно послѣ пріема, сдѣланнаго ему осмнадцатаго числа, онъ не могъ ожидать сцены, происшедшей на другой день

въ Сен-Клу. Онъ входитъ и мгновенно его привѣтствуютъ именемъ спасителя отечества. Тѣ изъ представителей, которые были посвящены въ тайну наканунѣ, и повѣренные Фуше, посланные заранѣе для овладѣнія залою, огласили оную при его входѣ неимовѣрными кликами; остальные, изумясь или испугавшись, увлеченные общимъ движеніемъ, присоединились къ первымъ кликамъ и тогда-то указъ, сильно насъ обрадовавшій, назначилъ Генерала предводителемъ войскъ. Еслибъ вы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, еслибъ вы видѣли Бонапарте, выходящаго съ торжествомъ, облеченнаго его новымъ званіемъ и увѣреннаго въ перемѣщеніи народнаго представительства въ Сен-Клу; еслибъ вы видѣли залу Пятисотнаго Совѣта и залу Совѣта Старѣйшинъ, въ одну минуту опустѣвшими, то вы бы почувствовали себя перенесенными въ тотъ вѣкъ упадка, когда Римскіе Сенаторы, принужденные признать Государя, ими не избраннаго, наперерывъ привѣтствовали его именемъ избавителя, друга народа, отца отечества, божественнаго, — наконецъ всѣми наименованіями, выдумываемыми лестью и повторяемыми боязнью;—вы имѣли бы предъ собою живой, одушевленный переводъ одного изъ превосходнѣйшихъ отрывковъ Тацита.

«Надобно отдать долгъ справедливости: не всѣ похвалы, коими осыпали Наполеона, подсказы-

вались лестью; многія были внушены признательностью и удивленіемъ, а еще болѣе того, надеждою. Франція не сомнѣвалась въ его геніи и хотѣла вѣрить его добродѣтели.»

Такъ говорилъ мнѣ Г. Колло и, перечитывая мои Миланскія записки, я вспоминаю обстоятельство, которое я узналъ тогда отъ Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и совсѣмъ было забылъ:— вечеромъ того дня, когда Бонапарте такъ сильно напалъ на Ботота, у Реніо собрались многія особы, пораженныя словами Наполеона и старавшіяся положить ихъ на бумагу для передачи журналистамъ. Послѣ продолжительныхъ усилій, каждый изъ нихъ остался недовольнымъ своею работою; утомясь отъ трудовъ, наконецъ удовольствовались извлеченіемъ, которое сдѣлалъ Рёдереръ изъ этой груды сложенныхъ вмѣстѣ мыслей. Г. Колло, которому я напомнилъ о статьѣ, помѣщенной въ Монитёрѣ, сказалъ мнѣ что она была вяла и безцвѣтна въ сравненіи съ колосальною, сильною и величественною картиною, развернутою Наполеономъ въ Тюліери. Впрочемъ я описываю краснорѣчіе Бонапарте на отвѣтственность Г-на Колло; я уже сказалъ что оно было больше чѣмъ отрицательно на другой день въ моемъ присутствіи.

Я нахожу еще въ моихъ замѣчаніяхъ нѣкоторыя подробности относительно того, что произошло вечеромъ 18 Брюмера внѣ Наполеонова

кабинета. Недовольные сильно волновались; Бернадотъ, Ожеро, Журданъ и нѣкоторые другiе военные; Салисетти, Арена, Антонель и еще многiе представители бушевали и мнѣнiе, отчасти основательное, Г-на Колло, было, что они подъ видомъ желанiя защищать Директорiю, въ существѣ хотѣли только остаться въ союзѣ, надѣясь внушить тѣмъ къ себѣ страхъ и что они были оскорблены тѣмъ, что ихъ не сдѣлали участниками обнаружившагося заговора къ ниспроверженiю Директорiи. Сказанное мною о Бернадотѣ и о предложенiяхъ, которыя сдѣлалъ ему Наполеонъ, доказываетъ что мнѣнiе Г. Колло, справедливое на счетъ другихъ недовольныхъ, не было правильно относительно его.

Какъ бы то ни было, а рысьи глаза Фуше были безпрестанно открыты на козни недовольныхъ; онъ извѣстился о ихъ сборищѣ и въ десять часовъ вечера прискакалъ къ Наполеону; онъ тотчасъ созвалъ туда главныхъ дѣйствующихъ лицъ движенiя, начатаго подъ столь благопрiятными предзнаменованiями. Представя положенiе вещей, Фуше предложилъ допустить въ завтрашнее собранiе, гдѣ долженствовала быть объявлена новая Конституцiя, однихъ только тѣхъ представителей, которые представили уже залоги своего присоединенiя. «Мы раздадимъ имъ билеты для входа,» сказалъ онъ. «Всѣ тѣ, которые явятся безъ билетовъ, не бу-

дутъ впущены.» Это предложеніе было сильно поддержано.

Бонапарте, который ласкалъ себя надеждою безпрепятственно достигнуть власти и которому безпрестанно твердили что Франція желаетъ облечь его оною; который чувствовалъ сколько она выиграетъ вручивъ ему ее и который сверхъ всего, добивался избранія, имѣющаго видъ полной свободы,—объявилъ что онъ не хочетъ быть избраннымъ иначе и отвергъ предложеніе Фуше, которое показалось ему робкимъ. Ни Моро, ни Ланнъ не присутствовали въ этомъ собраніи: первый изъ нихъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба, коему особенно поручалась какъ уже сказано, Гвардія Директоріи, а Ланну было дано Наполеономъ начальство надъ Парижемъ.

Фуше и многіе другіе значительные люди, тщетно старались побѣдить сомнѣніе Генерала; они сказали ему что это сомнѣніе пустое, что оно можетъ повредить успѣху предпріятія, отъ коего зависѣло спасеніе Франціи; что главное дѣло состояло въ томъ, чтобы учредить Правительство и сдѣлаться главою онаго; что мятежники, хотящіе нынче этому противиться, поспѣшатъ изъявить свое согласіе тогда какъ оно уже будетъ болѣе не нужно; что во всякомъ случаѣ ихъ ропотъ, ихъ возраженія не найдутъ уже отголосковъ между тѣмъ какъ провозгла-

сивъ оные завтра въ залѣ въ кругу своихъ единомышленниковъ, они могли произвесть раздоръ, способный возжечь междоусобiе.

Не смотря на силу этихъ доводовъ, Бонапарте остался непреклоннымъ при своей волѣ. Ослѣпленный утреннимъ успѣхомъ, онъ былъ увѣренъ въ торжествѣ на другой день, и положилъ конецъ собранiю слѣдующимъ краткимъ и торжественнымъ объявленiемъ: «Я не хочу власти, если не буду законнымъ образомъ облеченъ ею отъ двухъ палатъ, учрежденныхъ для того, чтобы давать оную.»—Ночь принесла совѣтъ или лучше сказать событiя сами свершились.

Когда я нынче думаю обо всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя мы такъ сказать попали, когда я вспомню желанiя почти единогласныя, которыя безпрестанно изъявлялись вокругъ Бонапарте, то мнѣ кажется что стойкость его оставаться при своемъ мнѣнiи могла легко быть оправдана. Какъ ему было не надѣяться на благопрiятное расположенiе членовъ совѣтовъ Старѣйшинъ и Пятисотнаго, когда въ тотъ же самый день, явясь предъ нихъ безоружный, онъ видѣлъ отъ нихъ очевидныя тому доказательства. Какъ было предполагать, что на другой день, многiе изъ нихъ дерзнутъ возстать противъ него посреди штыковъ, посреди вооруженной силы, коей они только что предложили

ему быть начальникомъ? Ему не могла прійти въ голову мысль о такой неумѣстной смѣлости; но часто высокій умъ бываетъ обманываемъ глупостью, что случилось и съ Наполеономъ.

Члены противной ему стороны, сговорившись наканунѣ и въ продолженіе ночи, явились первые 19 Брюмера въ залу, назначенную для Пятисотнаго Совѣта. Это была оранжерея; какъ погода становилась уже свѣжа, то затопили печки а вмѣсто передней устроили предъ входомъ крытую изъ шпалеръ переборку, въ которой по нуждѣ могло помѣститься отъ сорока до пятидесяти человѣкъ.

Извѣстно, что при самомъ открытіи засѣданія хотѣли дать новую присягу Конституціи Читатели конечно не забыли что я былъ съ Наполеономъ, когда онъ запинался въ Совѣтѣ Старѣйшинъ; но что получивъ отъ него порученіе отправиться для извѣщенія о происходившемъ Г-жу Бонапарте, я не сопутствовалъ ему въ Пятисотный Совѣтъ. Г. Колло тамъ находился и невозможно себѣ представить сколько въ нашемъ длинномъ разговорѣ, происходившемъ въ Миланѣ черезъ пять дней послѣ Маренгской побѣды, мы съ Г. Колло находили удовольствія сообщать другъ другу воспоминанія, тогда еще столь свѣжія, о дивныхъ, запутанныхъ судьбахъ, управлявшихъ учрежденіемъ Правительства, уже сильнаго, которое

однакоже имѣло еще только восемь мѣсяцевъ существованія. Обстоятельства революціи минувшаго Брюмера мѣсяца казались намъ очень занимательными во вновь завоеванной столицѣ Ломбардіи; и однакожъ мы не мало страшились для будущаго неблагодарной холодности Перваго Консула къ Г. Колло; онъ слишкомъ скоро началъ поступать какъ Императоръ.

Возвращаюсь къ моимъ запискамъ. Фуше имѣлъ большое вліяніе на поступки Бонапарте въ достопамятный день 19 Брюмера. Дѣйствительно Фуше чрезъ своихъ агентовъ открылъ, что члены противной стороны, ободренные первыми криками, отправили нарочныхъ въ Парижъ для объявленія о ихъ успѣхѣ и для поощренія ревности ихъ сообщниковъ;—онъ пріѣхалъ извѣстить о томъ Бонапарте и склонилъ его поспѣшить дѣломъ.

Выше сказано, что произошло въ Совѣтѣ Старѣйшинъ. «По выходѣ изъ этого совѣта,» сказалъ мнѣ Г. Колло, «онъ отправился въ Пятисотный въ сопровожденіи своихъ Гренадеровъ, шедшихъ по три рядами. Едва онъ туда прибылъ, какъ всѣ находившіеся въ отгороженной передней, потѣснились, стараясь пропустить его; онъ прошелъ въ залу, но стража его, за тѣснотою, не могла за нимъ послѣдовать; и Бонапарте, оглянувшись послѣ многихъ кликовъ: *Лишить покровительства законовъ* и другихъ

воплей, раздававшихся въ залѣ,—увидѣлъ что съ нимъ только два или три солдата, которые одни только могли протѣсниться. Удивленный тѣмъ, что остался одинъ, онъ обратился къ дверямъ и сошелъ внизъ, гдѣ находилась безмолвно выстроившаяся его стража и гдѣ вы къ нему пришли.

«Еслибъ,» прибавилъ Г. Колло, «хоть одинъ представитель схватилъ Наполеона въ залѣ Пятисотнаго Совѣта тогда какъ онъ вошелъ въ тѣсноту, то партія его была не довольно сильна для того, чтобы его избавить и еслибъ черезъ минуту послѣ того выставили на балконѣ окровавленную его голову, то солдаты его, мало тронутые этою казнью, не потребовали бы за оную удовлетворенія и не стали бы отомщать за нея; но депутаты потеряли полчаса въ крикѣ, въ спорахъ, въ ругательствѣ, и Луціанъ былъ довольно искусенъ для того, чтобы поддержать и продолжить эту суматоху.

«Когда Мюратъ наконецъ вошелъ приступомъ въ залу, то соумышленники Наполеона между представителями, желая содѣйствовать скорѣйшему очищенію залы, закричали: «Войско начнетъ стрѣлять! . . . Спасемтесь . . .» При этихъ словахъ, собраніе, за минуту предъ тѣмъ столь смѣлое,—толпится, бросается, не находитъ довольно выходовъ, прыгаетъ въ окна, не слишкомъ высокія отъ земли; и эти люди,

столь шумные на словахъ, столь грозные въ рѣчахъ, призвавъ мракъ ночи, коей тѣни начинали имъ покровительствовать, разбѣгаются и скрываютъ свое постыдное, странное самохвальство въ лѣсу парка или на окрестныхъ поляхъ.

«Изъ этихъ осторожныхъ законодателей, многiе даже изъ тѣхъ, которые находились на сторонѣ Наполеона, безпокоясь о послѣдствiяхъ такого насильственнаго поступка, не осмѣлились возвратиться для того, чтобы стать подъ его знамена. Члены Пятисотнаго Совѣта очень походили на многочисленныя стаи голубей, которыхъ одинъ выстрѣлъ изъ ружья сгоняетъ съ голубятни и которые потомъ возвращаются по одиначкѣ. Салисетти, хоть и бывшiй однимъ изъ вождей противной стороны не прiѣхалъ съ утра въ Сен-Клу; но когда посланники недовольныхъ сообщили ему въ продолженiе дня вѣсти, благопрiятныя для ихъ дѣла, то онъ поспѣшно туда отправился дабы воспользоваться побѣдою. Однако же, прибывъ туда въ самую ту минуту, какъ сраженiе для него было проиграно, онъ разсудилъ, что надобно воспользоваться пораженiемъ. Посему онъ пришелъ, со всею Италiянскою тонкостью, примкнуть къ друзьямъ Наполеона и постараться стать въ ряды ихъ: «Я узналъ,» сказалъ онъ, «о возстанiи этихъ дураковъ; и содрогнулся за Гене-

рала Бонапарте; я какъ можно скорѣе поспѣшилъ, дабы остановить порывы ихъ безразсудства; къ несчастію я опоздалъ, но благодарю небо за восторжествованіе разсудка.—Эта подслащенная рѣчь была выслушана съ холодностью и недовѣріемъ.» Я прервалъ Г. Колло, изъявивъ ему мое удивленіе касательно того, что онъ говорилъ мнѣ о Салисетти; ибо не покидавъ Наполеона цѣлый день, я былъ увѣренъ, что никто не говорилъ ему объ этомъ представителѣ. «Нѣтъ, возразилъ мнѣ Г. Колло, ему въ этотъ день точно ничего объ немъ не говорили.» Дѣйствительно не прежде какъ черезъ нѣсколько дней послѣ переселенія нашего въ Люксембургъ, Іосифу чрезъ настоятельныя убѣжденія удалось ввести опять въ милость Салисетти; и то еще Бонапарте согласился не иначе употребить его какъ внѣ Франціи.

Не имѣю нужды замѣчать читателю, что сообщая подробности любопытнаго моего разговора съ Г-мъ Колло, я заставилъ его говорить почти одного; ибо, не исключивъ моихъ ему отвѣтовъ, я бы неизбѣжно впалъ въ повторенія, которыхъ я стараюсь, сколько возможно избѣгать. Я разсказалъ Г-ну Колло почти то самое,—какъ выше читали въ этихъ Запискахъ,—что произошло въ совѣщаніяхъ Наполеона; онъ же довершилъ мнѣ изображеніе картины 19 Брюмера, сообщивъ мнѣ слѣдую-

щія подробности о ночномъ засѣданіи, въ которомъ было учреждено Консульское правленіе.

«Вы знаете,» продолжалъ Г. Колло, «какой шумъ, какая суматоха произошли при выходѣ депутатовъ и какое зловѣщее безмолвіе заступило мѣсто оныхъ. Вамъ конечно извѣстны всѣ затрудненія, встрѣтившіяся при составленіи хоть тѣни собранія. — Мнѣ кажется, что кое какъ набрали человѣкъ восемдесятъ членовъ того и другаго совѣтовъ.—Ужъ вѣрно не больше.—Я помню безпокойство Наполеона въ продолженіе этого времени; обыкновенная его увѣренность на нѣсколько минутъ его оставила и онъ имѣлъ большую нужду въ присутствіи Г. Талейрана, не перестававшаго ободрять его. Онъ хотѣлъ чтобы въ десять часовъ открылось засѣданіе.—Я тамъ былъ; и какое зрѣлище представило это ночное засѣданіе въ той же самой залѣ, которая такъ недавно была осквернена присутствіемъ вооруженныхъ людей! Изъ этого то законодательнаго чулана вышло Консульское Правленіе, и кто знаетъ какое вліяніе оно будетъ имѣть на судьбу Франціи и Европы!

«Не знаю, любезный Буріеннъ, долго ли мнѣ предназначено жить; но пока я проживу, всегда буду имѣть предъ глазами зрѣлище Сен-Клудской галереи, каковою она была въ продолженіе этой грустной сцены; какое царствовало въ ней безмолвіе! Сколь были угрюмы и

опечалены люди, въ оной засѣдавшіе! Поутру они явились туда съ увѣренностью, что новое Правительство будетъ безъ споровъ принято; къ вечеру они были разочарованы непредвидѣнными потрясеніями минувшаго дня; они надѣялись на такое засѣданіе, которое бы кончилось мирнымъ согласіемъ; а нашли крикъ, сопровожденный насильственнымъ поступкомъ; и по разрушеніи силою обстоятельствъ всѣхъ предвидѣній, они по неволѣ увлеклись къ принятію роли заговорщиковъ, какъ къ единственному средству довершить начатое дѣло; и отъ этой принужденности раждалось безмолвное уныніе, сдѣлавшее очень горькими первые плоды побѣды.

«Представьте себѣ длинный, широкій сарай, наполненный опрокинутыми скамьями; кафедру, придѣланную посрединѣ къ голой стѣнѣ; подъ кафедрою, нѣсколько впереди столъ и два стула; на этомъ столѣ двѣ свѣчи и столько же на кафедрѣ; ни люстры, ни лампъ и никакого другаго освѣщенія подъ сводомъ этого длиннаго зданія.

«Видите ли вы на кафедрѣ блѣдное лице Луціана, читающаго новую Конституцію, а передъ столомъ двухъ толкующихъ Депутатовъ. Противъ нихъ, на узкомъ тѣсномъ пространствѣ, лежала толпа представителей, равнодушныхъ ко всему, что имъ объявляли; большая часть изъ

нихъ разлеглись на трехъ скамейкахъ, изъ коихъ одна служила имъ стуломъ, другая подножіемъ, а третья изголовьемъ. Между ними, въ томъ же положеніи находилось нѣсколько частныхъ людей, принимавшихъ участіе въ успѣхѣ этого дня. Неподалеку сзади видны были лакеи, которые укрылись туда отъ стужи и спали въ ожиданіи господъ своихъ. Таковъ былъ странный ареопагъ, давшій Франціи новое правительство.

«Надобно однакоже сознаться, что если между этими ефемерными Сенаторами, располагавшими Франціею, нѣкоторые повиновались чувствамъ честолюбія, корысти и даже страха, то большая часть тѣхъ, съ коими я имѣлъ случай говорить въ продолженіе этого дня,—сколько мнѣ извѣстно, какъ тогда такъ и въ послѣдствіи, были побуждаемы болѣе благородною причиною—желаніемъ спасти государство отъ переворота, коего нельзя было предвидѣть послѣдствій, еслибъ они не собрались для того, чтобы дать хоть тѣнь законности Консульской комиссіи.

«Какъ бы то ни было, а вы знаете до какого состоянія разстройства, презрѣнія и нищеты дошла Франція; она искала сильной руки, могущей исторгнуть ее изъ бездны; и ничья другая рука, кромѣ Наполеоновой, покрытой лаврами, не могла поднять ее въ паденіи.

«Я пробылъ въ залѣ до конца засѣданія, которое было закрыто не прежде полуночи; тогда я воротился въ домъ, нанятый мною по желанію Бонапарте и вы можете себѣ представить что не было и рѣчи объ ужинѣ, мною приготовленномъ. Пріѣхало однакожъ человѣкъ восемь или десять, въ числѣ коихъ находились Г. Талейранъ, Семонвиль, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Арно. Прочіе гости, утомясь, поспѣшили воротиться въ Парижъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи завтрашняго дня.

День сей наступилъ спокойнѣе, чѣмъ надѣялись. Побѣжденная сторона, не смѣя собраться, осталась тихою и боязливою въ своемъ убѣжищѣ; вы даже я думаю видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ членовъ, пріѣзжавшихъ поздравлять Наполеона со званіемъ Консула. — Да, и я даже помню, что самый значительный изъ явившихся прежде и тотъ, коего возвращенію Бонапарте наиболѣе обрадовался, былъ Ожеро; такъ какъ онъ наиболѣе жалѣлъ о томъ что не могъ счесть Бернадота между своими.—Я никогда не постигалъ какъ, имѣя власть выбрать себѣ товарищей, Бонапарте присоединилъ къ себѣ Сіеса и Рожера Дюко; ибо они не пользовались, ни общимъ уваженіемъ, ни расположеніемъ. Рожеръ Дюко безъ способностей, безъ величія, безъ извѣстности; Сіесъ былъ извѣстенъ только своими утайками и своимъ участіемъ въ пагубныхъ

дѣйствiяхъ ужаса. — Бонапарте на другой же день со мною на счетъ этого объяснился,» замѣтилъ я Г-ну Колло. «Еслибъ я могъ предви«дѣть—сказалъ онъ мнѣ—Сен-Клудское сопро«тивленiе, то я бы конечно не принялъ такихъ «людей въ мой трiумвиратъ; но какъ они прина«длежали къ Директорiи, то я думалъ что это «предупредитъ потрясенiе и сдѣлаетъ переходъ «болѣе легкимъ; я ошибся, но будь спокоенъ, я «не долго продержу ихъ.» — «Дѣйствительно,» продолжалъ Г. Колло, «могъ ли онъ оставить при себѣ два безцвѣтныя лица, которыя не только не дѣлали его виднѣе, но отражали на него нѣчто мрачное, облекавшее его блѣдностью. Впрочемъ Сiесъ ни минуты не ошибался на счетъ того что его ожидало; онъ откровенно сказалъ выходя отъ Перваго Консула: «Право мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ для себя работаетъ;» а выходя отъ Втораго, онъ воскликнулъ. «Мы взяли себѣ повелителя.» Черезъ два мѣсяца послѣ того, повелитель отставилъ ихъ, давъ имъ немного золота, забрызганнаго грязью.

«Полагаете ли вы,» спросилъ еще у меня Г. Колло, «что между Первымъ Консуломъ и Фуше долго будетъ царствовать согласiе.—Не знаю, но боюсь этого; ибо Фуше имѣетъ надъ нимъ влiянiе, для меня непонятное и притомъ, надобно сказать что онъ оказываетъ ему большiя услуги; а сверхъ того съ точностью доноситъ

ему все то, что объ немъ говорятъ.—А можетъ быть и то, чего не говорятъ. Мнѣ кажется что Фуше отчасти виновникъ холодности, оказываемой мнѣ нынче Наполеономъ. Вы помните какъ онъ испугался, нашедъ по возвращеніи своемъ изъ Египта, все еще главою Полиціи Фуше, столь тогда страшнаго; онъ представлялъ себѣ его не иначе какъ окруженнаго ужасомъ. Нѣкоторые изъ друзей Наполеона, удивленные тѣмъ что послѣ этого онъ его избралъ, и въ тоже время пораженные неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое такой выборъ могъ произвесть въ Парижѣ, начали говорить съ нимъ объ этомъ; я былъ въ этомъ числѣ и по равнодушію, съ которымъ онъ меня выслушалъ не давъ мнѣ никакого отвѣта, я увидѣлъ что онъ уже попалъ къ лисѣ въ сѣти. Вы знаете что я во все не нуждаюсь въ Наполеонѣ; но послѣ столь долгой, столь короткой связи, какова была наша,—не скрою отъ васъ что меня огорчаетъ его холодность и конечно мнѣ бы не слѣдовало ожидать оной.»

Таково, если и не слово въ слово, вѣрное содержаніе длиннаго разговора, который я имѣлъ въ Миланѣ съ Г. Колло однажды, когда мнѣ удалось улучить нѣсколько свободныхъ часовъ; никогда еще оные не были столь пріятнымъ образомъ употреблены и смѣю надѣяться, что въ этомъ, читатель будетъ одного со мною мнѣнія.

ГЛАВА X.

Письмо Луціана къ Іосифу Бонапарте.—Молебенъ и фонды —Страхъ Луціана въ Парижѣ.—Проэктъ праздника.—Расчеты.—Госпожа Мюратъ.—Госпожа Грассини. — Возвращеніе Перваго Консула.—Приключенія въ дорогѣ.—Опрокинутая карета.—Трудность составить себѣ великое имя.— Дезе и Клеберъ. — Описаніе Египетскаго Дворца.—Клеберъ.—Истина о Бонапарте и Клеберѣ.—Прибытіе курьера. —Торопливость Наполеона. — Ночная сцена. — Сильное огорченіе.

Между тѣмъ какъ побѣда утверждала въ Италіи жребій Перваго Консула, братья его менѣе занимались дѣлами Франціи, чѣмъ своими собственными; они столько же любили деньги, сколько Бонапарте любилъ славу. Изъ помѣщеннаго ниже письма Луціана къ Іосифу, видно

какъ они всегда были готовы извлекать себѣ выгоды изъ славы и счастія того, черезъ кого сами они были все. Я нашелъ въ моихъ бумагахъ это письмо Луціана, право и самъ не зная какимъ образомъ и за чѣмъ я его сохранилъ. Оно кажется мнѣ занимательнымъ, показывая какую мысль эта семья будущихъ Королей имѣла о своемъ положеніи и каковъ былъ бы ея жребій, еслибъ Бонапарте палъ какъ Дезе на полѣ Маренгской битвы. Притомъ же довольно любопытно видѣть что такой философъ какъ Луціанъ заставлялъ служить молебенъ для того, что возвысить курсъ фондовъ.

Какъ бы то ни было, а вотъ письмо въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было написано Луціаномъ; я сохранилъ въ немъ подчеркнутыя имъ слова и даже его знаки восклицанія.

24 Іюня.

«Посылаю къ тебѣ курьера. Мнѣ бы очень «желательно чтобы Первый Консулъ за сутки «извѣстилъ меня о своемъ прибытіи и *одного* «*меня* увѣдомилъ бы о заставѣ, чрезъ кото«рую онъ въѣдетъ. Городъ хочетъ приготовить «ему торжественныя ворота и онъ довольно «оказалъ услугъ для того чтобы отъ этого не «уклоняться.

«*По моему приглашенію* третьяго дня служи«ли *молебенъ*, на которомъ присутсвовало шесть«десятъ тысячъ человѣкъ! ! !

«Отёльскія козни продолжаются. Очень коле-«бались между К. . . . и Ф. . . . Этотъ послѣд-«ній предлагалъ выдать за меня дочь свою. . . . «происки были доведены до высшей степени. «Не знаю еще, возметъ ли великій жрецъ сто-«рону того или другаго. Я думаю что онъ ихъ «обоихъ проводитъ для Орлеанскаго, а Отёль-«скій твой пріятель душа всего. Вѣсть о Ма-«ренго ихъ смутила и однакожъ на другой день «великій жрецъ провелъ покрайней мѣрѣ три «часа съ твоимъ пріятелемъ. . . . Что касается «до насъ, то мы бы всѣ были сосланы, еслибъ «Первый Консулъ палъ при Маренго.

«Письма твои не говорятъ мнѣ ничего о «томъ, что я ожидалъ найти въ нихъ . . . . . «Надѣюсь покрайней мѣрѣ что прежде всѣхъ «буду извѣщенъ объ отвѣтѣ изъ Вѣны. Мнѣ «очень жаль, что ты не могъ прислать мнѣ «моего Нѣмца къ Маренгскому сраженію.

«Праздникъ 14 числа будетъ прекрасенъ; «здѣсь все покойно. Ждутъ мира какъ вѣрной «вещи а Перваго Консула какъ побѣдоносца. «Всѣ наши родные здоровы. Жена твоя со «всѣмъ своимъ семействомъ находится въ Мор-«фонтенѣ. . . Рей пріѣхалъ въ Парижъ; онъ въ «Морфонтенѣ. Отъ всей души тебя обнимаю. . . . «За чѣмъ ты возвращаешься съ Первымъ Кон-«суломъ? А миръ! . . . . А Италія! ! . . Помни «наше послѣднее свиданіе. . . . Обнимаю тебя.»

На полѣ приписано:

«Прочти письмо къ Консулу и вручи оное «ему, *тщательно запечатавъ.*»

«Доставь прилагаемыя при семъ письма. Г-жа «Мюратъ никогда у меня не жила. Мужъ ея «съумасшедшій, котораго жена его должна бы «наказать, цѣлый мѣсяцъ не писавъ къ нему.

«*ЛУЦІАНЪ БОНАПАРТЕ.*»

Первый Консулъ, побѣдивъ при Маренго и утвердясь въ своей власти чрезъ этотъ великій успѣхъ, остался еще на нѣсколько дней въ Миланѣ для того чтобы устроить дѣла Италіи. Онъ приказалъ мнѣ выдать Г-жѣ Грассини денегъ на проѣздъ въ Парижъ (*). Мы отправились при кликахъ жителей по Туринской дорогѣ. Проѣздомъ чрезъ Туринъ, Первый Консулъ останавливался въ немъ на нѣсколько часовъ, употребивъ ихъ бо́льшею частью на осмотръ цитадели, которая была намъ возвращена въ слѣдствіе Александрійской капитуляціи.

Проѣзжая чрезъ гору Сенисъ, мы встрѣтили близъ Новалезы карету Госпожи Келлерманъ. Первый Консулъ, узнавъ Г-жу Келлерманъ, ѣхавшую на встрѣчу къ своему мужу, остановилъ ея карету и поздравилъ ее съ отличіемъ, оказаннымъ мужемъ ея при Маренго.

(*) Говорятъ будто бы въ 1814 году Герцогъ Веллингтонъ искалъ расположенія Г-жи Грассини. Это безъ сомнѣнія для того, чтобы хоть въ чемъ нибудь походить на Генерала Бонапарте.

Я не много буду говорить о радости и удивленiи, изъявленныхъ Наполеону вездѣ на его проѣздѣ; это происходило тогда при всѣхъ его путешествiяхъ и обнаруживаемыя чувства были искренни. Прибывъ въ Лiонъ, мы остановились въ Целестинскомъ отелѣ. Въ день нашего прiѣзда клики были такъ сильны, народу собралось такое множество, что Бонапарте принужденнымъ нашелся показаться на балконѣ. На другой день онъ отправился на Белькурскую площадь и, при шумѣ рукоплесканiй Лiонцевъ, положилъ первый камень новыхъ зданiй, долженствовавшихъ загладить одно изъ бѣдствiй Революцiи.

Предъ выѣздомъ на эту церемонiю, онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо къ Консуламъ:

«Прибывъ въ Лiонъ, Граждане Консулы, я остановился здѣсь для закладки на Белькурской площади зданiй, которыя вновь будутъ воздвигнуты. Одно только это обстоятельство могло замедлить возвращенiе мое въ Парижъ; но я не могъ противостать честолюбiю ускорить постройку зданiй на этой площади, которую я видѣлъ столь прекрасною и которая теперь такъ отвратительна. Мнѣ обѣщаютъ чрезъ два года совершенно кончить эту постройку.

«Надѣюсь, что еще прежде этой эпохи, тор-

«говля сего города, коею гордилась вся Европа, «по прежнему процвѣтетъ.

«Кланяюсь вамъ

«*БОНАПАРТЕ.*»

Мы отправились изъ Ліона вечеромъ и продолжали путь нашъ чрезъ Дижонъ. По пріѣздѣ нашемъ въ этотъ городъ, радость жителей дѣйствительно дошла почти до изступленія. Я рѣдко видалъ такіе благосклонные, очаровательные взгляды, какіе бросали на насъ собравшіяся во множествѣ молодыя женщины, замѣчательныя своею красотою и щеголеватымъ нарядомъ, убранныя цвѣтами и которыя, сопровождая карету Наполеона, напоминали въ эту эпоху, когда Революція вырыла всѣ Республиканскія воспоминанія Греціи и Рима, тѣ времена, когда хоры пляшущихъ женщинъ окружали побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ.

Не все однакоже намъ въ дорогѣ благопріятствовало; нѣкоторыя бѣды насъ ожидали. Карета Перваго Консула опрокинулась между Вильнёвомъ-ле-Руа и Саномъ; онъ послалъ къ моей матери курьера, сказать, что онъ пробудетъ у ней пока карету починятъ. Онъ у нея отобѣдалъ и мы отправились въ семь часовъ вечера. Это ошибкою было напечатано, будто бы онъ приставалъ у Г-жи Буріеннъ: она тогда жила въ Тюліери.

Мы этимъ еще не раздѣлались съ бѣдами;

переднее правое колесо нашей кареты соскочило съ оси и какъ мы ѣхали очень скоро, то ось зацѣпилась за перилы и мы опрокинулись на длинномъ мосту, существовавшемъ тогда предъ въѣздомъ въ Монтро-Фо-Іонну. Первый Консулъ, по правую руку коего я сидѣлъ, упалъ на меня и нисколько не ушибся. Я зашибъ себѣ немного голову о вещи, находившіяся въ сѣткѣ; но для этого не стоило останавливаться, и мы пріѣхали въ Парижъ въ туже ночь со 2 на 3 Іюля. Дюроку, который также находился въ каретѣ и по очереди сидѣлъ впереди,—ничего не приключилось.

Выше сказано, что Бонапарте много разговаривалъ въ дорогѣ; разговоры его не всегда были одинаково занимательны; но я долженъ привести здѣсь то, что онъ сказалъ мнѣ при проѣздѣ чрезъ Бургонь на возвратномъ пути изъ Маренго въ Парижъ. «И такъ, еще нѣсколько великихъ событій, подобныхъ этой кампаніи, и я достигну до потомства.—Мнѣ кажется,» отвѣчалъ я ему, «вы и то довольно сдѣлали для того, чтобы объ васъ долго и вездѣ говорили.—Да, да! довольно сдѣлалъ! ты очень добръ! правда что я завоевалъ меньше чѣмъ въ два года Каиръ, Парижъ и Миланъ; но милый мой, еслибъ я завтра умеръ, то черезъ десять вѣковъ, я бы не имѣлъ и полустранички во всеобщей Исторіи.» Онъ былъ правъ: въ нѣс-

колько часовъ чтенія, мы пробѣгаемъ многія столѣтія; и цѣлое царствованіе, цѣлая жизнь, есть минутное дѣло! одной странички довольно въ историческомъ перечнѣ для всѣхъ побѣдъ Александра и Цесаря, для всѣхъ опустошеній Тимура и Чингиса. Намъ извѣстна въ точности только малѣйшая часть минувшихъ временъ; стоитъ ли же опустошать міръ за такую бездѣлку!

Въ тотъ самый день, какъ Дезе палъ на Маренгскомъ полѣ, содѣйствуя весьма колебавшейся побѣдѣ,—Мусульманскій изувѣръ, Солейманъ Галеби поразилъ Клебера кинжаломъ и этимъ ударомъ рѣшилъ освобожденіе Египта. Такимъ образомъ были похищены у отечества въ одинъ день и почти въ одинъ часъ два изъ знаменитѣйшихъ Генераловъ Французской арміи. Мену заступилъ мѣсто Клебера по старшинству; Первый Консулъ утвердилъ его въ начальствѣ и съ этого дня, погибель Египта сдѣлалась неизбѣжною.

Еслибъ вмѣсто Мену, Бонапарте—не приказывая Дезе возвратиться въ Европу,—отдалъ сему послѣднему Генералу послѣ Клебера начальство, —то конечно можно бы тогда было надѣяться на сохраненіе его завоеванія. Этотъ добрый Дезе! какъ велика потеря такого человѣка! Много говорено о его превосходныхъ качествахъ, о его безкорыстной храбрости; но все еще не

довольно сказано. Можно судить объ этомъ по послѣднему письму, написанному имъ изъ Тулона къ Первому Консулу по возвращенiи его изъ Египта. Я тщательно сохранилъ оное; вотъ оно:

«ГЕНЕРАЛЪ,

«Будучи польщенъ довѣренностью, которую «вы мнѣ изъявили, приказавъ мнѣ прибыть къ «вамъ въ продолженiе прошедшей зимы, я пла«менно желалъ исполнить вашу волю. Генералъ «Клеберъ никакъ не хотѣлъ на то согласиться; «онъ удержалъ меня и противъ воли принудилъ «меня къ заключенiю Эль-Аришскаго договора. «Наконецъ, послѣ тысячи препятствiй, не безъ «труда преодолѣнныхъ, я отплылъ изъ Алексан«рiи 13 Вантоза на Рагузскомъ суднѣ, въ сопро«вожденiи пакетбота, на которомъ находился «Генералъ Даву. Я нетерпѣливо желалъ прiѣхать. «Противные вѣтры и безвѣтрiя приводили ме«ня въ отчаянiе; мнѣ сильно хотѣлось поспѣть «во время для того чтобы присутствовать при «началѣ блистательной кампанiи, которая конеч«но теперъ открывается подъ вашимъ руковод«ствомъ. Наконецъ, послѣ тридцати дней бури, «страданiй, остановки въ Коронѣ, гдѣ съ нами «хорошо обошлись Турки и въ Сицилiи въ Сiа«кѣ, гдѣ жители по своимъ обычаямъ хотѣли «было насъ убить, — я прибылъ на видъ Гiер«скихъ острововъ. Уже мы радовались тому, что «увидимъ Францiю, уже дѣлали тысячу дура-

«чествъ, свидѣтельствовавшихъ о нашемъ восхи-«щеніи, какъ вдругъ въ густомъ туманѣ, мы «сошлись съ Англійскимъ кораблемъ, который «отвелъ насъ въ Ливорну къ Адмиралу Кейту.

«Совершенно полагаясь на Турецкіе и Англій-«скіе паспорты, коими мы были снабжены, я «сильно изъявилъ удивленіе объ этомъ задержа-«ніи. Вмѣсто того чтобы освободить меня, какъ «я надѣялся, Адмиралъ посадилъ меня въ каран-«тинъ, объявивъ, что онъ ожидаетъ повелѣній «своего Правительства касательно Эль Аришска-«го договора и что до полученія оныхъ, ему «нельзя меня выпустить.

«И такъ мы провели тридцать дней въ тѣ-«сномъ лазаретѣ какъ военно-плѣнные, находясь «на одинакомъ содержаніи съ солдатами. Пред-«ставьте себѣ наше безпокойство, нашу досаду «терять дни, которые мы бы могли такъ хо-«рошо употребить. Наконецъ мы были выпу-«щены и Адмиралъ Кейтъ объявилъ намъ что «его Правительство согласно на исполненіе Эль-«Аришскаго договора.

«Послѣ пятидневнаго плаванія, я прибылъ «сюда сегодня, будучи осмотрѣнъ Тунисскими «Варварійцами, которые насъ не задержали. Я «долженъ 30 дней пробыть въ карантинѣ: не «хочу спокойствія. Трудиться для увеличенія «славы Республики и вашей, есть мое единст-«венное желаніе. *Озирисъ* извѣстилъ насъ при

«отплытіи нашемъ изъ Александріи о событіяхъ, «сдѣлавшихъ васъ Главою Правительства. Вы можете себѣ представить какъ сильно мы обрадовались. Что касается собственно до меня, то «я былъ въ восторгѣ. Я знаю что вы хотите «поставить Францію на высшую степень славы, «осчастлививъ всѣхъ. Можно ли сдѣлать лучше «сего? Такъ, Генералъ, я пламенно желаю воевать, «но въ особенности съ Англичанами. Я поклялся «въ вѣчной къ нимъ ненависти. Ихъ наглость «и дурное обхожденіе всегда останутся въ моей «памяти. Какое бы мѣсто вы мнѣ ни дали, я «буду доволенъ. Вы знаете что я не ищу на«чальства, что я его не желаю; я съ такимъ же «удовольствіемъ буду волонтеромъ какъ и Гене«раломъ. Признаюсь только, что я бы не же«лалъ вступить въ армію, неспособную къ «дѣйствію; но впрочемъ я буду доволенъ всѣмъ, «что вамъ заблагоразсудится сдѣлать. Желаю «тотчасъ узнать мое назначеніе, дабы немедлен«но приготовить все, что мнѣ понадобится, и не «теряя ни минуты отправиться въ походъ. День, «не употребленный съ пользою, есть день поте«рянный.

«Почтительно вамъ кланяюсь.

«*ДЕЗЕ.*»

Возвращаюсь къ Клеберу и скажу нѣсколько словъ о его плачевной смерти. Домъ Ельфи-

Бея, въ которомъ жилъ Бонапарте во время пребыванія своего въ Каирѣ и который по отѣздѣ его занялъ Клеберъ, имѣлъ террасу, ведущую изъ залы къ старому, развалившемуся водопроводу, откуда слѣдовало спускаться нѣсколько ступеней для того чтобы сойти въ садъ. Эта терасса во всю длину возвышалась надъ большою площадью Эль-Беге, находящеюся на правой сторонѣ при выходѣ изъ залы; садъ же былъ на лѣвой рукѣ. Близость и пріятность этого сада, сдѣлали его любимымъ мѣстомъ прогулки Главнокомандующаго, который со всѣми тамъ разговаривалъ, особенно по вечерамъ. Эта терасса была очень отъ него близко и почти въ самомъ его жилищѣ. Я часто совѣтовалъ ему приказать засыпать водопроводъ и сравнять его съ терассою; я даже показывалъ, спрятавшись въ немъ и потомъ прошедъ позади его, какъ легко было покуситься на его жизнь и потомъ бѣжать, соскочивъ на площадь или въ садъ. Онъ говорилъ мнѣ, что я боюсь смерти, что я трусъ и не рѣшился сдѣлать этой поправки, которую онъ однакоже считалъ приличною. Убійца Клебера избралъ самый тотъ простой способъ, котораго я всегда страшился для Наполеона.

Не стану опровергать здѣсь всѣхъ мерзостей, которыя обнародовали по случаю смерти Клебера. Когда я принесъ неожиданное объ оной

извѣстiе Первому Консулу, то онъ едва могъ тому повѣрить; онъ сильно былъ огорченъ и читая подробности убiйства, тотчасъ вспомнилъ, сколько разъ онъ былъ въ томъ же самомъ положенiи, въ которомъ находился Клеберъ когда онъ былъ пораженъ и все то что я ему говорилъ объ опасности этого водопровода, отъ которой онъ непостижимымъ образомъ избѣгнулъ, особенно послѣ похода его въ Сирiю, столько раздраживнаго умы. Извѣстность, которую имѣлъ Бонапарте о талантахъ и способностяхъ Клебера, ввѣренное ему начальство надъ армiею и пособiя, которыя онъ всѣми средствами старался доставлять ему, отвергаютъ, не только ужасное подозрѣнiе о малѣйшемъ участiи въ этомъ злодѣянiи, но даже и мысль что онъ съ удовольствiемъ видѣлъ смерть Клебера или что желалъ оной.

Конечно между Бонапарте и Клеберомъ существовала непрiязнь, столь же сильная какова была дружба, соединявшая Дезе съ Наполеономъ. Слава Клебера ему надоѣдала; онъ имѣлъ слабость тревожиться ею и питать къ ней небольшую зависть. Ему извѣстно было какъ Клеберъ объ немъ отзывался; правда что Клеберъ не соблюдалъ ни малѣйшей осторожности. Въ продолженiе кровавыхъ дней Акрской осады, онъ говаривалъ мнѣ: *Твой маленькой плутъ Бонапарте, который не выше моего*

сапога, поработить Францію. Смотри въ какой проклятый походъ онъ завлекъ насъ. Не знаю навѣрное, дошли ли до Бонапарте эти рѣчи, которыя Клеберъ часто говорилъ многимъ другимъ; но есть причины полагать, что тѣ, которые добывали себѣ чины доносами, не пропускали пересказывать ему все о Клеберѣ.

Клеберъ, искренній Республиканецъ, угадалъ тайные виды и великое честолюбіе Наполеона и страшился ихъ для своего отечества. Клеберъ безпрестанно твердилъ это въ продолженіе скуки убійственной Акрской осады; бранчивый по характеру, онъ никогда не оказывалъ по службѣ неповиновенія. Онъ ворчалъ, шумѣлъ, бранился, но неустрашимо шелъ въ огонь; это была олицетворенная храбрость. Однажды, когда онъ находился въ траншеѣ подъ Сен-Жанъ д'Акрою стоя и подверженный по своему высокому росту всѣмъ выстрѣламъ, Бонапарте закричалъ ему: *Да наклонись же Клеберъ.— Чортъ побери*, возразилъ онъ, *ваша траншея не выше мнѣ какъ по колѣно.* Онъ никогда благопріятно не смотрѣлъ на Египетскій походъ, считая оный дорого стоющимъ и не приносящимъ пользы Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что безъ флота и безъ сильнаго Правительства (а мы не имѣли ни того, ни другаго), лучше было дѣйствовать въ Европѣ, чѣмъ расточать кровь и сокровища Франціи на берегахъ Нила и предъ лачужками

Сиріи. Холодный, задумчивый и степенный, Клеберъ судилъ о Наполеонѣ безъ восторга,—вещь рѣдкая въ то время; онъ не извинялъ ему никакой ошибки.

Далеко отъ этого истиннаго изображенія Клебера, до нелѣпой рѣчи, которую Бонапарте влагаетъ въ уста Клеберу, будто бы сказавшему ему: *Генералъ! вы велики какъ міръ!*—Эти выраженія совершенно противоположны образу мыслей Клебера; онъ былъ слишкомъ правдолюбивъ для того, чтобы сказать что нибудь противъ своего убѣжденія. Бонапарте, продолжая питать желаніе удержать Египетъ, чѣмъ однимъ только оправдывалось завоеваніе онаго, давалъ Клеберу волю *говорить*, потому что Клеберъ *дѣйствовалъ*. Бонапарте зналъ, что долгъ службы и военныя добродѣтели всегда пересилятъ въ немъ его предубѣжденія и противорѣчіе его видамъ и замысламъ; такимъ образомъ смерть этого Генерала, не только ни мало его не обрадовала, но тѣмъ сильнѣе его огорчила, что она почти совершенно разрушила надежду сохранить для Франціи завоеваніе, которое столь дорого ей стоило и было его дѣломъ.

Хотѣли было найти причины вражды Клебера въ томъ, что онъ будто бы разсердился за неоткрытіе ему тайны объ отъѣздѣ Бонапарте изъ Египта и въ рѣчи, напомнившей ему

объ исполненіи его долга, отъ котораго онъ слишкомъ часто уклонялся. Эта рѣчь выдумана; я описалъ настоящія причины ихъ несогласія, мнѣніе Клебера и чувства его къ Бонапарте.

Желаніе не раздѣлять двухъ происшествій, случившихся въ одинъ день въ Каирѣ и при Маренго, побудило меня вмѣстѣ съ описаніемъ смерти Дезе упомянуть о Клеберѣ; а потому скажу объ немъ еще нѣсколько словъ. Вѣсть о смерти Клебера пришла къ намъ черезъ нѣсколько времени по возвращеніи нашемъ въ Парижъ. Давно уже не имѣвъ извѣстій о Египтѣ, Бонапарте ждалъ ихъ тогда съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и прибытіе наконецъ куріера съ оными, но съ такими плачевными, подало поводъ къ ночной сценѣ, которую кстати здѣсь привести.

Когда куріеръ пріѣхалъ въ Тюліери, то было уже два часа ночи. Въ поспѣшности своей, Первый Консулъ даже не разсудилъ кого нибудь разбудить для того, чтобы меня кликнуть. За нѣсколько дней предъ тѣмъ я сказалъ ему, что въ случаѣ нужды, онъ долженъ послать за мною въ коридоръ, лѣстницею выше моей всегдашней квартиры, куда я перешелъ потому что жена моя была въ родахъ. Онъ самъ вошелъ на верхъ и какъ тамъ было двѣ двери,

то онъ позвонилъ два раза у дверей моего Секретаря, который спалъ въ одной изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ небольшую мою квартиру. Секретарь мой всталъ и отворилъ дверь. Онъ увидѣлъ Перваго Консула со свѣчею въ рукѣ, въ сѣромъ плащѣ и съ повязаннымъ на головѣ платкомъ: не зная о ведущей въ эту комнату ступенькѣ, онъ оступился и чуть было не упалъ. «Гдѣ Буріеннъ?» спросилъ онъ.— Можно себѣ представить удивленіе моего Секретаря при появленіи Перваго Консула. — «Какъ, Генералъ, это вы? — Гдѣ Буріеннъ?» —Тогда Секретарь мой, въ рубашкѣ, указалъ Первому Консулу мою дверь. Сказавъ моему Секретарю, что жалѣетъ о томъ, что его потревожилъ, онъ отправился ко мнѣ. Я наскоро одѣлся и мы сошли внизъ въ мои всегдашніе покои. Мы нѣсколько разъ звонили, пока намъ отперли; находившаяся при женѣ моей женщина не спала, но слыша ходьбу взадъ и впередъ, она вообразила себѣ, что это воры. Наконецъ она отперла двери и Первый Консулъ бросилъ ко мнѣ на столъ толстый пакетъ съ депешами, имъ полученный; онѣ были истыканы и обмочены въ уксусъ. При чтеніи извѣстія о смерти Клебера, я увидѣлъ изобразившееся на лицѣ его сильное безпокойство; на немъ можно было прочитать: *Египетъ потерянъ!* Даже самый фанатизмъ, вооружившій

руку убійцы, заставлялъ его страшиться подражателей; ибо это былъ еще первый примѣръ убійства послѣ Каирскаго бунта.

Только однажды, въ этотъ разъ, Первый Консулъ пришелъ ко мнѣ ночью.

ГЛАВА XI.

Попытки къ переговорамъ. — Любопытное письмо одного эмигранта.—Двадцать пять луйдоровъ, данные въ долгъ отцу Наполеона.—Уплата долга вдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ.—Домашнія подробности.—Колокольчикъ въ кабинетѣ.—Канцелярскій писецъ.— Заговоръ Церакки и Арены.—Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островѣ Св. Елены.—Шёнбрунскій фанатикъ.—Другой таинственный изувѣръ.—Поощренный заговоръ.—Гаррель. —Доносъ и награда.—Утайка отъ Фуше.—Необходимость ему открыться.—Совѣтъ Консуловъ.—Бонапарте въ Оперѣ съ Дюрокомъ и со мною.—Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой. — Гаррель, Венсенскій Комендантъ.—Молочная сестра Герцога Ангенскаго.—Замѣчаніе.

Счастливый успѣхъ Италіянскаго похода былъ увѣнчанъ перемиріемъ, заключеннымъ 5 Іюля. Ниже увидятъ, что оно было прервано 1 Сентября, и опять возобновлено послѣ выигрыша

Гогенлинденской битвы.—Бонапарте, по возвращеніи его изъ Маренго, былъ принятъ съ бо́льшимъ восторгомъ чѣмъ когда либо; изумлялись быстротѣ, съ которою онъ въ походъ, менѣе чѣмъ двумѣсячный, опять призвалъ фортуну подъ знамена Франціи. Онъ съ величайшею дѣятельностью занимался тогда тѣмъ, чтобы завести переговоры между Англіею и Австріею; но повсюду встрѣчалъ большія препятствія. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Театрѣ, куда присутствіе его привлекало многочисленную толпу людей, жаждущихъ его видѣть и рукоплескать ему.

Можно себѣ вообразить, какое множество писемъ со всѣхъ сторонъ, писали къ Первому Консулу: это были просьбы о мѣстахъ, увѣренія въ преданности и наконецъ тѣ просительныя поздравленія, которыя пишутъ ко всякому, пріобрѣтшему власть. Однакожъ, между этими письмами были иногда замѣчательныя; я сохранилъ нѣсколько изъ нихъ и между прочимъ одно отъ нѣкотораго эмигранта, удалившагося въ Жерсей. Это письмо, содержащее въ себѣ подробности о Наполеоновомъ семействѣ, показалось мнѣ занимательнымъ. Впрочемъ читатель самъ разсудитъ; вотъ оно:

Жерсей, 12 Іюля 1800 года.

«Полагаю, Генералъ, что по возвращеніи изъ «вашихъ великихъ поѣздокъ, можно безъ не-

«скромности прервать ваши ежедневныя занятiя «и напомнить вамъ о себѣ, въ надеждѣ что вы «не совсѣмъ меня забыли проживъ лѣтъ девят«надцать въ Аяччiо. Но можетъ быть вы уди«витесь что такой ничтожный предметъ состав«ляетъ содержанiе письма, которое я имѣю честь «писать къ вамъ. Вы конечно вспомните, Гене«ралъ, что когда покойный вашъ батюшка от«правлялся для взятiя вашихъ братцевъ изъ «Отёнской Школы, откуда онъ ѣздилъ въ Брiеннъ «для свиданiя съ вами,—то у него не случилось «наличныхъ денегъ; онъ попросилъ у меня двад«цать пять луйдоровъ, которые я съ удоволь«ствiемъ ему одолжилъ. По возвращенiи своемъ, «онъ не имѣлъ случая отдать мнѣ ихъ, и когда «я отправлялся изъ Аяччiо, то матушка ваша «предложила мнѣ продать нѣсколько серебра для «того чтобы расплатиться со мною. Я отвергъ «это предложенiе и сказалъ ей, что оставлю «росписку вашего батюшки у Г. Суире, которо«му она заплатитъ, когда ей заблагоразсудится. «Полагаю что ей не удалось исполнить свое «желанiе, какъ вдругъ вспыхнула Революцiя.

«Вамъ странно покажется, Генералъ, что для «такой бездѣлки я тревожу васъ въ вашихъ за«нятiяхъ; но мое положенiе столь тяжко, что и «эта бездѣлка для меня важна. Я изгнанъ изъ «моего отечества, и принужденъ жить на этомъ

«островѣ, на коемъ пребываніе мнѣ ненавистно, «и гдѣ такъ все дорого, что вы окажете мнѣ «большое пособіе доставивъ ко мнѣ эту небольшую сумму, которая прежде ничего для меня «не значила.

«Согласитесь Генералъ, что въ восемдесятъ «шесть лѣтъ, прослуживъ около шестидесяти «лѣтъ безпрерывно отечеству, не считая времени эмиграціи, тяжко быть отвсюду изгнаннымъ «и принужденнымъ искать здѣсь убѣжища при «слабыхъ способахъ, даваемыхъ Англійскимъ Правительствомъ эмигрантамъ: я говорю эмигрантамъ потому что меня принудили такимъ сдѣлаться, тогда какъ я во все о томъ не думалъ; «но я сдѣлалъ большое преступленіе противъ «шайки разбойниковъ, пришедшихъ ко мнѣ въ «домъ въ Канѣ, съ тѣмъ чтобы убить меня за «то что я былъ старшій Генералъ въ томъ «округѣ и имѣлъ большой крестъ Св. Лудовика: «этого ужъ было для нихъ слишкомъ много. Я «жилъ спокойно и удалясь отъ всѣхъ мірскихъ «дѣлъ. Еслибъ не крикъ моихъ сосѣдовъ, то меня бы убили вломясь ко мнѣ въ двери и я «едва успѣлъ спастись въ заднюю дверь не захвативъ съ собою ничего кромѣ того, что было на мнѣ. Я было отправился въ Парижъ, но «мнѣ тамъ объявили, что мнѣ больше нечего дѣлать, какъ ѣхать за границу,—такъ озлобились

«на меня мои сограждане, хоть я никогда ни съ «кѣмъ не имѣлъ распрей живя въ моемъ уединеніи. И такъ я оставилъ, Генералъ, все свое «имущество, движимое и недвижимое во власти «того, что называли націею; она вполнѣ тѣмъ «воспользовалась, ибо у меня ужъ ничего не «остается въ мірѣ, ни даже мѣста, гдѣ ступить «ногою. Я слышалъ, что есть эмигранты, у ко«торыхъ осталось по крайней мѣрѣ убѣжище. «Еслибъ былъ цѣлъ домъ мой, то я бы про«силъ у васъ Генералъ о томъ, что отъ васъ «зависитъ и что было дано нѣкоторымъ эми«грантамъ, а именно о дозволеніи возвратиться; «но я не прошу этой милости; ибо не имѣю «пріюта и притомъ я живу здѣсь съ изгнан«нымъ братомъ, который старѣе меня, очень «хворъ и котораго я ни за что не оставлю. «Я рѣшился покориться моему несчастному «жребію; меня огорчаетъ единственно то, что «гоненіе, мнѣ оказанное, имѣло вліяніе на «моихъ родственниковъ, которыхъ я люблю и «уважаю. У меня есть осмидесятилѣтняя мачи«ха, которой отказали въ пансіонѣ, назначенномъ «ей мною съ моего помѣстья и у меня самого «отняли весь умѣренный доходъ мой, такъ что «мнѣ придется умереть несостоятельнымъ, если «дѣла не перемѣнятся; что приводитъ меня въ «отчаяніе.

«Признаюсь Генералъ, что мнѣ мало знакомъ «новый слогъ; но по старому

«Я имѣю честь быть вашимъ

покорнымъ слугою

«*ДЮРОЗЕЛЬ БОМАНУАРЪ.*»

Я сохранилъ этому письму всѣ его неправильности; извѣстно что прежніе дворяне не слишкомъ заботились о граматическихъ неисправностяхъ. Распечатавъ оное, я далъ его прочитать Первому Консулу, который сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, это священно; не теряй ни минуты; этотъ добрый старикъ! пошли ему десятерную сумму. Напиши къ Генералу Дюрозелю, что я буду о немъ заботиться. Я хочу, чтобы онъ немедленно былъ выключенъ изъ списка эмигрантовъ. Сколько зла надѣлали эти разбойники Конвента! Я вижу, что мнѣ никогда не удастся всего исправить!» Говоря мнѣ это, Бонапарте такъ былъ встревоженъ, какимъ я его очень рѣдко видалъ. Вечеромъ онъ спросилъ у меня, исполнилъ ли я его волю, что было мною сдѣлано не теряя ни минуты: смерть Г. Фротте дала мнѣ слишкомъ жестокій урокъ для того, чтобы я имъ не воспользовался.

Читатели конечно уже замѣтили, что я не всегда забочусь объ искусной постепенности переходовъ отъ одного предмета къ другому; а потому они не удивятся, что я воспользуюсь

здѣсь присвоеннымъ мною себѣ правомъ заставлять ихъ вниманіе согласоваться съ прихотями моихъ воспоминаній. И потому я безъ дальнихъ оговорокъ перейду отъ письма эмигранта къ мелочнымъ подробностямъ, которыя дѣйствительно можно назвать *домашними*; а потомъ къ заговору, покровительствуемому тѣмъ самымъ, противъ кого оный составлялся.

Въ то время, какъ Первый Консулъ жилъ въ Тюлiери, что всегда бывало зимою и часто лѣтомъ, онъ выходилъ изъ кабинета въ большую залу принимать посѣтителей и людей, имъ приглашаемыхъ. Когда ему что либо было нужно или когда онъ хотѣлъ съ кѣмъ нибудь переговорить, то онъ звонилъ въ колокольчикъ, проведенный къ канцелярскому писцу. Это былъ смышленый, вѣрный чиновникъ, по имени Ландуаръ. Тогда Ландуаръ переходилъ чрезъ кабинетъ за приказаніемъ къ Первому Консулу. Обыкновенно онъ требовалъ меня за какою нибудь бумагою, числомъ, именемъ или за какимъ либо другимъ свѣдѣніемъ. Вѣроятно, наскучивъ неизбѣжнымъ замедленіемъ, происходившимъ отъ этой безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, Бонапарте вздумалъ однажды, не сказавъ мнѣ ни слова, приказать повѣсить въ его кабинетѣ надъ самымъ моимъ столомъ колольчикъ, отъ коего шнуръ былъ бы проведенъ въ пріемную залу. На другой день утромъ,

вошедъ въ кабинетъ, я увидѣлъ на мѣстѣ моего стола лѣстницу, на которой находился мастеровой.—«Что ты тутъ дѣлаешь?—Прикрѣпляю колокольчикъ, сударь.—Я позвалъ писца: «Ландуаръ, кто это приказалъ?—Первый Консулъ.—Сойди,» сказалъ я мастеровому, «или я отдерну лѣстницу.» Онъ сошелъ и унесъ ее съ собою. Вскорѣ послѣ того я по обыкновенію пошелъ будить Перваго Консула и читать ему журналъ. «Генералъ,» сказалъ я ему, пожелавъ ему добраго утра, «я нашелъ сегодня въ вашемъ кабинетѣ мастероваго, проводящаго колокольчикъ и мнѣ объявлено, что вы это приказали; увѣренный что тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе, и что этотъ приказъ не такъ поняли, я выслалъ мастероваго. Вѣдь конечно не для васъ придѣлывали колокольчикъ; я не полагаю, чтобы для меня; такъ для кого же? — Какъ этотъ писецъ глупъ! Вчера я былъ съ Камбасересомъ; ты мнѣ понадобился; онъ не пришелъ на звонъ мой; заключивъ, что колокольчикъ испортился, я приказалъ его *исправить и какъ шнуръ проходитъ чрезъ мой кабинетъ, то конечно тамъ понадобилось что нибудь придѣлать. Вотъ и все.* Я удовольствовался этимъ объясненіемъ, но не повѣрилъ ему. Онъ ужъ болѣе не настаивалъ въ этой попыткѣ и для вида побранилъ писца, который однакоже точно получилъ приказаніе. Но,—спросилъ я самъ

себя,—какъ онъ могъ думать чтобы, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семилѣтняго возраста, облеченный его полною довѣренностью и живя съ нимъ, смѣю сказать на короткой ногѣ,—я позволилъ поступать съ собою такимъ образомъ?

Прежде чѣмъ говорить о заговорѣ Церакки, Арены, Топино-ле-Брёна и другихъ, необходимо оцѣнить по надлежащему нѣкоторыя слова, произнесенныя на островѣ Св. Элены. Наполеонъ сказалъ: или написали, будтобы онъ сказалъ: «Покушенія, наиболѣе подвергавшія меня опасности, были Скульптора Церакки и Шёнбрунскаго фанатика. Я не былъ въ Шёнбруннѣ но вѣрно что Наполеонъ подвергался тамъ великой опасности. Я тогда самымъ достовѣрнымъ образомъ узналъ что Штапсъ, отправясь изъ Ерфурта съ рѣшимостью умертвить Императора, не имѣлъ только надлежащаго мужества для того чтобы исполнить свой замыселъ. Дѣйствительно Штапсъ, вооруженный большимъ ножемъ, два раза подходилъ къ Наполеону довольно близко для того чтобы поразить его: Раппъ меня въ этомъ увѣрялъ; онъ схватилъ его и ощупалъ у него подъ платьемъ ручку кинжала. И такъ дѣйствительно на этотъ разъ Бонапарте былъ обязанъ жизнью только недостатку мужества молодаго восторженника, который хотѣлъ принести его въ жертву своей

фанатической ярости. Достовѣрно также, что при другомъ случаѣ, о которомъ повѣствователь острова Св. Элены совершенно умалчиваетъ, — другой изувѣръ еще опаснѣе Штапса, хотѣлъ посягнуть на жизнь Наполеона (*); но что касается до заговора Скульптора Церакки, то мнѣ оный также нѣсколько извѣстенъ и читатель вскорѣ узнаетъ столько же какъ и я о томъ, какой опасности подвергался Первый Консулъ. Вотъ обстоятельства въ самой строгой ихъ точности:

Заговоръ Церакки и его сообщниковъ былъ одна мечта: положили дать ему существенность для того чтобы преувеличить опасность, которой Первому Консулу угодно было показать, хоть для вида, что онъ подвергался.

По Парижскимъ улицамъ шатался тогда нѣкто Гаррель, бывшій Баталіонный Командиръ; онъ былъ отставленъ отъ службы и слѣдовательно не доволенъ. Гаррель подружился съ Церакки, съ Ареною, съ Топино-Лебрёномъ и съ Демервилемъ. По разнымъ причинамъ, всѣ эти люди, были сильно раздражены противъ Перваго Консула, который со своей стороны также не любилъ Церакки и Арену, и едва зналъ

(*) Въ эпоху этого вторичнаго, важнаго покушенія, я ужъ не находился при Наполеонѣ; но мнѣ было по его приказанію поручено повидаться съ молодымъ безумцемъ, рѣшившимся свершить оное. Ниже въ этихъ Запискахъ увидятъ какіе были его замыслы, какъ я узналъ объ оныхъ и что съ нимъ произошло.

двухъ остальныхъ. Однакожъ по сообщничеству своему съ Церакки и съ Ареною, отъ коихъ Бонапарте желалъ избавиться, и они подпали его ненависти. И такъ эти четыре человѣка, совокупно съ Гаррелемъ, составили замыселъ умертвить Перваго Консула и день исполненiя сего опредѣленъ при назначенномъ въ Оперѣ чрезвычайномъ представленiи.

До сихъ поръ жизнь Бонапарте могла подвергаться опасности; но потомъ. . . ?

20 Сентября 1800 года Гаррель пришелъ ко мнѣ въ Тюлiери; открывъ мнѣ заговоръ, въ коемъ самъ былъ участникомъ, онъ обязался доставить средства захватить его сообщниковъ на самомъ дѣлѣ и потребовалъ денегъ, для того чтобы поддержать заговоръ и привести его къ концу. Я сдѣлалъ Гаррелю нѣкоторыя замѣчанiя, но не могъ отринуть его, не взявъ на себя слишкомъ большой отвѣтственности. И дѣйствительно кто бы сказалъ мнѣ что могло случиться? Я тотчасъ донесъ Первому Консулу объ этомъ странномъ открытiи. Онъ велѣлъ мнѣ дать денегъ Гаррелю, но запретилъ сказывать объ этомъ Фуше, желая доказать ему что онъ лучше его умѣетъ исполнять обязанности Полицiи. Гаррель, почти каждый день въ одиннадцать часовъ вечера являлся ко мнѣ отдавать отчетъ о ходѣ заговора и я немедленно сообщалъ о томъ Первому Консулу, который изъ другихъ донесенiй

зналъ о ненависти къ нему заговорщиковъ и радъ былъ случаю явно изобличить Арену и Церакки, этихъ бездѣльниковъ, какъ онъ ихъ называлъ. Однакожъ время текло, а ничто не подвигалось впередъ. Первый Консулъ выходилъ изъ терпѣнія. Наконецъ Гаррель объявилъ, что у нихъ нѣтъ денегъ на покупку оружія. Ему дали оныхъ. Пришедъ опять на другой день, онъ сказалъ, что оружейный мастеръ, не зная ихъ, не хочетъ безъ письменнаго дозволенія продать имъ оружія: тогда было сдѣлано первое открытіе Фуше, которому объявили обо всемъ дѣлѣ и который далъ оружейному мастеру дозволеніе, чего я не имѣлъ власти сдѣлать.

10 Октября, въ день возвѣщеннаго въ Оперѣ чрезвычайнаго представленія, Консулы вошли послѣ совѣта въ кабинетъ ихъ товарища. Этотъ послѣдній, въ моемъ присутствіи спросилъ у нихъ должно ли ему по ихъ мнѣнію ѣхать въ театръ. Они замѣтили ему, что всѣ предосторожности взяты, почему не слѣдовало страшиться никакой опасности, и что хорошо было бы представить доказательство безполезности всѣхъ покушеній на жизнь Перваго Консула. Послѣ обѣда Бонапарте, надѣвъ сертукъ сверхъ мундира, сѣлъ въ карету съ Дюрокомъ и со мною. Онъ помѣстился впереди въ своей ложѣ, которая въ это время была на лѣво отъ входа, между колоннами, отдѣляющими боковыя ложи

отъ находящихся прямо противъ сцены. Черезъ полчаса, Первый Консулъ, оставя при себѣ только Дюрока, приказалъ мнѣ сходить посмотрѣть что дѣлается въ коридорѣ. Едва вышедъ изъ ложи, я услыхалъ большой шумъ и тотчасъ узналъ о взятiи подъ стражу многихъ людей, которыхъ мнѣ не могли сказать именъ. Я отправился къ Первому Консулу съ донесенiемъ о томъ что узналъ и мы тотчасъ возвратились въ Тюлiери. Гаррель былъ опять принятъ въ службу и сдѣланъ Венсенскимъ Комендантомъ; онъ находился въ этомъ званiи при убiйствѣ Герцога Ангенскаго. Мнѣ въ послѣдствiи сказывали, что жена его была молочная сестра этого злополучнаго Принца и что она узнала его при входѣ въ тюрьму, долженствовавшую черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаться его могилою. Увы! я не могу вспомнить о Герцогѣ Ангенскомъ не думая впередъ о томъ, чего мнѣ будетъ стоить сказать все что я знаю о роковомъ событiи, прекратившемъ дни его; но я скажу все: я этимъ обязанъ тѣмъ людямъ, которые были недостойнымъ образомъ оклеветаны. Пятно крови послѣдняго Конде, есть не такое пятно, которое бы слегка омрачало собою память!

Что касается до заговора Церакки и Арены, то мнѣ остается сдѣлать одно только замѣчанiе, относящееся къ мыслямъ моимъ о политической полицiи вообще.

Совершенно доказано, что заговорщики хотѣтѣли посягнуть на жизнь Перваго Консула и что они отыскивали всѣ средства къ достиженію своей цѣли и къ исполненію своего свирѣпаго замысла. Но справедливость требуетъ также сказать, что зная о заговорѣ по доносу Гарреля, весьма легко было бы разстроить его и разогнать бурю вмѣсто того чтобы накликать оную. Таково было тогда и таково еще теперь мое мнѣніе.

Можно притомъ еще вспомнить, что Карбонно, одинъ изъ захваченныхъ и осужденныхъ, откровенно объявилъ свое участіе въ съумазбродныхъ замыслахъ, къ исполненію коихъ не имѣлось другихъ способовъ, кромѣ тѣхъ, которые успѣли доставить сами полицейскіе агенты

ГЛАВА XII.

3 число Нивоза.—Трудная нетина.—Невѣдѣніе Полиціи.—Гайденова ораторія.—Адская машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ.—Скорое возвращеніе въ Тюлієри.—Стеченіе народа. —Гнѣвъ Бонапарте противъ Якобинцевъ.—Хладнокровіе Фуше.—Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ.—Исправленная ошибка.—Страшное донесеніе Фуше.—Самовластное осужденіе.—Г. Тиссо, спасенный и признательный.—Составленіе списка осужденныхъ.—Опытъ Трюге—Упорство Перваго Консула.—Настоящія причины Наполеона.—Вина и извиненіе.—Предусмотрительная лесть. — Оправданіе Фуше.—Открытіе настоящихъ виновниковъ. — Фуше въ Мальмезонѣ.—Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены.—Казнь.

Хотя прошло три мѣсяца между наблюдаемыми кознями Церакки и Арены и страшнымъ злодѣйствомъ 3 Нивоза, но я не стану раздѣлять этихъ двухъ происшествій, которыя

однакоже, имѣли между собою сходство развѣ только по своей цѣли. Первые заговорщики принадлежали къ Революціонной шайкѣ; имъ нужна была жизнь человѣка и они хотѣли только убить его, какъ будто желая сдѣлать сходство Наполеона съ Цесаремъ столь совершеннымъ, чтобы тутъ недоставало даже и Брута. Вторые, должно съ огорченіемъ признаться, принадлежали къ Королевской партіи и желая только убить Перваго Консула, эти люди не побоялись опасности погубить съ нимъ вмѣстѣ великое число гражданъ. А посему всякой писатель, себя уважающій, обязанъ, кто бы таковы ни были виновники подобнаго злодѣйства—выставить оное какъ одно изъ самыхъ лютыхъ преступленій, свершенныхъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ. Здѣсь я, болѣе чѣмъ когда либо чувствую, сколь дорого стоитъ заплатить долгъ истинѣ; но когда истина повелѣваетъ, то ей надобно повиноваться.

Полиція ничего не знала о заговорѣ 3 Нивоза, потому что она въ немъ не участвовала. Никакія причины не имѣли вліянія на заговорщиковъ 3 Нивоза, на изобрѣтателей и исполнителей этой машины, которую столь справедливо назвали *адскою*.

Третьяго Нивоза давали въ Оперѣ первый разъ великолѣпную Ораторію Гайдена, *Сотвореніе Міра*. Первый Консулъ сбирался туда ѣхать.

Я въ этотъ день съ нимъ не обѣдалъ, но разставшись со мною передъ обѣдомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Бурiеннъ, ты знаешь, что я сегдня ѣду въ Оперу; ты также можешь туда отправиться, но я не могу тебя отвезти потому, что я беру съ собою Ланна, Бертье и Лористона. До вечера.» Я очень былъ доволенъ этимъ объявленiемъ, ибо мнѣ чрезвычайно какъ хотѣлось слышать одно изъ образцовыхъ произведенiй Германской музыки, а я не могъ ѣхать въ театръ не узнавъ, буду ли я нуженъ Первому Консулу. Я отправился прежде его и былъ уже въ Оперѣ, когда Первый Консулъ туда прiѣхалъ. Бонапартс, вошедъ въ ложу, сѣлъ по обыкновенiю впереди и какъ всѣ взоры были на него устремлены, то онъ показалъ наивеличайшее спокойствiе. Лористонъ, увидѣвъ меня въ другой ложѣ, тотчасъ прибѣжалъ сообщить мнѣ о происшедшемъ; онъ сказалъ мнѣ, что Перваго Консула чуть не убили въ Сен-Никезской улицѣ взрывомъ пороховаго боченка, разбившимъ у кареты стекла. «Мы избѣгли этой бѣды только десятью секундами,» прибавилъ Лористонъ; «когда кучеръ остановился для полученiя приказанiя отъ Перваго Консула, поворотивъ въ улицу Сент-Оноре, то онъ отвѣчалъ только: *Въ Оперу!*» Услыхавъ это отъ Лористона, я сѣлъ въ карету и отправился во дворецъ, разсудивъ, что Первый Консулъ

скоро будетъ имѣть во мнѣ нужду. Онъ точно не замедлилъ возвратиться и какъ взрывъ машины былъ услышанъ цѣлымъ Парижемъ, то зала нижняго этажа, выходящая на большую терасу, въ одну минуту наполнилась толпою сановниковъ, пріѣхавшихъ прочесть во взорахъ своего повелителя, что имъ должно думать. Онъ не заставилъ ихъ долго дожидаться: «Это дѣло Якобинцевъ,» вскричалъ онъ громкимъ голосомъ; «Якобинцы хотѣли убить меня! . . . Тутъ нѣтъ ни дворянъ, ни священниковъ, ни Шуановъ! . . . Я знаю что объ этомъ думать и никто меня не разувѣритъ. Это Сентябрщики, злодѣи покрытые грязью, которые явно бунтуютъ, и вѣчно устроиваютъ заговоры существующихъ Правительствъ. Нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ вы видѣли, что Церакки, Арена, Топино-Лебрёнъ и Демервиль покушались умертвить меня. Ну это таже самая шайка; это Сентябрскіе кровопійцы, Версальскіе убійцы, Преріальскіе заговорщики, виновники всѣхъ злодѣяній, свершенныхъ противъ Правительства. Если ихъ нельзя обуздать, то ихъ должно уничтожить; надобно очистить Францію отъ этой отвратительной сволочи; нечего жалѣть такихъ злодѣевъ! . . .» Надобно было видѣть воспламененное лице Наполеона, тѣлодвиженія его, всегда рѣдкія, но выразительныя и слышать звуки его

голоса—для того, чтобы составить себѣ понятіе о гнѣвѣ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова. Тщетно нѣкоторые Государственные Совѣтники, а въ особенности Фуше, старались вразумить его, что не существуетъ еще ни противъ кого никакихъ доказательствъ, и что прежде чѣмъ такъ положительно означать виновныхъ, надобно узнать ихъ. Бонапарте съ новою вспыльчивостью повторилъ сказанное уже имъ о Якобинцахъ и если справедлива пословица, что въ долгъ даютъ только богатымъ, то надобно сознаться, что Перваго Консула можно было извинить въ припнсаніи имъ однимъ злодѣйствомъ больше.

Фуше имѣлъ много непріятелей; а потому я не удивился, что нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ старались употребить противъ него разность его въ мнѣніи съ Первымъ Консуломъ. А потому мнѣніе Наполеона превозмогло въ первую минуту и надобно сознаться, что совершенное невѣдѣніе при этомъ случаѣ Полиціи, неспособно было увеличить число согласныхъ съ мнѣніемъ ея Начальника. Фуше сдѣлалъ какъ тростникъ въ баснѣ; онъ склонился, но съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять возстать. Самый искусный актеръ не въ состояніи былъ бы представить его спокойный видъ въ продолженіе вспышекъ Наполеонова гнѣва, его молчаніе, терпѣливость, съ которою онъ допускалъ себя

обвинять, и все запирательство, которое заключалось въ его молчаніи, а особенно въ его полуоткрытіяхъ. Министръ, разговаривая объ этомъ со мною, явно далъ мнѣ уразумѣть, что онъ не полагаетъ Якобинцевъ виновными. Я сказалъ объ этомъ Первому Консулу; но ничто не могло заставить его перемѣнить свое мнѣніе. «Фуше,» замѣтилъ онъ, «имѣетъ свои причины молчать; онъ бережетъ своихъ; очень естественно, что онъ щадитъ шайку людей, запятнанныхъ кровью и злодѣйствами. Развѣ онъ не былъ однимъ изъ вождей ихъ? Развѣ мнѣ неизвѣстно, что онъ дѣлалъ въ Ліонѣ и на Луарѣ? При этомъ случаѣ Луара и Ліонъ объясняютъ мнѣ поведеніе Фуше.»

Вотъ сущая истина: теперь да позволено мнѣ будетъ противопоставить ей одинъ изъ тысячи вымысловъ, къ которымъ подало поводъ это происшествіе. Говорили и печатали: «Сановники, Министры, собрались въ Тюліери. *Ну*! вскричалъ Первый Консулъ, подошедъ съ гнѣвомъ къ Фуше, *нескажешь ли опять что это роялисты!* Фуше, болѣе знавшій это дѣло, чѣмъ полагали, хладнокровно отвѣчалъ: *Да конечно скажу, а что еще больше, – докажу.* Эти слова возбудили всеобщее удивленіе и были доказаны . . . .» Это чистая выдумка; Первый Консулъ сказалъ только Фуше: «Я не надѣюсь на твою Полицію; я самъ принужденъ зани-

маться Полицейскою частью, и не сплю до двухъ часовъ утра!» Что по правдѣ сказать рѣдко случалось.

На другой день послѣ этого покушенія, въ Тюліери былъ весьма многочисленный съѣздъ; со всѣхъ сторонъ сыпались поздравленія. Сенскій Префектъ собралъ двѣнадцать Парижскихъ Меровъ, и повезъ ихъ подъ своимъ предводительствомъ для представленія Первому Консулу. Бонапарте сказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ: «Пока эта горсть разбойниковъ нападала прямо на меня, я предоставлялъ законамъ ихъ наказаніе; но какъ теперь чрезъ безпримѣрное злодѣйство, они подвергли опасности часть Парижскихъ жителей, то наказаніе будетъ столькоже скоро какъ и примѣрно. Надобно чтобы сотня бездѣльниковъ, которые клеветали на свободу, свершая во имя ея злодѣянія, была приведена въ невозможность дѣлать новыя.» Послѣ сего онъ разговаривалъ съ Министрами, съ Государственными Совѣтниками, и со всѣми присутствующими о сдѣланномъ наканунѣ покушеніи; и зная мнѣніе Перваго Консула о виновникахъ сего злодѣйства, всѣ старались утвердить его въ ономъ. Нѣсколько разъ сбирали Совѣтъ; даже спрашивали мнѣнія Сената и искусный Фуше, уступивъ вопреки своему убѣжденію затруднительности своего Министерскаго положе-

нія, представилъ Первому Консулу слѣдующее донесеніе, достойное искренности Мазарина.

«Это ужъ не тѣ разбойники, противъ которыхъ существуютъ извѣстныя формы правосудія и которые опасны лишь нѣсколькимъ лицамъ и имуществамъ; это враги цѣлой Франціи, которые каждую минуту угрожаютъ подвергнуть всѣхъ Французовъ буйству безначалія.

«Число этихъ ужасныхъ людей не велико, но злодѣянія ихъ безчисленны.

«Они то напали на Народный Конвентъ, вторгнувшись вооруженною рукою въ самое святилище законовъ; они то столько разъ хотѣли сдѣлать всѣ Комитеты Правительства сообщниками или жертвами своей кровожадной ярости; они то хотѣли ополчить противъ Исполнительной Директоріи и противъ Парижа войска, предназначенныя къ охраненію оныхъ. Они враги не какого либо одного Правительства, но всякаго рода Правительства.

«Все на что они въ продолженіе года покушались, имѣло цѣлью только убійства, какъ на дорогѣ къ загородному дому Перваго Консула, такъ въ Операхъ, на улицахъ или даже пробравшись чрезъ подземелья во внутренность Тюлiери.

«Это лютая война, которая не можетъ быть прекращена иначе какъ необычайными мѣрами высшей Полиціи.

«Между этими людьми, Полицiею выставляемы, *не всѣ были захвачены съ кинжаломъ въ рукѣ, но всѣ равно извѣстны за способныхъ изощрить и взять его.* Дѣло идетъ не о томъ только чтобы наказать за прошедшее, но о томъ чтобы обеспечить общественное благоустройство.»

Не имѣю нужды обращать вниманiе на смыслъ подчеркнутыхъ мною въ концѣ словъ; это была великая уступчивость Министра волѣ Перваго Консула; но въ этомъ донесенiи конечно любопытнѣе всего то, что подъ онымъ находилось имя Фуше. Въ тоже время наполнили журналы воспоминанiями о Революцiи для того чтобы въ глазахъ Публики сложить вину оной на тѣхъ, которыхъ хотѣли сдѣлать участниками свершеннаго уже преступленiя. Осудили человѣкъ сто къ ссылкѣ, и Сенатъ явилъ свою неистощимую снисходительность издавъ указъ, согласный съ желанiями Перваго Консула.

Я испугался увидя что Первый Консулъ такъ скоро вступилъ на стезю самовластiя; но кто могъ обуздать его волю? И такъ составили ссыльный списокъ тѣхъ, которыхъ признали Якобинцами. Я имѣлъ счастiе исходатайствовать исключенiе изъ этого списка именъ нѣсколькихъ человѣкъ, коихъ мнѣнiя были, можетъ статься, нѣсколько преувеличены, но за которыхъ говорили ихъ воспитанiе и личный характеръ. Мо-

жетъ быть нѣкоторые изъ моихъ читателей узнаютъ себя не будучи поименованными; я назову только Г. Тиссо не для того чтобы выставить оказанную мною ему услугу, но дабы описать какъ онъ, доказалъ мнѣ свою признательность.

И такъ Г. Тиссо находился въ числѣ тѣхъ, коихъ исключеніе изъ списка приговоренныхъ къ ссылкѣ, я испросилъ у Перваго Консула. Предъ вступленіемъ Наполеона въ 1815 году въ Парижъ, Г. Тиссо, явясь въ Префектуру Полиціи гдѣ я тогда находился, предложилъ мнѣ домъ свой какъ надежное убѣжище, въ которомъ онъ ручался что меня не найдутъ. Я не воспользовался этимъ предложеніемъ, но тѣмъ не менѣе спѣшу при этомъ случаѣ объявить все дѣло; пріятно думать, что различіе мнѣній не всегда подавляетъ чувства чести и великодушія!

Послѣ сего краткаго отступленія, возвращаюсь къ роковому списку, изъ коего я имѣлъ счастіе вычеркнуть нѣсколько именъ. Писавъ оный, я содрогался при мысли, что осуждали на удачу людей, чуждыхъ послѣдняго злодѣянія, которое имъ приписывали безъ суда, безъ доказательствъ и даже безъ изслѣдованія. Одного имени, и образа мыслей, можетъ статься предполагаемаго, было достаточно для того, чтобы попасть въ ссылку. Простое опредѣленіе Консуловъ 4 Генваря 1801 года, утвержденное из-

даннымъ на другой день Сенатскимъ указомъ, было достаточно для того чтобы изгнать изъ предѣловъ Республики сто тридцать человѣкъ, изъ коихъ девятеро было просто названо *Сентябрщиками*. Боже Всемогущій! въ какую эпоху, господствующее мнѣніе не нашло бы въ Монитёрѣ совершенно готовыхъ такихъ списковъ!

Сосланные, столь насильственно и столь несправедливо названные въ донесеніяхъ и въ указахъ виновниками адской машины, были приняты въ Нантѣ съ такимъ негодованіемъ, что потребовалось содѣйствіе вооруженной силы дабы избавить ихъ отъ неминуемаго умерщвленія. Въ этомъ городѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ свидѣтелемъ столькихъ кровавыхъ сценъ, умы были такъ раздражены, что безъ сильныхъ мѣръ невозможно было бы спасти ссыльныхъ отъ ярости народа.

Въ разсужденіяхъ, предшествовавшихъ изданію Консульскаго опредѣленія, не многіе дерзнули коснуться вопроса, относительно виновныхъ. Трюге первый вышелъ на поприще. Не отказывая Правительству въ чрезвычайныхъ средствахъ освобождаться отъ своихъ враговъ, онъ не могъ скрыть что Эмигранты угрожаютъ пріобрѣтшимъ національныя имѣнія, что общественный духъ развращается книжками; что. . . . «О какихъ книжкахъ вы говорите?» прервалъ его Первый Консулъ. «О тѣхъ, которыя всена-

родно ходятъ по рукамъ.—Назовите ихъ.—Онѣ должны быть вамъ столькоже какъ и мнѣ извѣстны» (*).

Послѣ долгой, съ гнѣвомъ сдѣланной выходки, Первый Консулъ вдругъ закрылъ засѣданіе. Онъ повторялъ что на счетъ этого дѣла, никто его не разувѣритъ, что злодѣи извѣстны, что это Сентябрщики, виновники всѣхъ злодѣяній. Онъ сказалъ въ одномъ засѣданіи, за три дня передъ этимъ: «Если нѣтъ доказательствъ, то надобно воспользоваться всеобщимъ расположеніемъ; это происшествіе доставляетъ случай, ихъ сошлютъ за 2 Сентября, за 31 Маія, за заговоръ Бабёфа и проч.»

Онъ сказалъ мнѣ выходя изъ засѣданія совѣта, въ которомъ была рѣчь о нарядѣ особаго суда: «что онъ нѣсколько погорячился; что онъ сказалъ что должно разить какъ молнія, что надобно крови, что слѣдуетъ разстрѣлять столькоже виновныхъ сколько взрывъ сдѣлалъ жертвъ — отъ пятнадцати до двадцати, отправить въ ссылку двѣсти человѣкъ и очистить Республику отъ этихъ изверговъ.»

Самовластіе было столь очевидно, что Сенатъ, въ указѣ своемъ, ни слова не упомянулъ о злодѣйствѣ 3 Нивоза, что очень замѣчательно; но

(*) Дѣло шло о *Сравненіи между Цесарем, Кромвелемъ и Бонапарте*, о которомъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

тѣмъ не менѣе онъ объявилъ что мѣра, принятая Правительствомъ наканунѣ была блюстительною мѣрою Конституцiи. Это обѣщало впередъ.

Первый Косулъ съ сильнымъ гнѣвомъ, съ пылкою ненавистью обвинялъ Якобинцевъ; и его нельзя бы въ этомъ упрекнуть, еслибъ подъ именемъ Якобинцевъ, онъ не разумѣлъ всѣхъ искреннѣйшихъ приверженцевъ свободы Францiи. Голосъ ихъ ему надоѣдалъ и онъ не могъ простить имъ того, что они строго судятъ притѣснительныя дѣйствiя его управленiя и противятся уничтоженiю народной свободы, которую самъ клялся поддерживать и защищать и которую онъ безпрестанно старался ниспровергнуть. Вотъ настоящiя его причины; вотъ какъ его собственныя вины сдѣлали въ глазахъ его виновными тѣхъ, которые видѣли ихъ или угадывали, не одобряя оныхъ; вотъ наконецъ по какой причинѣ, онъ еще болѣе страшился тѣхъ, которыхъ онъ называлъ Якобинцами чѣмъ Роялистовъ.

Выставляю здѣсь вины Наполеона; но извиняю его; всякой другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы столько же и даже больше. Уже истина не иначе какъ съ трудомъ до него достигала и когда она ему не нравилась, то онъ не хотѣлъ ея слышать. При томъ же, нетерпѣливость его достигнуть своей цѣли, превосходила все что можетъ себѣ представить самое пылкое вообра-

женіе; онъ безпрестанно боролся съ самимъ собою; но предусмотрительная лесть спѣшила къ нему на помощь и бо́льшая часть его приближенныхъ, не только не говорили ему того что они думали, но повторяли ему то что онъ самъ думалъ и тогда онъ удивлялся мудрости своихъ совѣтниковъ; а Фуше, дабы удержаться въ милости, принужденъ былъ предать ему сто тридцать изгнанниковъ, выбранныхъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей.

Однакожъ Фуше, увѣренный хотя еще и не убѣжденный, въ томъ что онъ не ошибся на счетъ настоящихъ виновниковъ злодѣйства 3 Нивоза, приводилъ въ движеніе, съ обыкновенною своею быстротою всѣ пружины Полиціи. Нѣсколько времени всѣ усилія его были тщетны. Наконецъ, въ суботу, 31 Генваря 1801 года(*) часа черезъ два по пріѣздѣ нашемъ въ Мальмезонъ, явился туда Фуше съ достовѣрными доказательствами справедливости своего предвидѣнія. Не осталось никакого сомнѣнія; Бонапарте ясно какъ день увидѣлъ, что покушеніе 3 Нивоза было слѣдствіемъ заговора, составленнаго Роялистами. Но какъ приговоръ о ссылкѣ тѣхъ, которыхъ вообще назвали Якобинцами, былъ уже приведенъ въ исполненіе, то этого ужъ нельзя было поправить. Списокъ былъ составленъ на основаніи донесенія Префекта Полиціи и свѣдѣній

(*) Черезъ шесть недѣль послѣ 3 Нивоза.

представленныхъ другими, сосѣдними съ Парижемъ Префектами; всѣ эти свѣдѣнія были составлены въ томъ же смыслѣ, какъ и рѣчь т. е. такимъ образомъ чтобы согласовать ихъ съ мнѣніемъ, которое Первый Консулъ столь явно обнаружилъ. Уже менѣе старались служить ему, чѣмъ угождать и къ достиженію сего не было вѣрнѣйшаго средства какъ придавать видъ правосудія или доставлять предлоги его ненависти. Сколько въ послѣдствіи я открылъ неважныхъ обстоятельствъ, которыя должно было считать чуждыми дѣлу и которыя съ онымъ соединялись!

И такъ окончательнымъ слѣдствіемъ злодѣйства 3 Нивоза было, что невинные и виновные подверглись наказанію; съ тою однакоже разницею, что виновные были покрайней мѣрѣ предварительно суждены. Когда первыхъ столь поспѣшно приговорили къ ссылкѣ, то Фуше не могъ еще представить положительнаго доказательства ихъ невинности; почему несправедливое ихъ осужденіе не должно быть вмѣнено ему въ вину; довольно преступныхъ воспоминаній лежать на его памяти для того чтобы отягчать оную преступленіемъ, не имъ совершеннымъ. Не смотря на то смѣю увѣрить, что воспротивясь при самомъ началѣ съ бо́льшимъ мужествомъ мнѣнію, объявленному Наполеономъ,— онъ бы остановилъ руку Перваго Консула, го-

товую къ пораженію. Пріѣзжая въ Тюліери до открытія настоящихъ слѣдовъ, Фуше каждый разъ увѣрительно говорилъ мнѣ о невинности прежде осужденныхъ; но онъ не смѣлъ сказать того же Наполеону. Я часто сообщалъ ему предположенія Министра Полиціи; но какъ доказательствъ не было, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ торжествующимъ видомъ: «Охъ ужъ этотъ Фуше! . . . онъ всегда таковъ. Впрочемъ какая мнѣ нужда; теперь я отъ нихъ *избавился*. . . . Если найдутся виновные между Роялистами, то ихъ также накажутъ.»

И дѣйствительно, по открытіи чрезъ допросы Фуше виновныхъ,—Сен-Режанъ и Карбонъ заплатили головами за гнусное злодѣйство: такимъ образомъ Первый Консулъ и отъ нихъ также *избавился* что удовлетворило всѣмъ его желаніямъ. Тутъ досталось и на его долю и на долю Правосудія.

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

Наслѣдственная власть.—Сочиненіе *Цесарь, Кромвель и Бонапарте.*—Разговоръ Бонапарте съ Фуше. — Тонкость сего послѣдняго.—Собственноручныя отмѣтки Наполеона.—Притворный гнѣвъ.—Отрѣшеніе Луціана.—Выгодное посольство. —Объявленіе Испаніею войны Португаліи.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеонова брата.—Разставленныя сѣти. — Лишеніе довѣренности.—Трехдневная размолвка —Школьничья штука.—Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе. —Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе.—Доброта Госпожи Бонапарте.—Нескромность Перваго Консула.

Нѣсколько разъ уже я имѣлъ случай говорить, сколько средствъ употреблялъ Бонапарте для достиженія единовластія и для приготовленія умовъ къ этой великой перемѣнѣ Притомъ же всякой, кто занимался разсмотрѣніемъ его

жизни, долженствовалъ замѣтить сколько онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ, что народное мнѣніе притупляется чрезъ распространіе слуховъ о какомъ нибудь замыслѣ и слѣдовательно ослабѣваетъ въ минуту исполненія онаго. А посему для обращенія общаго вниманія на вопросъ о наслѣдственной власти, была издана въ публику книжка. Вотъ довольно любопытная исторія оной.

Это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, въ то самое время, когда Фуше отыскивалъ настоящихъ виновниковъ злодѣянія 3 Нивоза. Небольшая книжка подъ заглавіемъ: СРАВНЕНІЕ МЕЖДУ ЦЕСАРЕМЪ, КРОМВЕЛЕМЪ И БОНАПАРТЕ, дошла до Перваго Консула. Онъ былъ въ отсутствіи, когда я получилъ оную. Прочитавъ ее, я увидѣлъ, что наслѣдственная Монархія открыто въ ней проповѣдуется. Мнѣ ничего не было извѣстно объ этой книжкѣ, но я скоро узналъ, какъ ниже увидятъ, что она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, откуда она была разослана въ большомъ изобиліи безъ писемъ. Прочитавъ ее, я положилъ ее на столъ; Бонапарте вошелъ черезъ нѣсколько минутъ, взялъ книжку, показалъ видъ, будто бы пробѣгаетъ ее и спросилъ у меня: «Читалъ ли ты это?—Да, Генералъ.—Ну, что ты объ этомъ думаешь?—Я думаю, Генералъ, что эта книжка способна произвесть ве-

личайшее зло въ общественномъ мнѣніи; она кажется мнѣ преждевременною, ибо слишкомъ рано открываетъ ваши замыслы.» Первый Консулъ, взявъ книжку, бросилъ ее на полъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ со всѣми ежедневными глупостями, наскоро имъ пробѣгаемыми. Я не одинъ былъ такого мнѣнія объ этой книжкѣ; ибо на другой же день, ближайшіе отъ Парижа Префекты, прислали по экземпляру оной къ Первому Консулу жалуясь на дурное дѣйствіе, ею производимое; я даже помню, что въ одномъ изъ этихъ донесеній было сказано, что такое сочиненіе можетъ обратить противъ него кинжалы новыхъ убійцъ. Разсмотрѣвъ эти бумаги, онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, пошли за Фуше; чтобы онъ поскорѣе явился сюда къ отвѣту.» Черезъ полчаса Фуше былъ уже съ нами втроемъ въ кабинетѣ. Только что онъ вошелъ, какъ слѣдующій разговоръ начался между ими,—съ величайшею живостью съ одной стороны и съ непоколебимымъ хладнокровіемъ, нѣсколько язвительнымъ съ другой. «Что это за книжка? что объ ней говорятъ въ Парижѣ? — Генералъ, всѣ единогласно считаютъ ее весьма опасною.—Если такъ, то за чѣмъ вы допустили издать ее? это непростительно.—Генералъ, я долженъ былъ поберечь сочинителя. —Поберечь! . . . что это значитъ? . . . Его бы должно посадить въ Тампль. — Но, Генералъ;

вашъ братецъ Луціанъ взялъ эту книжку подъ свое покровительство; она напечатана и издана по его приказанію; однимъ словомъ, она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Это мнѣ все равно! Въ такомъ случаѣ вы, какъ Министръ Полиціи, обязаны были взять Луціана подъ стражу, и посадить его въ Тампль. Этотъ съумазбродъ не знаетъ, что выдумать для того, чтобы повредить мнѣ!»

Послѣ этихъ словъ, Первый Консулъ вышелъ изъ кабинета хлопнувъ дверью. Оставшись одинъ съ Фуше, я поспѣшилъ просить у него объясненія усмѣшки, нѣсколько разъ показывавшейся на устахъ его во время гнѣва Бонапарте, ибо я очень видѣлъ, что у него нѣчто есть въ запасѣ. «Посадить сочинителя въ Тампль,» сказалъ мнѣ тогда Фуше, «это было бы трудно! Испугавшись дѣйствія, которое могло произвесть Сравненіе между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте, — я какъ только узналъ объ этой книжкѣ, тотчасъ отправился къ Луціану, дабы дать ему почувствовать его неосторожность; тогда, вмѣсто отвѣта, онъ сходилъ за рукописью, которую онъ мнѣ показалъ, и чтоже я увидѣлъ? поправки и отмѣтки, сдѣланныя рукою Перваго Консула.»

Луціанъ, узнавъ о гнѣвѣ Наполеона, также пріѣхалъ въ Тюліери упрекать брата въ томъ, что онъ его выставилъ и потомъ покинулъ.

«Ты самъ виноватъ,» сказалъ Первый Консулъ; «ты дался въ обманъ; ну тѣмъ хуже для тебя! Фуше былъ гораздо хитрѣе и искуснѣе тебя: ты передъ нимъ пошлый дуракъ.» Луціанъ подалъ въ отставку, былъ уволенъ и отправился въ Испанію. Эта дипломатическая ссылка была очень для него выгодна, ибо это посольство было не что иное какъ скрытная ссылка; надобно было, чтобы время облекло покровомъ Махіавельскую выдумку *Сравненія*. Луціанъ, между прочими наставленіями, получилъ приказъ употребить всѣ возможные способы для преклоненія Испаніи къ объявленію войны Португаліи, дабы принудить сію послѣднюю Державу отдѣлиться отъ Англіи.

Первый Консулъ всегда считалъ Португалію Англійскою колоніею. Онъ думалъ, что нападать на нея, значитъ вредить Англіи. Онъ хотѣлъ принудить Португалію неблагопріятствовать болѣе Англичанамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ и сдѣлать, чтобы это Королевство зависѣло отъ него также какъ Испанія. Въ слѣдствіе сего, Луціанъ, отправленный Посланникомъ въ Мадритъ, содѣйствовалъ стараніямъ Министра Карла IV, склонить Короля къ посылкѣ войскъ своихъ въ Португалію. Король рѣшился начать войну, которая была непродолжительна и кончилась почти безъ боя взятіемъ Оливенцы. 6 Іюня 1801 года Португалія

подписала Бадайоцскій договоръ, коимъ она обязывалась уступить Испаніи Оливенцу, Альмеиду и другія небольшія крѣпости и запереть свои гавани отъ Англичанъ. Первый Консулъ, недовольный договоромъ, сначала отказался утвердить его; онъ оставилъ свою армію на нѣсколько времени въ Испаніи и этотъ поступокъ принудилъ Португалію согласиться на нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ договорѣ. Этотъ договоръ былъ для Луціана и для Годоя источникомъ богатства. Но не будемъ преждевременно раскрывать событій.

Не въ одномъ только Тюлиерійскомъ кабинетѣ разбирали вопросъ о наслѣдственной власти; это было общимъ предметомъ разговоровъ въ Парижскихъ гостиныхъ; тамъ уже толковали о новой династіи: и эти слухи во все не нравились Первому Консулу, но онъ видѣлъ, что сдѣлалъ ошибку поступивъ слишкомъ поспѣшно; для сего-то онъ жестоко возсталъ противъ *Сравненія* не желая, чтобы могли его подозрѣвать въ какомъ либо участіи въ этомъ, неудавшемся средствѣ; почему однажды онъ сказалъ мнѣ касательно этого: «Мнѣ кажется что я немного поторопился; я слишкомъ рано поставилъ свои вѣхи; груша еще не созрѣла.» И такъ надобно было отсрочить пожизненное Консульство до 1802 года а Императорскую наслѣдственную власть до 1804 года.

Послѣ дурнаго успѣха хитраго обнародованiя книжки, мною упомянутой, я былъ приглашенъ обѣдать къ Фуше. Зная желанiе Перваго Консула, чтобы я какъ можно рѣже обѣдалъ въ гостяхъ, я объявилъ ему объ этомъ приглашенiи; онъ зналъ уже объ ономъ и тотчасъ согласился. Фуше посадилъ Iосифа по правую себя сторону, а меня подлѣ него. Въ продолженiе обѣда, Iосифъ говорилъ мнѣ только о своемъ братѣ, о его замыслахъ, объ изданной книжкѣ и о дурномъ дѣйствiи, ею произведенномъ. Разспросы его и отвѣты отзывались какимъ то порицанiемъ и неодобренiемъ. Я объявилъ ему мое мнѣнiе, согласное съ его словами, но выраженное нѣсколько суровѣе, чѣмъ оно было высказано мною его брату. Онъ казалось одобрялъ меня, довѣренность его меня поощряла и я съ удовольствiемъ видѣлъ въ немъ одинаковый съ моимъ образъ мыслей. Откровенность его была такова, что не взирая на прiобрѣтенную мною опытность, я вовсе и въ мысляхъ не имѣлъ что нахожусь съ первостатейнымъ шпiономъ; они однакожъ довольно хорошо мнѣ были извѣстны для того, чтобы ихъ остерегаться. Но кто не ошибается! На другой день послѣ этого обѣда, Первый Консулъ довольно сухо сказалъ мнѣ: *Оставляй мои письма въ корзинѣ, я самъ буду ихъ распечатывать.* Эта непредвидѣнная выходка меня удиви-

ла; но какъ мнѣ не въ чѣмъ было себя упрекать, то я вздумалъ позабавиться надъ этою недовѣрчивостью, которую онъ показалъ мнѣ не объяснивъ причинъ оной: я положилъ въ корзинѣ подъ низъ всѣ письма отъ Министровъ, которыя можно было узнать по конвертамъ, всѣ донесенія присылаемыя къ Первому Консулу на мое имя и закрылъ ихъ кучею писемъ незначительнаго содержанія, которыя я привыкъ уже отличать по адресамъ какъ то: просьбы о назначеніи номеровъ для лотереи, дабы воспользоваться *его* счастіемъ, объ окрещеніи дѣтей, объ опредѣленіи на мѣста, объявленія о свадьбахъ, о рожденіи, нелѣпыя похвалы, гнусныя посланія безъ подписи и проч.

Распечатываніе этихъ писемъ, къ которому онъ не привыкъ, вывело его изъ терпѣнія и онъ очень мало ихъ раскрылъ. Часто въ тотъ же день, но всегда уже на другой приходили новыя письма отъ Министровъ съ просьбою объ отвѣтѣ на писанное наканунѣ и съ жалобою на неполученіе онаго. Первый Консулъ опять распечатывалъ десятка два писемъ и оставлялъ прочія; ибо, догадываясь по адресамъ и по печатямъ, что эти письма требуютъ отвѣта на первыя, я клалъ ихъ подъ низъ всѣхъ прочихъ.

Не желая больше продолжать этой шалости, ни остаться въ неловкомъ положеніи, въ кото-

рое привело меня болтовство Іосифа, я рѣшился это кончить. На четвертый день, послѣ вечерней работы, которая была непріятна и прерываема выходками, я далъ Наполеону сойти внизъ и лечь. Спустя полчаса, я отправился къ нему въ комнату: меня всегда и во всякой часъ къ нему пускали. Держа свѣчу въ рукѣ, я взялъ стулъ, пошелъ прямо къ его кровати и поставилъ свѣчу на столъ. Онъ проснулся также какъ и Іозефина.—«Ну что тамъ новаго?» спросилъ онъ у меня съ удивленіемъ.—«Генералъ, я пришелъ объявить вамъ, что я немогу съ вами оставаться; безъ довѣренности, я не могу занимать мое мѣсто. Вы знаете сколько я вамъ преданъ и если вы имѣете въ чемъ либо упрекнуть меня, то я долженъ, покрайней мѣрѣ узнать тому причины; но положеніе, въ которомъ я три дня нахожусь, слишкомъ для меня тягостно.» Іозефина съ живостью спросила у него: «Что онъ тебѣ сдѣлалъ, Бонапарте?— *Это до тебя не касается*; потомъ, обратясь ко мнѣ: — *Да я имѣю причины на тебя жаловаться. Ты говорилъ о нынѣшнихъ дѣлахъ такимъ образомъ, который мнѣ не нравится.* — Могу васъ увѣрить, что я говорилъ одному только вашему брату. Онъ самъ навелъ меня на эту стезю и ужъ ему конечно все слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы я могъ открыть ему какую либо тайну. Я

разговаривалъ о вещи, обоимъ намъ равно извѣстной; онъ пересказалъ вамъ то что хотѣлъ; но развѣ я не могу также поступить и съ нимъ, обвинить его также какъ онъ меня обвинилъ и измѣнить, подобно какъ онъ со мною сдѣлалъ, довѣренности, имъ мнѣ оказанной. Притомъ же, Генералъ, ввѣряясь вашему брату, неужели я могъ полагать, что найду въ немъ Инквизитора?—Да признаюсь, судя по тому что мнѣ донесъ Іосифъ, я счелъ нужнымъ наложить карантинъ на мою къ тебѣ довѣренность; онъ продолжился три дня; этого довольно. Ну хорошо, Буріеннъ, все кончено; не будемъ больше объ этомъ говорить. Распечатывай мои письма; многія лежатъ еще безъ отвѣта; это показалось мнѣ слишкомъ скучнымъ; и притомъ мнѣ все попадались вздоры.»

Мнѣ кажется какъ будто я теперь еще вижу и слышу добрую Іозефину, какъ она, приподнявшись до половины сказала ему съ самою милою кротостью: «Какъ, Бонапарте, ты могъ подозрѣвать Буріенна; его, который такъ тебѣ преданъ, который есть единственный другъ твой; какъ ты могъ допустить, чтобы ему разставили такія сѣти? Обѣдъ, нарочно для этого устроенный! . . . . Боже мой какъ я ненавижу всю твою Полицію.» Тогда Бонапарте, засмѣявшись сказалъ ей: «Ну спи, спи! . . . Занимайся твоими тряпками: женщины ничего не понима-

ютъ въ дѣлахъ Правительства.» Когда я ушелъ то было около двухъ часовъ утра.

Проспавъ нѣсколько часовъ я увидѣлъ Перваго Консула, который былъ со мною болѣе чѣмъ когда либо любезенъ и я увидѣлъ, что на *эту минуту* всѣ облака разсѣялись.

Разсказанное мною представляетъ новое доказательство невѣроятной нескромности Наполеона и непреодолимой его охоты объявлять обвиняемымъ имена ихъ доносчиковъ; надобно признаться, что Іосифъ при этомъ случаѣ игралъ ролю, не очень приличную будущему Королю!....

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

Воспоминанія.—Народные клики и голосъ Іозефины.—Учрежденіе Правительства въ Піемонтѣ.—Французскій языкъ въ Піемонтѣ. — Цизальпинская Консульта. — Правительство вмѣсто Республики. — Дѣятельность Перваго Консула. — Назначеніе Келлермана.—Надпись на почетныхъ сабляхъ.— Награды Рейнской арміи. — Медаль. — Резервная армія и притворная скромность.—Генералъ Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Іюля.—Подписка.—Памятникъ Дезе.—Знамена Маренгскія, Италіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ. — Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренна въ Инвалидномъ домѣ.—Счастливая ораторская выходка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона.

Отъ одного предмета такъ легко увлекаешься къ другому, особенно когда описываемыя происшествія связываются между собою соотношеніями, что почти самъ того не замѣтивъ, я

привелъ себя въ необходимость обратиться къ эпохѣ, существовавшей прежде той, къ коей принадлежатъ событія, описанныя мною въ предъидущихъ главахъ. Особенно эта глава, предупреждаю читателя, будетъ чрезвычайно неправильна, ибо мнѣ хочется помѣстить въ ней нѣкоторыя отдѣльныя воспоминанія, оставшіяся назади и такъ сказать, забытыя мною на пути, уже пройденномъ. Такимъ образомъ напримѣръ, поощренный заговоръ Арены, привелъ меня къ покушенію 3 Нивоза, а намекъ о Фуше въ его поискахъ, долго безполезныхъ, завлекъ меня въ воспоминанія о знаменитомъ сочиненіи, однимъ изъ послѣдствій коего было удаленіе Луціана; и я ничего не успѣлъ сказать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, послѣдовавшихъ за великимъ днемъ при Маренго.

Народъ рѣдко принимаетъ существенное участіе въ государственныхъ событіяхъ; онъ видитъ ихъ проходящими мимо глазъ его съ холоднымъ равнодушіемъ и наслаждается праздниками, даваемыми ему Правительствомъ, только какъ зрѣлищемъ, о причинахъ коего онъ даже не доискивается. Не такъ было по возвращеніи нашемъ изъ Маренго: радость была всеобщая, живая, сильно чувствуемая не только первыми двумя сословіями общества, но всѣми; и любовь, которую со всѣхъ сторонъ изъявляли Первому Консулу, была искренна: какъ онъ

былъ счастливъ! и съ какимъ восхищеніемъ онъ сказалъ мнѣ однажды, пришедъ отъ развода: «Буріеннъ, слышишь ли ты гулъ этихъ кликовъ, еще продолжающихся; онъ столько же пріятенъ для меня, какъ голосъ Іозефины; какъ я счастливъ и какъ я горжусь любовью такого народа!»

Въ продолженіе послѣдняго своего пребыванія въ Миланѣ, Бонапарте учреднлъ новое правительство для Піемонта; съ тѣхъ поръ онъ возъимѣлъ сильное желаніе присоединить эту богатую, плодоносную землю къ Французскимъ владѣніямъ на томъ основаніи, что нѣкоторыя изъ Піемонтскихъ областей принадлежали нѣкогда Лудовику XIV. Этотъ Монархъ былъ единственный изъ Королей, къ которому Первый Консулъ питалъ истинное уваженіе; онъ сказалъ мнѣ однажды говоря объ немъ: «Еслибъ Лудовикъ XIV и не родился Королемъ, то онъ все былъ бы великимъ человѣкомъ, но онъ не зналъ людей; онъ не могъ знать ихъ; и притомъ, онъ никогда не былъ несчастливъ!» Онъ очень удивлялся твердости воли престарѣлаго Монарха, который не упалъ духомъ и скорѣе хотѣлъ погребстись подъ развалинами Монархіи, чѣмъ согласиться на постыдныя условія послѣ того какъ онъ повелѣвалъ Государями Европы. Я помню, что Первый Консулъ былъ очень доволенъ, когда изъ представленныхъ ему

о разныхъ предметахъ донесеній, онъ увидѣлъ что въ Казалѣ и въ нѣкоторыхъ долинахъ, какъ напримѣръ въ Пиніеролѣ, въ Латурѣ и въ Люцернѣ замѣтно еще много слѣдовъ тѣхъ временъ, когда эти земли принадлежали Франціи и что тамъ сохранилось употребленіе Французскаго языка; онъ уже становился защитникомъ прошедшаго и ему не угодилъ бы тотъ, который сталъ бы при немъ бранить прежнихъ Королей Франціи.

Первый Консулъ учредилъ для управленія Піемонтомъ Консульту, коей членовъ, какъ можно себѣ представить, онъ выбралъ изъ Піемонтцевъ, показавшихъ себя приверженцами Франціи. При этомъ учрежденіи онъ говорилъ, что *дастъ тѣмъ Піемонтцамъ новое доказательство пріязни и правоты Французскаго народа.* Послѣ сего онъ избралъ Генерала Дюпона въ Предсѣдатели Консульты съ титломъ чрезвычайнаго Министра Французскаго Правительства. При этомъ случаѣ мнѣ пріятно замѣтить тайный шагъ, который сдѣлалъ тогда Бонапарте къ ниспроверженію Республики: написавъ черновой актъ о назначеніи Генерала Дюпона, я по обыкновенію поставилъ: Чрезвычайный Министръ *Французской Республики.* «Нѣтъ, нѣтъ,» сказалъ онъ мнѣ, «пиши вмѣсто Республики—*Правительства.*»

По пріѣздѣ въ Парижъ, Первый Консулъ за

удовольствіе себѣ поставилъ ознаменовать свое присутствіе очевидными доказательствами своей невѣроятной дѣятельности; а посему на другой же день по его прибытіи было издано множество указовъ; послѣ чего онъ занялся наградами: назначилъ Келлермана Дивизіоннымъ Генераломъ, что по всей справедливости слѣдовало бы сдѣлать на полѣ сраженія и роздалъ почетныя сабли приказавъ сдѣлать на нихъ эту, лестную для него надпись: БИТВА ПРИ МАРЕНГО ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ ПЕРВАГО КОНСУЛА.—ДАНА ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ РЕСПУБЛИКИ ГЕНЕРАЛУ ЛАННУ. Еще четыре почетныя сабли были даны Генераламъ Виктору, Ватрену, Гардану и Мюрату; а потомъ множество другихъ сабель, не столь богатыхъ, пожаловано другимъ Офицерамъ, равно какъ почетныя ружья и шомпола для рядовыхъ, отличившихся при Маренго или въ Рейнской арміи; ибо Бонапарте былъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы не включить Офицеровъ и солдатъ, сражавшихся подъ предводительствомъ Моро въ число тѣхъ, коимъ онъ назначалъ національныя награды; онъ даже приказалъ выбить медаль въ память вступленія Французовъ въ Минхенъ. Но въ тоже время какъ печатали о Маренго и о краткомъ Италіянскомъ походѣ офиціяльныя басни, и—что достойно замѣчанія —между тѣмъ какъ съ преувеличеньями опи-

сывались событія, все это прикрывали притворною скромностью, оставя побѣдоносной Маренгской арміи негромкое названіе *резервной арміи*. Посредствомъ этой искусной предосторожности сохранялась честь Конституціи. Первый Консулъ ее не нарушилъ; если онъ и воевалъ, если и отваживался на все, то это было только случайно, ибо онъ не предводительствовалъ другою арміею кромѣ резервной, которую однакоже предъ выступленіемъ въ походъ онъ привѣтствовалъ именемъ *Большой Арміи*; да и кто могъ въ этомъ сомнѣваться, когда Бюлетени о томъ свидѣтельствовали? Правду сказать, я не постигалъ какъ Бонапарте, съ понятіями столь высокими, столь обширными,—могъ прибѣгать къ такимъ пустымъ, къ такимъ мелкимъ уловкамъ, столь малоспособнымъ обмануть людей, хоть нѣсколько прозорливыхъ.

Иностранцы, даже плѣнные, были предметомъ расчетливаго вниманія Наполеона. Я помню, что однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, напиши къ Военному Министру чтобы онъ выбралъ на Версальской оружейной фабрикѣ пару отличныхъ пистолетовъ и отослалъ бы ихъ отъ моего имени къ Генералу Цаху. Онъ сегодня у меня обѣдалъ и очень хвалилъ нашу оружейную фабрику; я хочу чтобы у него осталось объ ней что нибудь на память; а при-

томъ это принесетъ пользу; объ этомъ станутъ говорить и можетъ быть слухи дойдутъ въ Вѣну. Напиши.»

Едва вѣсть о Маренгской битвѣ достигла Парижа, какъ Луціанъ Бонапарте, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ занялся приготовленіями къ празднеству, случившемуся въ самую годину 14 Іюля и долженствовавшему напомнить собою первую Федерацію. Выше было сказано, что этотъ праздникъ и день 1 Вандеміера были единственными, которые сохранило Консульское Правительство. Дѣйствительно съ давняго времени Франціи не представлялось столь много надеждъ и восторгъ Французовъ обнаруживался при Первомъ Консулѣ съ величайшею живостью. Однакожъ, посреди радостныхъ порывовъ, причиняемыхъ побѣдою и надеждами на миръ, было мѣсто и огорченію; слава Дезе, геройскій его характеръ, смерть его, баснословныя слова, ему приписанныя и считаемыя публикою истинными,—все это приводило къ чувствамъ скорби о герое Арабовъ, о праведномъ Султанѣ, о другѣ Консула. Посему вознамѣрились открыть подписку для сооруженія ему національнаго памятника.

Здѣсь я не могу удержаться, чтобы не сдѣлать замѣчанія о разницѣ того времени, о которомъ я говорю, съ тѣмъ, въ которое мы живемъ. Мы видѣли что Франція наградила почти милліономъ, дѣтей одного изъ своихъ вели-

чайшихъ ораторовъ, краснорѣчиваго защитника общественной свободы; а на памятникъ героя Дезе, едва набралось въ Парижѣ по подпискѣ двадцать тысячъ франковъ. Не знаю какимъ случаемъ остались у меня въ бумагахъ эти подписные листы. Въ заглавiи перваго я вижу Луцiана, подписавшагося на сто франковъ; а самый щедрый подписчикъ есть Г. Делессеръ на 150 франковъ. Я нахожу тамъ скромный луйдоръ Паеторета и Генерала Даву. Правда что Луцiанъ подписалъ еще и на второмъ листѣ 600 франковъ; встрѣчаю тутъ и себя въ слѣдъ за Г-жею Бонапарте: она подписалась на 300, а я на 120 франковъ. Эта скупость подписчиковъ, о которой мнѣ очень позволено говорить, потому что я самъ находился въ числѣ ихъ, не представляетъ ли странной противоположности съ патрiотическою щедростью, послѣдовавшею за смертью Генерала Фуа: я только сблизилъ между собою эти два событiя; пусть кто хочетъ выводитъ изъ нихъ заключенiя. Впрочемъ бѣдность памятника, сооруженнаго Генералу Дезе на Дофинской площади свидѣтельствуетъ о маломъ усердiи подписчиковъ. Первый Консулъ былъ этимъ недоволенъ и назвалъ именемъ Дезе новую набережную, которая была съ торжествомъ заложена 14 Iюля.

Въ этотъ день, было чрезвычайное стеченiе народа на Марсовомъ Полѣ и въ Марсовомъ

Храмѣ, какъ продолжали еще называть церковь Инвалиднаго Дома. Луціанъ произнесъ рѣчь о благонадежномъ положеніи Франціи, въ сравненіи со страшною годиною ужаса и съ постыдными временами Директоріи. Лапиъ былъ удостоенъ заслуженной имъ чести представить Правительству знамена, взятыя при Маренго; и при этомъ представленіи сказалъ рѣчь, приличную его благородной и правдолюбивой искренности. Другія рѣчи были также произнесены Адъютантами Массены и Лекурба. Съ большою торжественностью роздали медали пяти инвалидамъ, признаннымъ товарищами ихъ, самыми достойными сего отличія. Послѣ сего Первый Консулъ сказалъ въ присутствіи своихъ молчаливыхъ товарищей:

«Знамена, представленныя Правительству предъ народомъ сей обширной столицы, свидѣтельствуютъ о геніѣ Главнокомандующихъ Моро, Массены и Бертье; о военныхъ талантахъ Генераловъ, ихъ сподвижниковъ и о храбрости Французскихъ солдатъ.

«Возвратясь въ лагери, скажите солдатамъ, что къ эпохѣ 1-го Вандеміера, въ которую мы празднуемъ годину Республики, народъ Французскій ожидаетъ—или мира или, буде непріятель противопоставитъ оному непреодолимыя препоны—новыхъ знаменъ, плодовъ новыхъ побѣдъ.»

Послѣ этого обращенiя Перваго Консула къ солдатамъ отъ имени народа, и въ которомъ онъ взвалилъ на Бертье славу Маренго,—своды храма огласились гимномъ, коего льстивые стихи были сочинены Г. Фонтаномъ, и коего музыка свидѣтельствовала о талантѣ Мегюля, бывшемъ тогда въ полной своей силѣ. Но при этомъ праздникѣ всего достопримѣчательнѣе было—ни поэзiя, ни музыка, ни даже льстивое краснорѣчiе Луцiана, а прибытiе на Марсово Поле послѣ церемонiи въ Инвалидномъ домѣ, Консульской Гвардiи, возвратившейся изъ Маренго. Я смотрѣлъ изъ окна Военной Школы и никогда не забуду сотрясенiя, такъ сказать электрическаго, огласившаго воздухъ радостными кликами при ея появленiи. Эти солдаты прошли мимо Перваго Консула не въ красивыхъ мундирахъ, какъ въ день смотра: отправясь съ поля сраженiя по погашенiи огней на другой день, они прошли Ломбардiю, Пiемонтъ, гору Сенисъ, Савоiю и Францiю въ двадцать девять дней; они явились украшенные утомленiемъ отъ дальняго пути, съ лицами загорѣвшими отъ Iюньскаго солнца Италiи, и съ тѣмъ разстройствомъ одежды и вооруженiя, которое свидѣтельствовало объ участiи ихъ въ смертномъ бою. Хотите ли вы имѣть о нихъ понятiе? вы можете увидѣть вѣрный образецъ ихъ въ первомъ Гренадерѣ, котораго Жераръ поставилъ

на одной сторонѣ своего Аустерлицкаго сраженія.

Въ эпоху этого празднества, то есть въ половинѣ Іюля, Первый Консулъ не могъ думать, чтобы умѣренныя условія, предложенныя имъ послѣ побѣды, не были приняты Австріею. И такъ въ надеждѣ мира, по всему казавшагося вѣроятнымъ,—онъ созвалъ въ первый разъ послѣ учрежденія Консульскаго Правленія, Депутатовъ изъ Департаментовъ и назначилъ срокомъ ихъ съѣзда въ Парижъ первое Вандеміера, день, разграничивавшій истекавшее столѣтіе и великій вѣкъ, долженствовавшій начаться. Хоть я и не много имѣю сказать объ этомъ празднованіи столѣтія, но не отдѣлю онаго повѣствованіемъ о другихъ происшествіяхъ отъ празднества, мною описаннаго.

Тѣло великаго Тюренна, коему Лудовикъ XIV воздалъ почесть, помѣстивъ знаменитую его гробницу между Королевскими гробами въ Сен-Денисскомъ склепѣ, было оттуда исторгнуто въ святотатственную эпоху разрытія могилъ. Бренные его остатки, перемѣшанные съ другими костями, долгое время валялись на чердакѣ Врачебной Школы. Г. Ленуаръ, по вдохновенію и по любви къ изящнымъ искуствамъ, извлекъ оные изъ сего неприличнаго забвенія и помѣстилъ ихъ въ прежнюю гробницу Тюренна въ Музеѣ Малыхъ Августиновъ. Бонапарте возна-

мѣрился поручить охраненіе оныхъ ветеранамъ воинской славы, соорудивъ надъ ними мраморный памятникъ, въ коемъ слава Тюренна не имѣетъ нужды. Это были новые узы, коими онъ соединялъ прошедшія времена Франціи со своею собственною будущностью и онъ разсудилъ, что чувства, внушенныя Французамъ торжественною почестью, возданною памяти Тюренна и восторженныя ораторскими преувеличеніями счастливой мысли перенесенія тѣла его въ Инвалидный Домъ,—расположатъ Департаментскихъ Депутатовъ къ принятію съ бо́льшимъ восторгомъ вѣсти о мирѣ, которую онъ надѣялся имъ сообщить.

Однакоже переговоры не приняли еще того благопріятнаго оборота, коего ожидалъ Первый Консулъ. Извѣстія, сообщенныя имъ со всевозможнымъ искуствомъ и осторожностью чрезъ посредство Луціана, были выслушаны съ безпокойствомъ; но Луціанъ оставилъ къ концу своей рѣчи въ запасѣ одну изъ тѣхъ ораторскихъ выходокъ, которыхъ Первый Консулъ столь любилъ внезапное и неожиданное дѣйствіе. Пространно описавъ усилія Правительства къ пріобрѣтенію мира, изобразивъ увертки Австріи и обвинивъ пагубное вліяніе Англіи,—онъ вдругъ возвысилъ голосъ и съ нѣкоторою торжественностью прибавилъ: «Сей часъ, въ ту самую минуту, какъ Консулы выходили изъ дворца Пра-

вительства—прибылъ курьеръ съ депешею, которую Первый Консулъ повелѣлъ мнѣ вамъ сообщить.» Послѣ сего онъ прочиталъ ноту, извѣщающую что Австрійское Правительство соглашается отдать Франціи три крѣпости Ульмъ, Филипсбургъ и Ингольштадтъ. Отдача этихъ трехъ мѣстъ подавала надежду къ скорому заключенію предварительныхъ условій; вѣсть сія была принята съ восторгомъ и чрезъ нея, этотъ день, долженствовавшій быть вовсе не радостнымъ, содѣлался однимъ изъ лучшихъ дней Перваго Консула.

ГЛАВА XV.

Австрія, связанная Англіею.—Г. Сен-Жюліенъ въ Парижѣ.—Порученіе Дюрока. — Прерванное перемиріе. — Уступка трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Требованіе отдѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Италію.—Лихоимство.—Затрудненія при сдачѣ Генуи.—Умѣренность Перваго Консула.—Переходъ чрезъ Минчіо и чрезъ Дунай.—Перемиріе на сухомъ пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.—Гогенлинденская битва. — Радость Наполеона.—Госпожа Моро въ Тюліери.—Женскіе толки.—Госпожа Гюло въ Мальмезонѣ.—Холодность Наполеона.—Г. Кобенцель въ Парижѣ.—Люневильскій Конгресъ.—Кларкъ. — Искусный отвѣтъ Г-на Маре.

Перемиріе, заключенное въ слѣдствіе Маренгской битвы; потомъ нарушенное и опять возстановленное,—продолжало сохраняться нѣсколько времени между арміями Рейнскою, Италіянскою и Императорскими войсками; но Австрія,

связанная полученнымъ ею денежнымъ вспомоществованіемъ двухъ миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не могла договариваться о мирѣ безъ соучастія Англіи; она не теряла еще надежды начать снова счастливую войну

Однакожъ Г. Сен-Жюліенъ подписалъ въ Парижѣ предварительныя условія, но Вѣнскій дворъ не утвердилъ оныхъ; и Дюрокъ, посланный Наполеономъ въ Вѣну для представленія сихъ условій на утвержденіе Императору, не былъ пропущенъ чрезъ Австрійскіе аванпосты. Этотъ неосторожный поступокъ, слѣдствіе всемогущества Англіи, по справедливости возбудилъ негодованіе Перваго Консула, представившаго доказательства наивеличайшей умѣренности и живѣйшаго желанія мира. Онъ говорилъ мнѣ: «Я имѣю нужду въ мирѣ для того чтобы устроить внутреннее управленіе (онъ не говорилъ: для пріуготовленія себѣ пути къ власти); Французы онаго желаютъ. Ты видишъ предложенныя мною условія; побѣжденная Австрія получаетъ тоже что при Кампо-Форміо: чего же ей еще надобно? Я могъ бы потребовать больше; но и не страшась неудачь 1799 года, я долженъ имѣть въ виду будущность. При томъ же спокойствіе мнѣ нужно для того чтобы устроить внутренность Государства и послать помощь въ Мальту и въ Египетъ. Но я не хочу быть обманутымъ . . . я скоро рѣшусь.»

Дѣйствительно Первый Консулъ, вознегодовавъ, послалъ къ Моро приказъ прервать перемиріе и возобновить непріязненныя дѣйствія если ему не отдадутъ мостовъ Рейна и Дуная, отдавъ ему Филипсбургъ, Ульмъ и Ингольштадтъ; тогда Австрійцы предложили договориться съ Франціею на новыхъ основаніяхъ. Англичане хотѣли было участвовать въ Конгрессѣ, но Первый Консулъ не иначе на то соглашался какъ съ тѣмъ чтобы они подписали отдѣльное перемиріе и перестали дѣйствовать за одно съ Австріею.

Въ предъидущей Главѣ сказано, что Первый Консулъ получилъ 25 Сентября извѣстіе о занятіи трехъ крѣпостей; это былъ день, назначенный имъ въ его окончательныхъ предложеніяхъ Англіи для возобновленія непріязненныхъ дѣйствій: но на эту минуту онъ удовольствовался снисходительностью Австріи; ибо Держава сія, въ надеждѣ на поддержку отъ Англіи, спрашивала у него, на какихъ условіяхъ ей слѣдуетъ договариваться.

Г. Отто былъ въ Лондонѣ съ порученіемъ касательно размѣна плѣнныхъ, а между тѣмъ переговаривался съ Австріею. Англія и слышать не хотѣла о перемиріи на морѣ, подобномъ тому, которое Франція заключила на сухомъ пути съ Австріею. Она ссылалась на то, что въ случаѣ разрыва, Франція найдетъ въ этомъ мор-

скомъ перемиріи болѣе выгодъ чѣмъ Австрія. Затрудненіе и медленность сношеній, дѣлали эти причины вѣроподобными. Первый Консулъ соглашался принять отъ Англіи другія предложенія и допустить ее къ Люневильскимъ переговорамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она заключила съ нимъ *договоръ* безъ посредства Австріи. Англія въ этомъ отказала, послѣ чего уже никакъ не могли сойтиться. Наскучивъ неизвѣстностью и разными увертками Австріи, покорствовавшей Англійскому вліянію, Бонапарте почувствовалъ что продолжительность такого положенія вещей непремѣнно обратится ко вреду его и прервалъ перемиріе: онъ соглашался на довольно пожертвованій, не совмѣстныхъ съ успѣхами его въ Италіи. Надежда скораго мира одна только могла заставить его забыть необъятныя выгоды, доставленныя ему побѣдою. Опишемъ въ короткихъ словахъ прошедшее.

Первый Консулъ бросилъ взоры на положеніе Италіи, на вооруженіе и продовольствіе. Онъ хотѣлъ всегда быть наготовѣ противъ дѣятельныхъ козней Англіи и противъ двуличности враговъ своихъ. Бонапарте, изъ присланныхъ ему донесеній съ негодованіемъ узналъ, что не только, подъ самыми пустыми предлогами снабдили продовольствіемъ крѣпости Италіи, но что въ слѣдствіе того безпорядка и лихоимства,

ками отличалось Правительство Директоріи, соблазнъ дошелъ до такой степени, что продали часть того, что оставили въ нихъ Австрійцы тогда какъ крѣпости сіи вдругъ достались во власть Маренгскаго побѣдителя. Многія лица, сильно подозрѣваемыя въ участіи въ этихъ безпорядкахъ, были отозваны и лишены мѣстъ своихъ. Самыя сильныя мѣры были приняты для того, чтобы исправить это зло и воспрепятствовать его возобновленію. Солдатъ, справедливо недовольный тѣмъ, что послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, съ нимъ также дурно поступаютъ, какъ и въ то время, когда невѣжество и незнаніе подвергали его неудачамъ,— съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣятельное, честное управленіе положитъ конецъ его бѣдствіямъ.

Если послѣ Маренго, Первый Консулъ показалъ взыскательность касательно исполненія заключенныхъ условій, то обстоятельства, происшедшія при сдачѣ Генуи, могли подать ему нѣкоторыя причины къ неудовольствію.

Въ отдачѣ Генуи дѣйствительно произошла нѣкоторая задержка: Князь Гогенцоллернъ, котораго Меласъ оставилъ тамъ Губернаторомъ со значительнымъ отрядомъ войскъ, не могъ рѣшиться такъ скоро выйти побѣжденнымъ изъ крѣпости, въ которую Генералъ Меласъ, столь еще недавно вступилъ побѣдителемъ.

Когда Массена явился предъ Генуу для того, чтобы принять ее вновь въ свое владѣніе, то Князь отказалъ сдать ему оную. Надобно было обратиться къ Генералу Меласу. Правота, показанная этимъ Генераломъ въ столь многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и тутъ не измѣнилась. Онъ приказалъ Князю Гогенцоллерну немедленно исполнить договоръ угрожая подвергнуть его послѣдствіямъ, которыя могъ навлечь отказъ его. Пришлось повиноваться, и итти по той же дорогѣ, по которой шла уже Австрійская армія, то есть отступить за Минчіо. Первый Консулъ закрылъ глаза на это затрудненіе.

Не только не уваживъ умѣренности, коей Первый Консулъ не переставалъ представлять доказательства,—Австрія и Англія казалось увеличили только свою смѣлость. Съ этой минуты былъ отданъ приказъ возобновить наступательныя дѣйствія въ Германіи и въ Италіи и тогда-то война опять началась.

Перевѣсъ фортуны долго былъ сомнителенъ. Послѣ неудачи, Австрія обѣщала; послѣ успѣха она уклонялась отъ своего обѣщанія; но наконецъ фортуна объявила себя за Францію и Французскія арміи въ Италіи и въ Германіи перешли—одна чрезъ Минчіо, а другая чрезъ Дунай и знаменитая Гогенлинденская битва довела Французскіе аванпосты за десять миль

отъ Вѣны. Эта побѣда доставила миръ, ибо, слишкомъ хорошо наученный прошедшимъ, Первый Консулъ не хотѣлъ и слышать о перемиріи до тѣхъ поръ, пока Австрія не согласится на заключеніе отдѣльнаго договора: доведенная до послѣдней крайности Австрія, принужденною нашлась уступить и оставила Англію. Британскій кабинетъ, хотя и давшій два миліона фунтовъ стерлинговъ денежнаго пособія,—согласился на это разлученіе.

Великобританія была къ сему преклонена положеніемъ, въ которое послѣдніе успѣхи Моро привели Австрію и слишкомъ было очевидно, что дальнѣйшее сопротивленіе могло довести сію послѣднюю до вѣрной гибели, что было бы противно ея выгодамъ.

Англія, какъ выше видѣли, требовала допущенія къ Люневильскимъ переговорамъ. Первый Консулъ на это соглашался; но замѣтивъ, что Англія старается только обмануть его, онъ потребовалъ, чтобы она прекратила непріязненныя дѣйствія съ Франціею, также какъ сіе сдѣлала Австрія. Первый Консулъ весьма разсудительно ссылался на то, что такое перемиріе неопредѣлительное на твердой землѣ, будетъ болѣе неблагопріятно для Франціи, чѣмъ продолжительное перемиріе на морѣ причинило бы вреда Англіи. Все это отсрочило

заключеніе предварительныхъ условій до 1801, а миръ до 1802 года.

Легко себѣ представить живѣйшее нетерпѣніе Перваго Консула въ продолженіе увертокъ Австріи и козней Англіи; ему извѣстны были всѣ замыслы, устроиваемые для возстановленія Бурбоновъ. А посему можно посудить какъ велика была его радость, когда Гогенлинденская битва, всею тяжестью своею наклонила на его сторону вѣсы фортуны (*). При этихъ то, столь еще сомнительныхъ обстоятельствахъ, Моро одержалъ 3 Декабря 1800 года эту достопамятную побѣду, положившую конецъ недоумѣніямъ Вѣнскаго кабинета.

6 Декабря Первый Консулъ получилъ извѣстіе о Гогенлинденской побѣдѣ. Это было въ Суботу: онъ пріѣхалъ изъ театра въ ту минуту какъ я вручилъ ему депешу; радость его была такъ велика, что онъ вспрыгнулъ и упалъ на меня, что помѣшало ему повалиться на полъ. Я долженъ сказать что онъ не ожидалъ столь важнаго послѣдствія искусныхъ движеній Рейнской арміи. Эта побѣда давала новый видъ

(*) Наканунѣ Гогенлинденскаго сраженія, Моро ужиналъ со своими Адъютантами и со многими Генералами; ему приносятъ депешу. Прочитавъ ее, онъ хоть и не имѣлъ привычки хвастать, а сказалъ своимъ гостямъ: «Меня извѣщаютъ о движеніи, сдѣланномъ Барономъ Краемъ. Я этого только и желалъ. Завтра мы возьмемъ у него десять тысячъ человѣкъ.»—Моро взялъ у него сорокъ тысячъ и множество знаменъ.

переговорамъ его о мирѣ и рѣшила открытіе Люневильскаго Конгресса, происшедшее 1 числа слѣдующаго Генваря мѣсяца.

При вѣсти объ одержаніи Гогенлинденской побѣды, Госпожа Моро поспѣшила во дворецъ дабы увидѣть Перваго Консула и Госпожу Бонапарте. Она являлась туда неоднократно не будучи принята. Въ послѣдній разъ пріѣхала она съ матерью своею Г-жею Гюло. Долгое время ждала она тщетно и наконецъ, сбираясь уже уѣхать, мать ея не могла скрыть своей досады и сказала очень громко въ гостиной при мнѣ и при многихъ другихъ домашнихъ Наполеона, что *женѣ Гогенлинденскаго побѣдителя неприлично такимъ образомъ ждать.* Эти рѣчи дошли куда слѣдовало. Г-жа Моро въ скоромъ времени отправилась къ мужу своему въ Германію. Г-жа Гюло, черезъ нѣсколько времени послѣ того, опять пріѣхала въ Мальмезонъ просить о производствѣ старшаго своего сына, въ послѣдствіи умершаго, который служилъ во флотѣ. Іозефина очень хорошо приняла Г-жу Гюло и пригласила ее остаться обѣдать также какъ и Господина Карбонне, ея знакомаго, сопровождавшаго ее въ Мальмезонъ. Первый Консулъ, увидѣвшій ее только за обѣдомъ, обошелся съ нею весьма сухо, говорилъ съ нею очень мало и послѣ обѣда оборотился къ ней спиною. Это поведеніе такъ было разительно, что Іозефина, всегда прево-

сходная, сочла обязанностью оправдать Перваго Консула, сказавъ что онъ *озабоченъ неприбытіемъ курьера, котораго замедленіе его тревожило.*

Бонапарте не питалъ никакой непріязни къ Моро потому что онъ его не боялся; и послѣ Гогенлинденскаго сраженія, онъ лучше о немъ отзывался, не скрывая даже что онъ многимъ ему былъ обязанъ въ этомъ важномъ случаѣ; но онъ не могъ терпѣть семейство жены его, которое онъ называлъ толпою проныръ.

Какъ бы то ни было, а по назначеніи города Люневиля мѣстомъ для Конгресса, Первый Консулъ послалъ Іосифа договариваться съ Графомъ Лудвигомъ Кобенцелемъ. Іосифъ встрѣтилъ Графа на дорогѣ, ѣхавшаго въ Парижъ для того чтобы вывѣдать расположеніе Французскаго Правительства и сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ. Іосифъ воротился съ нимъ туда обратно. Переговоривъ съ Первымъ Консуломъ касательно мира, они на другой же день отправились въ Люневиль, куда Бонапарте назначилъ Губернаторомъ Генерала Кларка, который непремѣнно хотѣлъ чѣмъ нибудь быть и не переставалъ его мучить. Это, очень пустое назначеніе его удовлетворило.

Черезъ день по полученіи этого благопріятнаго извѣстія, Г. Маре привезъ по обыкновенію около четырехъ часовъ къ Первому Кон-

сулу для подписанія бумаги, составленныя по опредѣленію Совѣта. Подписывая и не поднимая головы, Первый Консулъ сказалъ Г-ну Маре, котораго службою онъ былъ доволенъ и который стоялъ по правую его сторону съ бумагами. «Богатъ ли ты Маре? — Нѣтъ Генералъ. —Тѣмъ хуже: надобно быть независимымъ.— Генералъ, я хочу зависѣть только отъ васъ.» Тогда Первый Консулъ, взглянувъ на Маре, сказалъ: «Гмъ! не дурно!» А когда Статсъ-Секретарь вышелъ, то Бонапарте замѣтилъ мнѣ: «Маре не глупъ: онъ искусно отвѣчалъ.»

ГЛАВА XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обороты Іосифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и странный совѣтъ Талейрана.—Пересылка чрезъ почту.—Необходимость имѣть хорошій столъ.—*Эдуардъ въ Шотландіи.*—Вліяніе дѣвицы Конта.—Снисходительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.—*Передняя.*—Лакейскія ливреи и Гревская площадь.—Исключеніе со сцены нѣсколькихъ піесъ.—Бонапарте въ Сен-Кантенѣ.—Я остаюсь въ Парижѣ.—Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фултонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона.—Смерть Императора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Новыя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Петербургѣ.—Отвергнутое предложеніе.—Смерть Аберкромбія.—Истина и льстецы.

9 Февраля 1801, черезъ шесть недѣль послѣ открытія Люневильскаго конгресса, миръ былъ подписанъ между Австріею и Франціею. Плодъ

побѣдъ при Маренго и при Гогенлинденѣ, миръ сей возстановилъ Францiю въ то почетное положенiе, которое разстроили: Правительство Пентархiи, его слабость, неспособность и неудачи 1799 года. Миръ сей, названный въ договорѣ, по обыкновенiю *вѣчнымъ*, продолжился четыре года: и это еще очень много.

Iосифъ Бонапарте, производя Люневилѣ переговоры для Францiи,—занимался на Биржѣ извлеченiемъ выгодъ изъ возвышенiя курса, долженствовавшаго, по его мнѣнiю произойти чрезъ этотъ миръ. Люди, болѣе искусные, знавшiе подобно ему тайну, продали свои фонды въ ту минуту, какъ была прiобрѣтена увѣренность о мирѣ, а Iосифъ накупилъ множество ихъ для того чтобы продать съ барышемъ при подписанiи мира. Но новость распространилась и курсъ упалъ; потеря Iосифа была значительна и онъ не могъ удовлетворить обязательствамъ, въ которыя вовлекли его, жадные и глупые расчеты: онъ обратился къ брату, который не хотѣлъ и не могъ дать ему необходимую сумму. Наполеону однакожъ очень было больно видѣть старшаго своего брата въ такомъ затрудненiи и онъ спросилъ у меня что дѣлать. Я отвѣчалъ, что не знаю; но предложилъ ему обратиться къ Г. Талейрану, отъ котораго онъ часто получалъ хорошiе совѣты; онъ это сдѣлалъ. Г. Талейранъ

сказалъ ему съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ: «Какъ! только то? это ничего не значитъ. . . . совершенно ничего не значитъ; тутъ нечего и безпокоиться; стóитъ только поднять курсъ фондовъ.—Но деньги! — Деньги не трудно достать; заложите что нибудь въ Заемную Контору и вы получите деньги для того чтобы поднять цѣну фондовъ; они возвысятся; Іосифъ продастъ ихъ и получитъ барышъ. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.» Все удалось какъ предвидѣлъ Г. Талейранъ. Я долженъ здѣсь сказать однажды навсегда, что дабы имѣть настоящее понятіе о всѣхъ разговорахъ Г. Талейрана,— надобно знать его способъ выраженія, непринужденность, непоколебимое хладнокровіе, неизмѣнныя черты лица недоступныя никакому волненію и обширный умъ его. Разсказъ, а тѣмъ еще менѣе тисненіе, не въ состояніи передать всѣхъ этихъ оттѣнковъ.

Въ продолженіе Конгресса, Первый Консулъ, узнавъ, что курьеры возятъ множество разныхъ вещей а въ особенности лакомыя рѣдкости для стола главныхъ сановниковъ, отдалъ приказаніе, чтобы впредь курьеры не возили ничего кромѣ депешей. Въ тотъ же вечеръ Камбасересъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы были одни съ Первымъ Консуломъ, который заранѣе смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ тужить объ этомъ его товарищъ. «Что тебѣ нужно, Камбасересъ

въ такой необыкновенный часъ?—Я пріѣхалъ просить для себя исключенія на счетъ приказа, отданнаго Почтдиректору. Какъ теперь пріобрѣтать себѣ друзей, если не станешь угощать ихъ рѣдкими блюдами? Вамъ самимъ извѣстно, что управленіе, большею частью производится посредствомъ хорошихъ обѣдовъ.»—Бонапарте очень смѣялся и наконецъ сказалъ, потрепавъ его по плечу: «Утѣшься, мой бѣдный Камбасересъ и не сердись; курьеры будутъ по прежнему возить твои индѣйки съ трюфелями, твои Страсбургскіе пироги, Маинцскіе окорока и куропатки.»

Кто бывалъ на обѣдахъ у Камбасереса и у нѣкоторыхъ другихъ особъ, кто слыхалъ, что почти всѣ разговоры тогдашняго времени имѣли предметомъ роскошь этихъ обѣдовъ и изысканность блюдъ, кто знаетъ, съ какими расчетами дѣлались приглашенія,—тотъ убѣдится въ сильномъ вліяніи, производимомъ хорошимъ обѣдомъ на политическія дѣла. Не ужели умъ и мнѣнія зависятъ отъ желудка? Камбасересъ не вѣрилъ, чтобы могло существовать хорошее Правительство безъ отличнаго стола и полагалъ славу свою (ибо у всякаго есть своя слава) въ томъ, чтобы во всемъ Парижѣ и даже въ Европѣ хвалили его кухню: для него, пиръ, заслужившій всеобщую похвалу, былъ *Маренго* или *Фридландъ*.

Въ концѣ Февраля дали во Французскомъ Театрѣ, представленіе *Едуарда въ Шотландіи*, сочиненія Дюваля; Роялисты и Эмигранты толпою бросились въ театръ, и сдѣлали множество примѣненій къ Бурбонамъ. Піеса имѣла большой успѣхъ: она его заслуживала. Когда *Едуардъ въ Шотландіи* былъ одобренъ Театральною Дирекціею, то ожидали затрудненій со стороны Цензуры касательно дозволенія его представить. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сначала не очень былъ расположенъ дать оное. Г-на Шапталя поручили убѣждать Г-ну Маре и дѣвицѣ Конта, которая восхищалась этою піесою. Ее дѣйствительно нельзя было похулить не показавъ себя человѣкомъ безъ вкуса и безъ всякихъ чувствъ. Въ продолженіе этихъ кулисныхъ переговоровъ, Первый Консулъ отправился въ Сен-Кантенъ для того чтобы осмотрѣть тамошній каналъ и извлечь изъ него хоть какую либо пользу. И такъ піеса была сыграна во время его отсутствія. Я оставался въ Парижѣ и писалъ къ нему по два раза въ день. Я послалъ къ Первому Консулу противорѣчащія донесенія объ этой піесѣ: одни полагали что должно запретить представленіе оной, считая ее опасною по примѣненіямъ, къ которымъ она давала поводъ; другіе, въ числѣ коихъ и я находился,—совѣтовали ему оставить піесу на театрѣ, не обращая вниманія на всѣ эти при-

мѣненія, которыми наполнены столь многія комедіи и трагедіи; ибо принявъ систему запрещеній, слѣдовало бы обезобразить всѣ наши образцовыя произведенія или никогда не представлять ихъ. Первый Консулъ, по возвращеніи своемъ, склонялся было къ послѣднему изъ этихъ мнѣній, согласному съ дозволеніемъ, даннымъ его Министромъ Онъ приказалъ вторично представить *Едуарда въ Шотландіи*; я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ былъ недоволенъ многочисленными рукоплесканіями, произведенными разными намеками: дѣйствительно эти рукоплесканія были не неумышленны и слишкомъ продолжительны. Приписавъ ихъ своему присутствію, онъ принялъ строгій видъ. Я замѣтилъ ему, что эти же самыя рукоплесканія раздавались и въ первое представленіе, на которомъ я находился.—«Это ужъ слишкомъ, говорю я тебѣ; не хочу чтобы ее играли.» И сѣвъ въ карету онъ началъ ворчать: «Какъ эта Цензура глупа, что одобрила такую піесу! За чѣмъ дозволять представленіе политическихъ піесъ не спросясь у меня? Видано ли это гдѣ нибудь. Я не хотѣлъ чтобы играли *Охоту Генриха IV*, а ты согласишься, милый мой, что тутъ большая разница.» Покричали, но безполезно и мнѣ кажется, что Г. Дюваль былъ принужденъ выѣхать изъ Франціи.

Черезъ нѣсколько времени послѣ *Едуарда въ*

Шотландіи, представили въ Комической Оперѣ піесу, подъ названіемъ *Передняя*. Нашли будто бы въ ней есть намеки на Консуловъ. Вопервыхъ одинъ изъ лакеевъ говорилъ: *Я на службѣ*; другой отвѣчалъ: *И я также, мы сотоварищи*. Въ донесеніяхъ было прибавлено что передразнивали ухватки Перваго Консула; наконецъ что лакейскія ливреи въ піесѣ были насмѣшливымъ подражаніемъ Консульскимъ мундирамъ.—«Вотъ» сказалъ мнѣ Первый Консулъ, «піеса подъ пару къ *Едуарду*; цензура ни за чѣмъ не смотритъ. Это не можетъ такимъ образомъ продолжаться.»

Шапталь утверждалъ что онъ вовсе не зналъ объ этой піесѣ: открылось что ее разсматривалъ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ. Г. Арно, извѣстный столь выгоднымъ образомъ, былъ тогда Начальникомъ Отдѣленія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; упреки обращались нѣсколько на него. Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, его родственникъ, избавилъ его посредствомъ своего вліянія отъ небольшихъ нападковъ, возбуждаемыхъ противъ него Камбасересомъ. Первый Консулъ приказалъ осмотрѣть ливреи лакеевъ *Передней*.—«Если тутъ въ самомъ дѣлѣ есть подражаніе, то одѣть ихъ въ эти ливреи на Гревской площади и потомъ палачу изорвать оныя.»

Бонапарте хотѣлъ было излить свое негодованіе противъ Г. Дюпати, автора піесы; но заблужденіе скоро обнаружилось: піеса была со-

чинена до Консульства и ливреи оной не имѣли никакого подобiя съ Консульскою одеждою. Г. Дюпати возвратился въ Парижъ и опять прiобрѣлъ милостивое расположенiе, котораго ему никогда не слѣдовало бы лишаться.

Эту самую пiесу сыграли опять чрезъ долгое послѣ того время подъ названiемъ *Пикаро и Дiего.*

Эти два происшествiя побудили льстецовъ просить о запрещенiи многихъ изъ нашихъ образцовыхъ произведенiй;—они не хотѣли ни *Меропы,* ни *Танкреда,* ни *Тартюфа,* ни *Смерти Цесаря,* ни начальныхъ стиховъ трагедiи *Гераклiй.* Поручили нанятымъ для сего стихотворцамъ сдѣлать странныя перемѣны въ пiесахъ великихъ поэтовъ и *Гераклiй* явился на сцену изувѣченный. Не хотѣли прогнѣвить властелина, возбуждая въ публикѣ участiе къ изгнанникамъ и огорчить вновь возстановленное духовенство, позоря ханжество. Пiеса, коей представленiе Первый Консулъ наиболѣе любилъ была: *Цинна,* по причинѣ длинной и прекрасной въ ней рѣчи противъ народной власти.

Первый Консулъ бралъ съ собою въ Сен-Кантенъ государственныхъ людей, способныхъ дать ему хорошiе совѣты. Я спросилъ у него будетъ ли этотъ каналъ когда либо приведенъ къ окончанiю или онъ всегда будетъ только но-

сить одно имя канала? «Я все осмотрѣлъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и былъ подъ сводомъ. Тамъ все обрушивается потому что ничего не кончено; мнѣ даже показалось, что при этой постройкѣ не было никакого опредѣлительнаго плана. Надѣюсь, что отданныя мною приказанія прекратятъ недоумѣніе, въ которомъ находятся касательно проведенія этого канала.»

Въ началѣ 1801 года Фультонъ представилъ проэктъ свой о пароходахъ (*). Я настаивалъ, чтобы Первый Консулъ приказалъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣть его. «Вотъ еще,» возразилъ онъ, «всѣ эти выдумщики, всѣ эти изобрѣтатели проэктовъ—или плуты или мечтатели: не говори мнѣ объ этомъ.» Я замѣтилъ ему, что Фультонъ только возобновитель изобрѣтенія, уже извѣстнаго; что Франклинъ еще въ 1788 году писалъ къ одному доктору, своему пріятелю: «что на счетъ физическихъ наукъ «на ту минуту нѣтъ ничего новаго кромѣ суд«на, движимаго паровою машиною, которое хо«дитъ противъ теченія. Полагаютъ что устрое«ніе онаго можетъ быть приведено въ простѣй«шій видъ и усовершенствовано такъ, что при«несетъ всеобщую пользу;» что открытіе этой силы сдѣлано очень уже давно и что не слѣ-

(*) Видя теперь многочисленные пароходы, доставляющіе удобное сообщеніе между Европою и Америкою, можно посудить, справедливо ли было назвать попытки и опыты Фультона замыслами плута или мечтателя.

довало безъ разсмотрѣнія отвергать старинную выдумку, не приведенную еще въ исполненіе. —Онъ и слышать не хотѣлъ. Такимъ образомъ было на нѣсколько времени отложено предпріятіе, долженствовавшее имѣть столь великое вліяніе на промышленость и на систему мореплаванія. Это самое обстоятельство часто возобновляется; не должно слишкомъ недовѣрять людямъ, представляющимъ новыя изобрѣтенія; никто не принуждаетъ насильно принимать ихъ выдумки, но ничто не оправдываетъ отказъ разсмотрѣнія оныхъ.

Фультонъ уѣхалъ въ Америку и употребивъ въ пользу всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Англіи и во Франціи, онъ черезъ пять лѣтъ послѣ того построилъ въ Нью Іоркѣ первый пароходъ, коего опытъ былъ удаченъ. Мы бы могли многими годами прежде воспользоваться этимъ способомъ мореходства, принесшимъ столь много пользы промышлености.

Императоръ Павелъ I скончался въ ночи съ 24 на 25 Марта сего года. Извѣстіе о его смерти сильно огорчило Перваго Консула и, повинуясь тяжкому чувству, возбужденному въ немъ кончиною сего Государя, долженствовавшею имѣть столь большое вліяніе на его политику, —онъ тотчасъ приказалъ мнѣ послать объявленіе объ оной для напечатанія въ Монитёрѣ.

Дружественныя отношенія между Императо-

ромъ Павломъ и Наполеономъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утверждались. Бонапарте говорилъ мнѣ: «Я былъ увѣренъ, что совокупно съ Русскимъ Царемъ нанесу смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи; смерть его разрушаетъ всѣ мои замыслы.»

Система его относительно Россіи, перемѣнилась по кончинѣ Павла. Мысль о войнѣ съ этимъ Государствомъ безпрестанно ему представлялась и конечно тогда уже вкореняла въ головѣ его замыселъ роковаго похода въ Россію.

Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ поздравить ИМПЕРАТОРА Александра съ восшествіемъ на престолъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ 24 Маія. Извѣстно сколько Дюрокъ, бывшій тогда еще очень въ молодыхъ лѣтахъ, нравился Первому Консулу. Холодный, скромный, честный, осторожный, онъ никогда не безпокоилъ Наполеона своими просьбами. Онъ мало былъ расположенъ о комъ либо ходатайствовать или испрашивать для кого либо милости; но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ съ жаромъ защищалъ права всякаго, если они казались ему непризнаваемыми. Дюрокъ также съ благородствомъ и силою отвергалъ обвиненія, когда былъ убѣжденъ въ ихъ лживости. Эти нравственныя качества, соединяясь съ привлекательною наружностью и съ пріятнымъ обхожденіемъ, дѣлали его отличнымъ человѣкомъ.

Въ продолженіе 1801 года произошло пагубное учрежденіе особыхъ судилищъ (tribunaux spéciaux) не оправдываемое, ни важностью, ни опасностью обстоятельствъ. Въ этотъ же годъ возстановлена Африканская компанія, утвержденъ Люневильскій договоръ, увеличившій выгоды, пріобрѣтенныя уже Франціею отъ Кампо-Формійскаго трактата и, чрезъ посредство Луціана, заключенъ миръ между Испаніею и Португаліею. Говоря объ этомъ мирѣ, я долженъ сказать, что Португалія, желая получить Оливенцу съ принадлежащими къ оной землями, предложила подъ рукою Наполеону черезъ меня, восемь миліоновъ, если онъ будетъ содѣйствовать своею властью къ отдачѣ этого города Португаліи. Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, объявивъ что никогда не согласится продавать честь за деньги: а его обвинили будто бы онъ принялъ въ Пассеріано этого рода предложеніе, которое какъ въ ту эпоху видѣли, вовсе даже не было ему сдѣлано! Тѣ, которые обвиняли его въ такомъ лихоимствѣ, конечно мало знали непреклонность правилъ его въ этомъ отношеніи.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1801 года, однажды вечеромъ была получена въ Мальмезонѣ Англійская *Придворная Газета*, въ которой объявлялось о успѣхѣ высадки въ Египетъ арміи подъ предводительствомъ Аберкромбіи; о данномъ Англичанамъ

ми сраженіи и о смерти сего Генерала. Я тотчасъ перевелъ эту статью и представилъ ее Первому Консулу въ полномъ убѣжденіи, что эта новость очень огорчитъ его. Важность сего извѣстія, заставила его усомниться въ истинѣ онаго: покрайней мѣрѣ онъ по наружности это показалъ. Всѣ присутствовавшіе при томъ Офицеры и Адъютанты начали единогласно тоже утверждать, особенно Ланнъ, Бессіеръ и Дюрокъ. Они вѣроятно думали угодить Первому Консулу, который сказалъ мнѣ шутливымъ голосомъ: «Ты вѣрно не знаешь по Англійски; а притомъ ты всегда скорѣе готовъ вѣрить дурнымъ вѣстямъ, чѣмъ хорошимъ.» Слова сіи и одобрительная улыбка этихъ господъ меня разсердили и я съ досадою сказалъ: «Какъ, Генералъ, вы можете думать, что Англійское Правительство станетъ офиціяльно объявлять о событіи, столь важномъ и столь необычайномъ, что даже вы сами усомнились въ истинѣ онаго. Вы хотите чтобы Правительство обязанное къ себѣ уваженіемъ, рѣшилось лгать передъ Европою о такихъ вещахъ, которыхъ истина не можетъ долгое время оставаться неизвѣстною! Случилось ли хоть разъ чтобы такое важное извѣстіе, какъ это, оказалось ложнымъ, будучи объявлено въ *Придворной Газетѣ*? Что ни говорятъ эти господа, а я считаю его справедливымъ и смѣхъ ихъ, къ несчастію меня не разувѣритъ.» Послѣ

сдѣланныхъ оптимистами и льстецами еще нѣсколькихъ колкихъ замѣчаній, Первый Консулъ всталъ и сказалъ мнѣ: *Пойдемъ, Буріеннъ, пойдемъ работать.* Идучи же изъ гостиной въ библіотеку, онъ прибавилъ: «Вотъ ты какой: какъ можно сердиться за такую бездѣлицу? Боже мой! я слишкомъ вѣрю этому извѣстію, я слишкомъ его боялся; но они хотятъ сдѣлать мнѣ удовольствіе показывая видъ что въ этомъ сомнѣваются. Дай имъ волю: ты ихъ знаешь.— Если такъ, то прошу у васъ прощенія; но я думаю лучше доказать вамъ мою привязанность говоря вамъ то что я считаю за истину: вы сами приказываете ни минуты не медля докладывать вамъ дурныя вѣсти. Гораздо хуже будетъ скрывать ихъ отъ васъ.»

ГЛАВА XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбонъ и Марія-Луиза Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.—Графъ Ливорнскій въ Парижѣ. — Данныя Министрами празднества. — Изящный вкусъ Г. Талейрана. — Первый пріѣздъ Графа Ливорнскаго въ Мальмезонъ.—Разборчивая внимательность Наполеона.—Представленіе *Эдипа*.—Сужденіе Наполеона о Королѣ Этрурскомъ—Жена, вразумляющая своего мужа. —Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Перваго Консула.—Отъѣздъ Короля и Королевы во Флоренцію.— Дурной пріемъ. — Переговоры съ Папою.—Мнѣніе Бонапарте о вѣрѣ.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебенъ въ Соборѣ Богородицы.—Непріличія въ церкви. — Безвѣріе Консульскаго двора.—Отъѣзъ Ожеро.—Первая обѣдня въ Сен-Клу.—Обѣдня во внутреннихъ покояхъ. — Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ.

Прежде возложенія на чело свое двухъ царскихъ вѣнцевъ, Бонапарте счелъ полезнымъ для своей политики надѣть корону на главу Прин-

Digitized by Google

ца и даже Принца Бурбонскаго дома. Ему очень пріятно было пріучать Французовъ видѣть Королей. Послѣдствія покажутъ, что онъ давалъ скипетры также какъ и свою довѣренность, т. е. условно, будучи всегда готовъ разрушить свое собственное дѣло, когда оно становилось препоною къ исполненію его честолюбивыхъ замысловъ.

Въ Маіѣ 1801 года, Инфанта Испанская, Марія Луиза, третья дочь Карла IV и Инфанты Пармской, пріѣхала въ Парижъ. Инфантъ Лудовикъ Бурбонъ, старшій сынъ Герцога Пармскаго, отправился въ 1798 году въ Мадритъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ бракъ съ Маріею-Эмиліею, сестрою Маріи-Луизы. Но Принцъ влюбился въ сію послѣднюю. Годой благопріятствовалъ этой склонности и употребилъ всю власть свою къ устроенію этого брака. Рожденному черезъ шесть лѣтъ послѣ того сыну дали имя Короля Испанскаго— Карлъ-Лудовикъ. Франція занимала Герцогство Пармское, которое по условіямъ, подписаннымъ Луціаномъ Бонапарте, долженствовало перейти къ сей державѣ по смерти царствующаго Герцога. Франція, со своей стороны, уступала Принцу, сыну Герцога Пармскаго, Великое Герцогство Тоскану. Испанія заплатила по условію значительную сумму. Чрезъ нѣсколько времени по объявленіи сего договора Дону Лудовику и его

супругѣ, они оставили Мадритъ и поѣхали чрезъ Францію; Принцъ принялъ имя Графа Ливорнскаго. Изъ всѣхъ донесеній того времени видно, что въ продолженіе путешествія, имъ оказывалось всевозможное уваженіе. Тогда еще не предвидѣли, что семейство ихъ нѣкогда сдѣлаетъ эту же самую поѣздку но со всѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ, которыя, скрываясь въ будущемъ, долженствовали произвесть временное ниспроверженіе Дома, который въ ту эпоху давалъ Государя Тосканѣ. Помнятъ блистательныя празднества, данныя въ Парижѣ юнымъ супругамъ. Въ особенности отличался пиръ, данный Г. Талейраномъ въ Нёльи (*). Журналы того времени наполнены подробностями, которыя нынѣ не будутъ уже имѣть той же занимательности.

Всѣ согласились что на праздникѣ, данномъ 8 Іюня, царствовала та изящность, то благородство и простота, та незамѣтная во всемъ изысканность, наконецъ то согласіе въ цѣломъ, которые были видны во всемъ, что дѣлалъ Г. Талейранъ. Юному Королю были также даны прекрасные праздники Министромъ Внутрен-

(*) Прекрасный домъ, тогда имъ занимаемый, принадлежалъ въ послѣдствіи Г-жѣ Мюратъ. Нынѣ соединенные Нёльи и Виліе, составляютъ безподобное помѣстье, принадлежащее Герцогу Орлеанскому. Оно такъ украшено, что его нельзя узнать, не смотря на то что и Г-жа Мюратъ сдѣлала для онаго значительныя издержки.

нихъ Дѣлъ и Министромъ Военнымъ; этотъ послѣднiй былъ данъ въ день Маренгской битвы. Король и Королева Этрурскiе нѣсколько разъ прiѣзжали обѣдать въ Мальмезонъ. Король однажды упалъ тамъ въ обморокъ: онъ приписывалъ этотъ недугъ слабости желудка, но люди его шептали, что у него падучая болѣзнь.

При первомъ посѣщенiи, которое Графъ Ливорнскiй долженствовалъ сдѣлать Первому Консулу въ Мальмезонѣ, Наполеонъ вышелъ на минуту изъ своего кабинета. Онъ хотѣлъ посмотрѣть хорошо ли приготовлена зала для принятiя Принца. Онъ почти тотчасъ воротился назадъ и со встревоженнымъ видомъ, съ досадою сказалъ мнѣ: «Бурiеннъ, вообрази себѣ какъ они глупы? они было повѣсили на глаза Принцу картину, на которой я изображенъ указывающимъ съ высоты Альпъ на Ломбардiю и повелѣвающимъ завоевать оную. Я тотчасъ приказалъ ее снять: это было бы слишкомъ неприлично.»

Одна изъ картинъ изображала Перваго Консула лежащаго на снѣгу и спящаго на вершинѣ Альпъ предъ Маренгскою битвою.

Прiѣздъ Графа Ливорнскаго въ Парижъ придалъ славы первымъ годамъ владычества Наполеона, *который*, какъ вездѣ говорили, *жаловалъ въ Короли, а самъ не хотѣлъ быть оными.*

При представленіи Эдипа, съ восторгомъ рукоплескали извѣстному стиху Филоктета, выражающему туже мысль:

J'ai fait des Souverains, et n'ai pas voulu l'être.

Первый Консулъ, по возвращеніи изъ театра, не скрывалъ своего удовольствія: онъ думалъ видѣть въ этихъ рукоплесканіяхъ забвеніе изданной по его волѣ книжки.

Притомъже онъ не былъ равнодушенъ и къ пріему, сдѣланному публикою Государю, короованному его рукою: это было началомъ привычки видѣть изгнаный изъ Франціи санъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ замѣчалъ дѣлаемыя новому Монарху привѣтствія и былъ очень любезенъ съ этими Августѣйшими особами. Этотъ Король, столь хорошо принятый, столь хорошо угощенный, хотя онъ былъ человѣкъ очень обыкновенной,—уѣхалъ наконецъ въ Италію. Я назвалъ его обыкновеннымъ человѣкомъ не потому чтобы я могъ сдѣлать такое объ немъ заключеніе изъ моихъ съ нимъ разговоровъ; но Первый Консулъ увѣрялъ меня, что онъ очень ограниченъ, что ему тягостно взять въ руки перо, что онъ думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ; наконецъ что онъ бѣдный человѣкъ.

Однажды Первый Консулъ, проведя нѣсколько часовъ наединѣ съ двумя супругами, сказалъ мнѣ по возвращеніи домой: «Онъ мнѣ надоѣлъ;

это настоящiй автоматъ. Я ему сдѣлалъ множество вопросовъ и онъ ни на одинъ не могъ мнѣ отвѣчать; онъ казалось совѣтовался со своею женою, которая сколько могла старалась вразумлять его что слѣдуетъ отвѣчать.» Первый Консулъ прибавилъ: «Этотъ бѣдный Принцъ поѣдетъ, самъ не зная что онъ тамъ будетъ дѣлать.» Я замѣтилъ ему что жаль ввѣрять такому Государю народъ Тосканы. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Политика того требовала; а притомъ не дурно показать молодежи, невидавшей Королей, каковы они.» Принцъ оправдалъ въ Тосканѣ мнѣнiе, внушенное имъ о себѣ Первому Консулу.

Графъ Ливорнскiй былъ обязанъ природѣ и полученному имъ воспитанiю, за недостатокъ способовъ, нами въ немъ замѣченный; онъ дѣйствительно былъ сущiй ребенокъ. Первый Консулъ зналъ черезъ своихъ приближенныхъ обо всѣхъ ребячествахъ Принца, дѣлаемыхъ имъ при посѣщенiи Мальмезона; самъ онъ не видалъ ихъ, потому что всегда въ это время занимался. Я былъ свидѣтелемъ сожалѣнiя его о томъ, что молодой человѣкъ, одаренный прекраснѣйшими наружными качествами, долженствовалъ управлять страною, столь часто прославленною ея Государями. О ничтожныхъ и странныхъ ребячествахъ Графа Ливорнскаго довольно уже говорено, а потому я объ оныхъ не упоминаю. Первый Консулъ не страшился

новаго Короля для независимости Рима. Онъ часто думалъ о Цесарѣ и я помню, что онъ однажды сказалъ мнѣ: «Этотъ не перейдетъ черезъ Рубиконъ»

Первый Консулъ разсердился на тѣхъ, которые присутствовали на праздникѣ, данномъ Г-жею Монтессонъ. Какъ бывшій *другъ* дѣда Герцога Орлеанскаго и считая себя родственницею Инфанта Пармскаго, она сочла обязанностью угостить этого Принца, сдѣлавшагося Королемъ.

Дабы показать Королю Етрурскому еще болѣе уваженія, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія его въ Парижѣ, Первый Консулъ вознамѣрился дать ему для сопровожденія Французскаго Генерала и избралъ для сего зятя своего Мюрата.

Новый Король новаго Королевства имѣлъ въѣздъ во Флоренцію 12 Апрѣля 1801 года; но пріемъ, сдѣланный ему Тосканцами, вовсе не походилъ на тотъ, который ему былъ оказанъ въ Парижѣ: народъ принялъ двухъ супруговъ, какъ Государей, противъ воли данныхъ ему Франціею. Кратковременное Етрурское Королевство существовало едва шесть лѣтъ: Король умеръ 1803 года въ цвѣтѣ лѣтъ, а въ 1807-мъ, Королева была изгнана изъ своихъ владѣній, тѣмъ самымъ, который открылъ ей путь въ оныя.

Въ эту эпоху, довольно могущественная партія склоняла Наполеона прервать сношенія съ Папою и учредить Галиканскую Церковь, коей

глава былъ бы во Францiи; думали польстить его честолюбiю намекнувъ ему на этотъ новый способъ могущества, который придалъ бы ему нѣкоторое сходство съ первыми Римскими Императорами. Но его понятiя не согласовались съ этимъ замысломъ. «Я увѣренъ,» сказалъ онъ мнѣ, «что часть Францiи сдѣлалась бы Протестантскою, особенно еслибъ я сталъ благопрiятствовать этому расположенiю; но я еще тверже того убѣжденъ что большая часть останется Католическою и будетъ съ наивеличайшимъ усердiемъ и ревностью бороться противъ раскола своихъ согражданъ. Я боюсь духовныхъ распрей, раздоровъ въ семействахъ и неизбѣжныхъ волненiй. Возстановивъ вѣру, которая всегда владычествовала въ этой странѣ и которая еще и теперь царствуетъ въ сердцахъ и предоставя меньшей части людей свободу вѣроисповѣданiй, я буду въ согласiи съ народомъ и удовлетворю всѣхъ.»

Первый Консулъ, разсудивъ какъ прозорливый мужъ, что возстановленiе вѣры будетъ большимъ пособiемъ для его Правительства, занялся съ начала 1801 года Конкордатомъ съ Папою Пiемъ VII. Оный былъ подписанъ въ слѣдующемъ Iюлѣ мѣсяцѣ. Потребно было время для соглашенiя.

Кардиналъ Гонзальви прiѣхалъ въ Iюнѣ мѣсяцѣ 1801 года въ Парижъ для постановленiя

условій съ Папою. Кардиналъ Капрара и Г. де Спина находились въ посольствѣ, присланномъ Его Святѣйшествомъ. При ономъ были также искусные богословы, между коими отличался Докторъ К***; онъ служилъ въ Папской Канцеляріи. Познанія его давали ему столь большой вѣсъ надъ его сотоварищами, что дѣло не иначе шло впередъ какъ по его соизволенію. Его задобрили титлами и обѣщаніемъ денегъ; и дѣла пошли успѣшнѣе. Конкордатъ былъ подписанъ 15 Іюля 1801 года и обращенъ въ законъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 года. Уполномоченными Перваго Консула были Іосифъ Бонапарте, Крете и Аббатъ Бернье, умершій Версальскимъ Епископомъ.

Молебенъ былъ отслуженъ въ Соборѣ Свят. Богородицы въ Воскресенье 11 Апрѣля; толпа была очень многочисленна; и большая часть присутствующихъ стояла. Обрядъ былъ пышенъ и блистателенъ; но кто посмѣетъ сказать что наружное благоговѣніе зрителей соотвѣтствовало этой пышности и блеску. Развѣ не пришло еще время для этой новизны? Развѣ этотъ переходъ былъ слишкомъ внезапенъ послѣ двѣнадцати минувшихъ лѣтъ? Какъ бы то ни было, а на лицахъ и въ тѣлодвиженіяхъ великаго числа изъ присутствовавшихъ при этой церемоніи, обнаруживалось болѣе нетерпѣнія и досады, чѣмъ умиленія и набожности, приличныхъ мѣсту, гдѣ они

находились: мѣстами раздавался ропотъ, показывавшiй неудовольствiе; шепотъ, который можно даже назвать разговорами, прерывалъ иногда Божественную службу; даже употребленныя при этомъ выраженiя мало отзывались умѣренностью. Наконецъ, не знаю отъ чего, голодъ овладѣлъ многими изъ присутствовавшихъ; они безпрестанно поворачивали головы, откусывая зубами шоколатъ; и я даже видѣлъ что нѣкоторые ѣли въ церкви хлѣбъ безъ всякихъ околичностей и вовсе не обращая вниманiя на происходящее.

Консульскiй дворъ былъ вообще очень ненабоженъ и это не могло быть иначе, ибо онъ составлялся изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе содѣйствовали къ уничтоженiю вѣры во Францiи и которые, проведя жизнь свою въ походахъ, чаще входили въ церкви Италiи для того чтобы брать изъ нихъ картины, чѣмъ для того чтобы молиться. Тѣ, которые не будучи напитаны набожными понятiями, получили хорошее воспитанiе и были одарены тѣмъ здравымъ разсудкомъ, который внушаетъ намъ уважать въ другихъ вѣру, хотя нами и не раздѣляемую, —не осуждали Перваго Консула и вели себя съ приличiемъ; но на дорогѣ изъ Тюлiери къ Собору, Ланнъ и Ожеро хотѣли выйти изъ кареты, когда увидѣли что ихъ везутъ къ обѣдни и только приказъ Перваго Консула воспрепят-

ствовалъ имъ это сдѣлать. И такъ они отправились въ церковь, а на другой день, когда Бонапарте спросилъ у Ожеро, какъ ему показалась церемонія: «Прекрасною,» отвѣчалъ Генералъ, «недоставало только миліона людей, которые убиты при уничтоженіи того что мы возставляемъ.» Бонапарте очень разсердился за этотъ отвѣтъ.

Въ продолженіе переговоровъ съ Папскимъ престоломъ, Бонапарте сказалъ мнѣ однажды: «Во всѣхъ земляхъ, вѣра полезна для Правительства; ее надобно употреблять для того чтобы дѣйствовать на людей: я былъ Магометаниномъ въ Египтѣ,—я Католикъ во Франціи. Относительно Полиціи, надобно чтобы вѣра въ государствѣ находилась совершенно въ рукахъ того, который имъ управляетъ. Многіе склоняютъ меня основать Галликанскую Церковь и сдѣлаться главою оной; но эти люди не знаютъ Францію: еслибъ они знали ее, то поняли бы что большая часть ея обывателей, очень далеки отъ этого разрыва съ Римомъ. Надобно, чтобы Папа довелъ меня до крайности для того чтобы я на это рѣшился; но я не думаю чтобы это случилось.—Вы правы: вы помните, Генералъ, слова Кардинала Гонзальви: *Что Папа сдѣлаетъ все что захочетъ Первый Консулъ.* —И хорошо поступитъ; пусть онъ не думаетъ что имѣетъ дѣло со слабоумнымъ. Угадай чѣмъ

они меня прельщаютъ: безсмертiемъ души моей. Но для меня безсмертiе состоитъ въ памяти, которую я по себѣ оставлю людямъ. Эта мысль побуждаетъ къ великимъ дѣламъ: гораздо лучше было бы не жить, чѣмъ не оставить никакихъ слѣдовъ своего существованiя.»

Тогда Перваго Консула очень уговаривали исполнить всенародно обязанности, предписанныя вѣрою, ссылаясь на необходимость подать другимъ великiй примѣръ. Послѣ одного изъ этихъ разговоровъ, онъ въ заключенiе сказалъ: «Довольно и того, какъ есть; не требуйте отъ меня болѣе, вы ничего не получите: вы никогда не сдѣлаете изъ меня лицемѣра. Останемся при томъ что есть.»

Я читалъ въ сочиненiи, замѣчательномъ по многимъ отношенiямъ, что по случаю заключенiя Конкордата 15 Iюля 1801 года, Первый Консулъ, уничтоживъ Республиканскiй календарь, возстановилъ Грегорiанскiй. Это ошибка. Онъ не считалъ календарь дѣломъ вѣры. Указъ, введшiй опять въ употребленiе Грегорiанскiй календарь во Французской Имперiи, съ 11 Нивоза XIV года (1 Генваря 1806), былъ изданъ 22 Фруктидора XIII года (9 Сентября 1805), болѣе четырехъ лѣтъ послѣ Конкордата. Возстановленiе прежняго календаря не имѣло другой цѣли, кромѣ того, чтобы ввести насъ въ согласiе съ Европою въ предметѣ, столь тѣсно

связанномъ съ ежедневными сношеніями, которыя затруднялись новизною календаря декадъ.

Бонапарте наконецъ сталъ однакожс присутствовать у обѣдни и въ Сен-Клу возобновилось въ первый разъ это священнодѣйствіе прежнихъ временъ. Онъ приказалъ отслужить ее часомъ ранѣе назначеннаго времени для того, чтобы насмѣхавшіеся надъ этимъ, прибыли уже по окончаніи Божественной службы.

Когда Первому Консулу слѣдовало въ Воскресенье присутствовать у обѣдни, то ставили небольшой алтарь въ комнатѣ, находившейся подлѣ Наполеонова Кабинета. Эта комната, какъ я уже сказалъ, была молитвенною Анны Австрійской. Небольшой алтарь, который можно было выносить и помостъ съ одною ступенькою, возвратили оную прежнему ея назначенію. Въ продолженіе недѣли эта, комната служила для ванны. Въ Воскресенье отворяли въ нея дверь и Первый Консулъ, находясь въ своемъ кабинетѣ, слушалъ обѣдню. При этомъ насъ никогда не было болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ: я почти всегда видѣлъ Перваго Консула работавшимъ во время службы, продолжавшейся не болѣе двѣнадцати минутъ. А журналы наперерывъ возвѣщали, что *Первый Консулъ слушалъ обѣдню въ своихъ покояхъ*. Лудовикъ XVIII часто слушалъ оную также въ своихъ покояхъ.

19 Июля 1801 года, Папская грамата, разрѣшивъ Г. Талейрана отъ духовныхъ обѣтовъ, возвратила его къ свѣтской жизни; тогда онъ женился на Г-жѣ Грандтъ; все сдѣлалось безъ шума и безъ огласки. Одно это ужъ обстоятельство достаточно доказываетъ какъ это происшествiе было переиначено. Сказали будто бы Бонапарте, *сдѣлавшись Императоромъ* и желая возвратить нравамъ благопристойность, уничтоженную Революцiею, рѣшился прекратить соблазнъ тѣсной связи Г. Талейрана съ Г-жею Грандтъ. Будто бы онъ говорилъ о бракѣ своему Министру, и сначала тотъ отказался; но когда Государь повелѣлъ, то надобно было повиноваться. Это возстановленiе Наполеономъ благопристойности нравовъ, чрезвычайно странно. Грамата была записана въ Государственномъ Совѣтѣ не прежде какъ 19 Августа 1802.

Я окончу эту главу разсказомъ о происшествiи, непринадлежащемъ къ тому, что выше сказано, но собственно до меня касающемся: 20 Iюля 1801 года, Первый Консулъ наименовалъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ, состоящимъ по особымъ порученiямъ. Г-жа Бонапарте, по благосклонности своей заказала для меня богатый мундиръ, отчасти *идеальный*; этотъ мундиръ понравился Первому Консулу, который велѣлъ сшить себѣ такой же. Онъ

надѣвалъ его нѣсколько разъ и потомъ его оставилъ. Никогда со времени своего величія, онъ не былъ столь любезенъ и обязателенъ, какъ при этомъ случаѣ.

Digitized by Google

++

ГЛАВА XVIII.

Послѣдняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмиралъ Гантомъ.—Нерѣшительность.—ГГ. Пуссіельгъ и Доръ.—Средство угодить Наполеону.—Лесть Генерала Менпу.—Письмо его къ Бонапарте.—Египетъ, замѣняющій Антильскіе острова—Размышленія о торговлѣ. — Награды, данныя Мену.—Даву.—Причины непріязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона.—Сожалѣніе Перваго Консула о томъ что онъ ввѣрилъ Мену главное начальство—Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ.—Упрямство Гантома. — Неспособность Мену. — Французъ-Турокъ. — Обманчивыя надежды Наполеона. — Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Отсутствіе Талейрана.—Во время подписанныя предварительныя условія.

Въ послѣдній разъ, въ моихъ Запискахъ займусь я Египетскими дѣлами,—этимъ эпизодомъ жизни Наполеона, занявшимъ въ оной такъ

мало времени и такъ много мѣста. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній, Бонапарте наиважнѣйшимъ считалъ это, потому что оно распространяло славу его имени на Востокѣ. Онъ на все покушался, онъ все бы сдѣлалъ для сохраненія этой колоніи. Въ письмѣ своемъ къ Генералу Клеберу, онъ говорилъ ему: «Вы столько же какъ и я умѣете цѣнить, сколь владѣніе Египтомъ важно для Франціи. Эта Турецкая Имперія, коей со всѣхъ сторонъ угрожаетъ гибель, *скоро рушится* и выходъ изъ Египта нашихъ войскъ былъ бы тѣмъ бо́льшимъ несчастіемъ, что мы увидимъ еще въ наше время эту прекрасную страну, доставшуюся въ какія либо другія Европейскія руки.»— Но выборъ Гантома для отвезенія Клеберу пособій, не былъ удаченъ. Гантомъ привезъ Наполеона обратно изъ Египта и хотя Бонапарте былъ обязанъ за счастливое свое плаваніе единственно своимъ соображеніямъ, своему характеру и прозорливости, а онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ къ Гантому склонность, которую очень естественно питать къ тому кто раздѣлялъ съ нами опасныя обстоятельства, и кто такъ сказать имѣлъ ихъ на своей отвѣтствѣнности. Эта довѣренность, внушенная почетнымъ чувствомъ къ посредственности, не была вознаграждена. Гантомъ дурно услужилъ Наполеону своею нерѣшительностью и своимъ робкимъ плаваньемъ, какъ бы ощупью, по Средиземному Морю Бо-

напарте,—пославъ ему приказъ плыть въ Египетъ и видя что онъ не выходитъ изъ Бреста, нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: *Непостигаю что дѣлаетъ Гантомъ.*

Нерѣшительность Гантома; его увертки, прибытіе его въ Тулонъ, поздній его выходъ и обратный приходъ въ эту гавань 19 Февраля 1801 года, только за десять дней предъ тѣмъ какъ Адмиралъ Кейтъ явился предъ Александріею съ Сиромъ Аберкромбіемъ, — совершенно ниспровергли всѣ планы пособій и подкрѣпленій, которыя Первый Консулъ старался переслать въ колонію, угрожаемую близкою погибелью.

Первый Консулъ мечталъ еще въ это время, что множество Французскихъ семействъ отправится для возстановленія образованности, наукъ и искуствъ въ странѣ, бывшей нѣкогда колыбелью оныхъ. Но нельзя не сознаться, что отъѣздъ его въ 1799 году приготовилъ потерю земли сей; а смерть Клебера и выборъ Мену ему въ преемники, рѣшили оную.

Письма, полученныя Наполеономъ предъ его отъѣздомъ, единогласно возвѣщали частные бунты, угрозы вторженія и чрезвычайную нищету въ деньгахъ. Главноуправляющій финансами писалъ къ нему 25 Люля: «Казна закрыта: ничего болѣе не выдается.» Разстрѣливанья и насильственные налоги не могли уже помочь злу,

ибо всему есть конецъ и когда подсѣчешь дерево у корня, то нельзя ожидать плодовъ. Интендантъ Пуссіельгъ писалъ къ нему 6 Августа за нѣсколько времени до его отъѣзда: «Больше всего мучитъ меня то, что я не вижу никакихъ источниковъ откуда можно бы достать для арміи денегъ; никто не платитъ.» Доръ писалъ 15 Августа: «Поставщикъ мяса требуетъ уплаты за свою поставку; я могъ выдать ему очень мало денегъ; а онъ ужъ много поставилъ въ долгъ.» Вся переписка была въ этомъ смыслѣ. Самъ Главнокомандующій, имѣя нужду въ деньгахъ, писалъ 13 Августа за пятнадцать дней до своего отъѣзда, Дугѣ, Каирскому Коменданту: «Прикажите спросить всѣхъ Шейковъ, отъ чего они не платятъ податей. Если они не внесутъ ихъ къ 27 Августу, то лишатся головъ своихъ.» Все это нисколько уже не дѣйствовало; ибо противъ невозможности, даже угрозы смертью ничего не въ состояніи сдѣлать.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ угодить Первому Консулу и пріобрѣсть его благорасположеніе было то чтобы неограниченно превозносить виды его на Египетъ и содѣйствовать къ обеспеченію владѣнія онымъ. Первымъ изъ этихъ средствъ Мену пріобрѣлъ его довѣренность. Съ перваго года вступленія въ Египетъ, онъ представлялъ ему мечты свои объ Африкѣ; говорилъ ему о Неграхъ Сенегала,

Мозамбика, Мегедіе, Марабу и другихъ варварскихъ странъ, которыя вдругъ преобразуются и просвѣтятся чрезъ овладѣніе нами Египтомъ.

Вотъ любопытное письмо, которое Мену написалъ объ этомъ предметѣ Главнокомандующему:

Розетта, 5 Сентября 1798.

«Я какъ нельзя больше чувствителенъ, Генералъ, къ обязательному письму, которое вамъ угодно было ко мнѣ написать. Будьте увѣрены что я ревностно буду пользоваться всѣми случаями угодить вамъ и содѣйствовать волѣ вашей къ водворенію Французовъ въ Египтѣ. Я думаю что Египетъ долженъ замѣнить намъ Антильскіе острова, которые хоть и не совсѣмъ потеряны, но еще многіе годы, находясь въ безначаліи, будутъ для насъ безполезны. Здѣсь сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, индиго и кошениль, должны по моему мнѣнію замѣнить всѣ прочія произведенія.

«Изъ Египта вывезенъ сахарный тростникъ, распространившійся въ Архипелагѣ, а оттуда въ Сициліи, въ Испаніи, на островѣ Мадерѣ и въ Америкѣ. Вода необходима для воздѣлыванія сего тростника, также какъ для риса. Слѣдовательно здѣсь все есть для развода въ большомъ объемѣ этого драгоцѣннаго произрастенія.

«Что касается до кошенили, то стоитъ только «привезти сюда насѣкомое, оную производящее; «ибо смоковница, которымъ оно питается, ра«стетъ въ самыхъ безплодныхъ странахъ.

«Вамъ Генералъ принадлежитъ устроить за«веденія, которыя будутъ для Франціи гораздо «драгоцѣннѣе чѣмъ таковыя же, учрежденныя «на Антильскихъ островахъ. Англичане очень «это знаютъ и посему то стараются употребить «всѣ средства дабы уничтожить ваше заведеніе. «Притомъ же имъ извѣстно что Чермное Море, «въ которомъ теперь они одни производятъ тор«говлю, непремѣнно сдѣлается нашею собствен«ностью; что оттуда до Индіи разстояніе не «слишкомъ велико; что торговля восточнаго бе«рега Африки, Мегедіе, Марабу, Мозамбика, мо«жетъ нѣкогда достаться въ наши руки; что га«вани Адерскаго берега и земель, зависящихъ «отъ Абиссиніи, будутъ непремѣнно нами посѣ«щаемы; что мы можемъ завести сношенія со «внутренностью Африки посредствомъ карава«новъ и можетъ быть найти средство къ соеди«ненію Нила съ Нигромъ въ Сенегаліи. Знаю «что все это еще отдаленно; но въ управленіи «должно заблаговременно видѣть впередъ и Ан«гличане, у которыхъ нельзя отнять того, что «они очень прозорливы, чрезвычайно дѣятельны «и имѣютъ много общественнаго ума,—видя что «они не могутъ и что не въ состояніи будутъ

«ничего прямо противъ насъ сдѣлать, потому «что мы можемъ долго оставаться въ Египтѣ «безъ посторонней помощи, — употребятъ всѣ «средства чтобы вредить намъ и вооружать про«тивъ насъ враговъ въ Азіи, въ Константинопо«лѣ и въ Варваріи. Вамъ же принадлежитъ Ге«нералъ, и противъ всего этого взять мѣры. «Извините мнѣ мое болтовство, но имѣйте въ «виду одни только мои намѣренія, а въ особен«ности мнѣніе человѣка, страстнаго привержен«ца Египетскаго похода и который, для содѣй«ствія оному, готовъ дѣлать все, что вы ему «прикажете.

«Дать новую жизнь и возстановить во всемъ «блескѣ страну Сезострисовъ, Фараоновъ и Пто«ломеевъ, основать самую блистательную тор«говлю въ мірѣ, разрушить бо́льшую часть тор«говли Англичанъ посредствомъ заведенія нашихъ «колоній въ Египтѣ — есть самая превосходная «судьбина, предоставленная человѣку: дѣлать «добро моя страсть; это можетъ быть второй «томъ Аббата Сен-Пьера, но я пишу къ Бона«парте, а ему одному принадлежитъ составлять «счастіе народовъ послѣ ихъ покоренія.»

Такими плоскостями до всего можно достигнуть; но надобно же дать долю и человѣческой слабости. Этому то ласкательству должно приписать благопріятный пріемъ, сдѣланный Первымъ Консуломъ Мену, даже по

возвращеніи его изъ Египта, который онъ чрезъ свою неспособность предалъ Англичанамъ. Первый Консулъ назначилъ его Губернаторомъ въ Піемонтъ. По просьбѣ моей, онъ далъ старшему моему брату мѣсто Генералъ-Комисара Полиціи въ этой землѣ. Я долженъ сознаться, что Первый Консулъ имѣлъ основательныя причины лишить его этого знака благорасположенія, который онъ употребилъ во зло.

Такимъ же образомъ льстя замысламъ Перваго Консула на счетъ Востока, Даву, по возвращеніи своемъ изъ Египта въ 1800 году, послѣ Эль-Аришскаго договора, вошелъ къ нему въ милость и если не заслужилъ, то покрайней мѣрѣ пріобрѣлъ его благорасположеніе; ибо въ эту эпоху Даву не имѣлъ еще никакихъ правъ на полученное имъ быстрое возвышеніе. Онъ безъ всякихъ постепенностей былъ сдѣланъ главнымъ Начальникомъ Гренадеровъ Консульской Гвардіи. Съ этого дня началась ненависть, которую питалъ ко мнѣ Даву: удивленный продолжительнымъ разговоромъ съ нимъ Наполеона, я сказалъ тотчасъ по его уходѣ Первому Консулу: «Какъ вы могли такъ долго пробыть съ человѣкомъ, котораго вы сами всегда называли скотиною? — *Я не зналъ его; онъ гораздо больше стóитъ, чѣмъ какова объ немъ идетъ молва; ты самъ перемѣнишь объ немъ мнѣніе.*—Очень бы желалъ.» Первый

Консулъ,—какъ читателямъ уже извѣстно, очень нескромный,—поспѣшилъ пересказать Даву мое объ немъ мнѣніе. Ненависть его ко мнѣ угасла не прежде какъ съ его жизнью. Я буду еще нѣсколько разъ говорить въ обстоятельствахъ замѣчательныхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ объ этомъ человѣкѣ, который, безъ всякихъ знаменитыхъ подвиговъ, безъ всякихъ правъ, вдругъ попалъ въ величайшую милость.

Первый Консулъ не забывалъ о своемъ любимомъ завоеваніи: оно было предметомъ его помышленій. Въ концѣ этого года вышли наконецъ изъ Бреста шесть кораблей и четыре фрегата, избранные изъ тѣхъ, которые были въ состояніи выйти въ море, какихъ у насъ не много уже имѣлось.

Всѣ обстоятельства при выходѣ этой эскадры казалось предвѣщали дурной успѣхъ экспедиціи. Ужасная буря встрѣтила ее при выходѣ изъ Брестскаго порта и надобно было въ морѣ исправлять многія поврежденія. Разсѣянная эскадра собралась у мыса Финистера, прошла проливъ и приблизилась не подвергшись никакой опасности къ окрестностямъ мыса Бона; но по непостижимымъ причинамъ, которыхъ и въ послѣдствіи не могли открыть,—мы узнали, что эскадра воротилась назадъ и вошла въ Тулонъ вмѣсто того, чтобы итти къ городу Александріи. Самыя пустыя отговорки были приведены

въ оправданіе этого непостижимаго поведенія. Говорили о превосходныхъ силахъ Англичанъ между Мальтою и Африкою, объ опасеніи, что невозможно будетъ выйти изъ Александрійской гавани, (въ которую нельзя войти); подъ предлогомъ причиненныхъ кораблямъ бурею небольшихъ поврежденій, привели ихъ обратно въ Тулонъ. Въ досадѣ и гнѣвѣ, Первый Консулъ приказалъ немедленно выйти опять въ море и потребовалъ вѣрнаго отчета о причинахъ, заставившихъ Гантома воротиться назадъ. Первому Консулу представили вышеупомянутыя жалкія причины. Хотя оныя и были совершенно опровергнуты, но упрямый Гантомъ, вопреки замѣчаніямъ и неудовольствію Перваго Консула, съ непонятнымъ упорствомъ отказался выйти опять въ море. По неволѣ пришлось думать о другихъ средствахъ къ спасенію Египта.

Первый Консулъ сдѣлалъ при этомъ второмъ предпріятіи, ощутительное улучшеніе, которое могло быть объяснено только его прозорливостью и живѣйшимъ его желаніемъ спасти колонію. Онъ приказалъ размѣстить на каждый изъ четырехъ кораблей и изъ четырехъ фрегатовъ, долженствовавшихъ, подъ начальствомъ Адмирала Брюйеса выйти изъ Рошфора съ тѣми, которые пришли изъ Лоріана, и итти разбудить заснувшаго въ Тулонѣ Гантома,—вся-

каго оружія людей, и всякаго рода снаряды. Эта предосторожность имѣла ту цѣль, что еслибъ дошло до мѣста хоть одно, два или три судна, то Египетъ получилъ бы всего помаленьку; а когда ничего нѣтъ то и это много.

Еслибъ Брюйесъ могъ присоединиться къ Гантому въ Тулонѣ, то тамъ собралось бы девятнадцать военныхъ судовъ, которыя могли перевезти въ Египетъ около 7500 человѣкъ и бо́льшую часть тѣхъ предметовъ, коимъ Бонапарте составилъ выше помѣщенный списокъ. Но все воспротивилось его отплытію: время года, вѣтръ, недѣятельность начальства и проч. Замедленіе сего выхода въ море, сдѣлало оный безполезнымъ; Французы вышли уже изъ Египта, какъ читатели тотчасъ увидятъ.

Первый Консулъ раскаивался нѣсколько въ томъ что онъ утвердилъ за Мену начальство, которое сей послѣдній принялъ на себя съ начала только по старшинству, послѣ злодѣянія Солеймана Гелеби; но онъ вознегодовалъ узнавъ въ послѣдствіи беспечность Мену и страсть его къ преобразованіямъ, которая заставляла его все перемѣнять, все уничтожать не созидая ничего путнаго и болѣе думать о сношеніяхъ съ Готентотами и съ областью Конго, чѣмъ о средствахъ къ сохраненію завоеванныхъ земель. Его жалкія мѣры обороны, совершенно безполезныя по ихъ недостаточному соглашенію, по-

казались Первому Консулу высшею степенью невѣжества. Забывъ всѣ правила стратегіи, коихъ Бонапарте давалъ ему такъ много примѣровъ, онъ послалъ противъ высадки Аберкромбія отдѣльные отряды, которые не выдержали встрѣчи съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ, пославъ противъ Аберкромбія всѣ бывшія у него въ распоряженіи войска,—онъ могъ бы уничтожить Англійскую армію.

Великое удивленіе Мену къ Египетскому походу, сильная привязанность его къ этой землѣ, которой онъ странно принялъ вѣру назвавшись Абд-Аллою; усилія, которыя онъ, по мѣрѣ своихъ способностей, дѣлалъ къ сохраненію этой колоніи, восторгъ и совершенная преданность Наполеону, и лестныя, успокоительныя извѣстія, сообщаемыя имъ объ арміи, ослѣпили сначала Перваго Консула на счетъ неспособности Мену, котораго однакоже онъ хорошо зналъ; только это одно можетъ объяснить оказанное ему Наполеономъ предпочтеніе. Но я очень далекъ отъ того чтобы согласиться, какъ столь многіе твердили, будто бы эта колонія потеряна Франціею въ ту самую минуту, когда все наиболѣе содѣйствовало къ ея сохраненію. Приведенные мною отрывки изъ писемъ и частная переписка, перехваченная и обнародованная—явно опровергаютъ это мнѣніе. Представьте себѣ маленькую армію, теряющую съ каждымъ днемъ

свои силы чрезъ сраженiя, климатъ и болѣзни, безъ помощи, безъ подкрѣпленiй и почти въ невозможности получить оныя; разбросанную по обширной странѣ, посреди непокорнаго народа, коего вѣра возбуждала политическую ненависть и вы убѣдитесь, что ничто не содѣйствовало къ сохраненiю этого дорогаго завоеванiя и ничто не подавало надеждъ что оное можно будетъ удержать.

Не побоялись напечатать, что эта несчастная Египетская армiя, *лишась надежды возвратиться въ Европу, потеряла къ тому и желанiе.* Это одна изъ самыхъ грубыхъ лжей противъ исторiи, которую можно было сдѣлать. Пусть спросятъ всѣхъ существующихъ еще участниковъ этого похода и не найдется ни одного, который бы не отвѣчалъ: *Вамъ хорошо теперь это говорить.* Пусть вспомнятъ письмо, которое Дезе писалъ ко мнѣ по прибытiи въ Тулонъ и то, которое получилъ отъ него Бонапарте.

Высокiя свѣдѣнiя, великая способность и совершенное знанiе воинскаго искуства завоевали Египетъ;—глупость, ограниченность и неспособность потеряли его. Что осталось изъ этого достопамятнаго похода? Уничтоженiе одной изъ превосходнѣйшихъ нашихъ армiй, потеря нашихъ лучшихъ Генераловъ, истребленiе нашего Флота, Мальта и владычество Англичанъ въ

Средиземномъ морѣ. А что остается отъ онаго теперь? Ученое сочиненіе. Болтовня и сказки Геродота и бредни добраго Роллена, стоили гораздо меньше а были ничуть не хуже.

Нѣсколько времени уже Первый Консулъ опасался долженствовавшей скоро произойти отдачи Египта: послѣднія извѣстія, имъ полученныя были мало благопріятны и возбуждали предчувствіе о близкой бѣдѣ. Онъ объявлялъ народу противное, но истина тѣмъ не менѣе существовала. Въ это время очень важно было, чтобы извѣстіе о выходѣ нашихъ войскъ изъ Египта не пришло въ Англію прежде подписанія предварительныхъ условій, заключеніемъ коихъ Г. Отто занимался съ такою же дѣятельностью какъ и съ искуствомъ. Мы выставляли великимъ пожертвованіемъ отдачу этого завоеванія; но это пожертвованіе уничтожалось, еслибъ извѣстіе о происшедшемъ въ концѣ Августа, пришло въ Лондонъ прежде подписанія предварительныхъ условій, т. е. прежде 1 Октября. Первый Консулъ самъ отвѣчалъ на послѣднюю депешу Г. Отто, содержавшую въ себѣ копію съ предварительныхъ условій, въ томъ видѣ какъ соглашалось на оныя Англійское Министерство. Ни эта депеша, ни отвѣтъ на оную, не были сообщены Г. Талейрану, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Сношеній. Первый Консулъ, увѣренный въ великомъ искуствѣ и знаніи сего

Министра, никогда ничего не оканчивалъ въ дипломатіи не посовѣтовавшись съ нимъ—и онъ былъ правъ. Но въ этомъ случаѣ, я замѣтилъ ему что по случаю нахожденія Г. Талейрана для здоровья на Бурбонъ-д'Аршамботскихъ водахъ,—пройдетъ четыре дня пока получится его отвѣтъ и что это замедленіе можетъ дать совершенно другой видъ дѣлу. Я съ жаромъ напомнилъ ему что Египетъ близокъ къ паденію. Онъ согласился на мое мнѣніе и могу сказать что очень хорошо сдѣлалъ, ибо извѣстіе о принужденномъ выходѣ нашихъ войскъ изъ Египта, пришло въ Лондонъ на другой день по подписаніи предварительныхъ условій. Г. Отто написалъ къ Первому Консулу, что Лордъ Гакесбёри, объявивъ ему объ отдачѣ Египта, сказалъ что онъ очень радъ тому что все кончено, ибо ему невозможно было бы, по полученіи этой вѣсти договариваться на тѣхъ же основаніяхъ. Дѣйствительно мы, *въ Парижѣ*, соглашались на добровольный выходъ изъ Египта, что имѣло нѣкоторую цѣну для Англіи; а между тѣмъ Египетъ былъ уже очищенъ по договору, *на мѣстѣ* заключенному. 30 Августа 1801 года войска наши окончательно очистили Египетъ, коего завоеваніе, столь дорого стоившее, сдѣлалось чрезъ это для насъ безполезнымъ или лучше сказать, тяжкимъ.

++

ГЛАВА XIX.

Самая достославная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытные помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная. — Бонапарте и Англійскіе журналы.—Ненависть Перваго Консула къ свободѣ тисненія. — Жалобы Британскому Правительству на Англійскіе журналы.—Пельтье и журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu).—Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу. —Равнодушіе Англійскихъ Министровъ къ журнальной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безполезное осужденіе.—Генералъ Леклеркъ.—Сен-Домингская экспедиція. —Тщетная попытка противъ независимости Негровъ. — Туссенъ-Лувертюръ.—Смерть его.—Ложные слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Генерала Рошамбо.

Эпоха Аміенскаго мира должна быть считаема самою достославною эпохою для Франціи. Не исключаю изъ сего, ни временъ побѣдъ Лудовика XIV, ни блистательнѣйшихъ годовъ Имперіи.

Консульская слава была чиста въ эту эпоху; она имѣла въ виду однѣ только лестныя надежды; между тѣмъ какъ глаза, хоть не много привыкшіе видѣть внутренность дѣлъ, могли легко усматривать великія бѣдствія подъ лаврами Имперіи.

Предложенія, сдѣланныя Первымъ Консуломъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть мира, доказывали что онъ дѣйствительно желалъ онаго. Онъ чувствовалъ, что свершивъ въ самомъ началѣ своего управленія столь желаемое дѣло, онъ тѣмъ пріобрѣтетъ любовь и признательность Французовъ. Не нужно инаго доказательства его чувствъ, кромѣ сдѣланнаго имъ какъ сказано предложенія отдать Египетъ Султану и возвратить всѣ гавани Венеціянскаго залива и Средиземнаго моря тѣмъ Державамъ, которымъ оныя принадлежали; отдать обратно Мальту Ордену; и даже срыть укрѣпленія, если Англія сочтетъ это полезнымъ для своихъ выгодъ. Въ Индіи у нея оставался Цейланъ; а себѣ просилъ онъ мысъ Доброй Надежды и все то, что Англичане взяли въ Западной Индіи.

Англія, рѣшившаяся удержать Мальту, свой второй Гибральтаръ въ Средиземномъ Морѣ и Мысъ Доброй Надежды, свой каравансарай Индіи, оказала сговорчивость касательно перваго острова, объявивъ что можно будетъ устроить это такъ чтобы сдѣлать оный независимымъ отъ

Беликобританіи и Франціи; но мы навѣрное знали, что это одна только приманка; что какъ бы это ни было устроено, а Англія удержитъ у себя Мальту, ибо морская Держава не отдастъ островъ повелѣвающій Средиземнымъ Моремъ. Не упоминаю о переговорахъ касательно Американскихъ острововъ; острова сіи, по моему мнѣнію, не слишкомъ для насъ важны; они стоятъ намъ дороже того что приносятъ; и отойдутъ отъ насъ, подобно какъ по прошествіи извѣстнаго времени все то, что называется колоніями, отойдетъ отъ державъ, ими владѣющихъ. Наша колоніяльная система нелѣпа: она заставляетъ насъ платить за колоніяльныя произведенія почти вдвое противъ того что за нихъ платятъ наши сосѣды.

Когда Лордъ Гакесбёри согласился очистить Мальту съ тѣмъ условіемъ, что она будетъ независима отъ Франціи и отъ Велокобританіи, то онъ вовсе непомышлялъ объ исполненіи сего уговора; онъ очень мало заботился о Правительствѣ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и ему бы слѣдовало внизу своей ноты сдѣлать приписку: *Мы удержимъ Мальту вопреки вамъ.* Я не переставалъ твердить Наполеону что, на мѣстѣ Англичанъ, онъ также бы сдѣлалъ и рѣшительно предсказалъ ему что этотъ островъ будетъ главною причиною разрыва мира. Онъ думалъ также какъ и я; но на ту минуту главное

дѣло состояло въ томъ чтобы заключить миръ и въ этомъ отношеніи, я отъ чистаго сердца съ нимъ соглашался. Ниже увидятъ что война возникла съ сего острова; что Англичане, стѣсненные въ своихъ обстоятельствахъ и доведенные до необходимости отдать островъ, на основаніи предварительныхъ условій, станутъ уклоняться, крючкотворствовать и наконецъ потребуютъ чтобы Мальта была отдана подъ покровительство Короля Неаполитанскаго, т. е. подъ покровительство Державы; состоящей въ полной у нея зависимости и которой она—какъ будто своей области,—насылала повелѣнія; это по правдѣ сказать, была слишкомъ ѣдкая насмѣшка.

Теперь я долженъ заняться ссорою Перваго Консула съ Англійскими журналами и представить новое доказательство *любви* его къ свободѣ тисненія. Однакожъ свобода тисненія однажды доставила ему живѣйшее удовольствіе. Всѣ Англійскіе журналы провозгласили радостные восторги, обнаруженные въ Лондонѣ по случаю пріѣзда Генерала Лористона, который привезъ туда на утвержденіе предварительныя условія. Всякой помнитъ чувства, возбужденныя во Франціи этимъ прекращеніемъ непріязненныхъ дѣйствій: торговля, которая существуетъ только въ мирѣ, пробудилась; надежда близкаго и всеобщаго мира, повсюду распространила веселіе.

Первый Консулъ всегда былъ открытымъ

врагомъ свободы тисненія и держалъ всѣ журналы въ желѣзныхъ рукахъ. Онъ часто при мнѣ говаривалъ: *Если я сниму съ нихъ узду, то три мѣсяца не удержу у себя власти.* Онъ имѣлъ это же мнѣніе касательно всѣхъ общественныхъ правъ. Молчаніе, налагаемое имъ на Францію, хотѣлъ онъ распространить и на Англію, но не могъ. Онъ былъ раздраженъ бранью, которою осыпали его Англійскіе журналы и сатиры, а въ особенности журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu), издаваемый Пельтье, который былъ въ Парижѣ редакторомъ *Дѣяній Апостоловъ. Двусмысленный* былъ безпрестанно наполняемъ самыми жестокими нападками на Перваго Консула и на Французскій народъ вообще, что конечно дѣлало большую честь Французу, издателю онаго. Бонапарте никогда не могъ привыкнуть, подобно какъ привыкли Англичане, презирать журнальныя обиды; онъ отвѣтствовалъ рѣзкими статьями, помѣщаемыми въ *Монитёрѣ* и поручилъ Г-ну Отто подать офиціяльную ноту противъ этой системы клеветы и ругательствъ, которую онъ полагалъ дозволяемою Англійскимъ Правительствомъ. Кромѣ сего офиціяльнаго дѣйствія, онъ лично обратился къ Г. Аддингтону, Канцлеру Казначейства, прося его поддержать это, сдѣланное имъ требованіе и постараться принять законныя мѣры противъ вольности сочиненій, на которыя онъ жа-

ловался. Дабы не пропустить время къ удовлетворенію ненависти своей противъ свободы книгопечатанія, онъ избралъ для сего самую минуту подписанія предварительныхъ условій.

Г. Аддингтонъ отвѣчалъ Первому Консулу, собственноручно, длиннымъ письмомъ, которое я ему перевелъ. Англійскій Министръ сильно опровергалъ всѣ доводы Наполеона противъ свободы тисненія; онъ соглашался въ томъ что употребленіе оной во зло дѣлалось иногда бичемъ: но Англійская Конституція предоставляла всякому свободу писать что угодно на собственный страхъ и отвѣтственность. Преступленіе, сдѣланное сатирою, въ Англіи наказывается точно также какъ и всякое другое преступленіе или злодѣйство, инымъ образомъ свершенное. Г. Аддингтонъ сознавался, что этого рода преступленія избѣгали иногда строгости законовъ; но помочь этому нѣтъ средствъ и трудно найти ихъ,—говорилъ онъ;—ибо невозможно коснуться свободы тисненія, которая существуетъ въ нашихъ нравахъ.—Г. Аддингтонъ объявлялъ, что ни одинъ Министръ не посмѣетъ завести объ этомъ предметѣ рѣчь въ Парламентѣ, и что никто не сочтетъ себя для этого довольно сильнымъ; ибо эта свобода слишкомъ дорога Англичанамъ. Далѣе онъ замѣтилъ Первому Консулу, что хоть онъ и чужестранецъ, а имѣетъ полное право принесть жалобу свою въ судъ, но

что ему слѣдуетъ ожидать перепечатанія въ тяжебномъ дѣлѣ всѣхъ соблазнительныхъ статей, на которыя онъ жаловался.

Онъ убѣждалъ его предать глубочайшему презрѣнію всѣ эти дрязги не обращая на нихъ, подобно ему и многимъ другимъ, нималѣйшаго вниманія. — Могу похвалиться тѣмъ что я нѣсколько содѣйствовалъ къ предупрежденію этой соблазнительной тяжбы.

На ту минуту дѣло такъ и осталось; но послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ приказалъ позвать предъ судъ Пельтье, редактора *Двуслысленнаго*, издаваемаго съ прежнею необузданностью. Пельтье имѣлъ защитникомъ знаменитаго Макинтоша, который какъ разсказываютъ, обнаружилъ при произведеніи дѣла, величайшее краснорѣчіе. Не смотря на то Пельтье былъ обвиненъ. Это осужденіе, сочтенное въ общемъ мнѣніи торжествомъ, не было приведено въ исполненіе, ибо вскорѣ произошелъ разрывъ между двумя землями. Прискорбно думать, что эта чрезмѣрная наклонность къ брани Англійскихъ журналовъ и сатиръ, содѣйствовала конечно столькоже, а можетъ быть и болѣе чѣмъ великія политическія выгоды, къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій. Многія вещи показались бы очень удивительными, еслибъ всегда можно было видѣть ихъ изнанку.

Я упомянулъ прежде о разрывѣ Аміенскаго

договора для того, чтобы не раздѣлять того, что мнѣ нужно было сказать о ненависти Бонапарте къ свободѣ тисненія; возвращаюсь къ концу 1801 года,—эпохѣ Сен-Домингской экспедиціи.

Продиктовавъ мнѣ почти цѣлую ночь наставленія для этой экспедиціи, Первый Консулъ кликнулъ Генерала Леклерка и сказалъ ему при мнѣ: «Вотъ тебѣ инструкціи и прекрасный случай обогатиться. Поѣзжай и не докучай мнѣ больше безпрестанными требованіями денегъ.» Дружба Наполеона къ сестрѣ его Полинѣ, очень содѣйствовала къ избранію имъ этого *славнаго способа обогатить ея мужа.*

Экспедиція вышла изъ портовъ Франціи 14 Декабря 1801 года; она прибыла къ Мысу 1 Февраля 1802. Пагубныя послѣдствія оной извѣстны, но люди никогда не исцѣлятся отъ охоты къ такимъ нелѣпымъ предпріятіямъ.

Данныя Леклерку наставленія все предвидѣли; но тяжко было видѣть, что выборъ одного изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ неспособныхъ Генераловъ арміи не оставлялъ никакой надежды на успѣхъ предпріятія. Должно полагать, что никакая другая причина не содѣйствовала къ преклоненію Перваго Консула, кромѣ желанія избавиться отъ зятя, чрезвычайно ему не нравившагося, доставя ему съ тѣмъ вмѣстѣ средство къ обогащенію. Первому Консулу, не

очень расположенному къ этой экспедиціи, можетъ быть слѣдовало бы болѣе подумать о трудности покушенія, силою покорить эту колонію. Доводы противъ этой экспедиціи, часто мною повторяемые, его колебали; онъ одобрялъ ихъ: но непостижимая власть, которую имѣли надъ нимъ члены его семейства, продолжала господствовать.

Это предпріятіе, задуманное внезапно, въ минуту досады, и основанное на невѣрныхъ, обманчивыхъ предположеніяхъ, — показалось мнѣ великою ошибкою; никто въ то время не заключалъ объ ономъ благопріятно; можно было держать сто противъ одного, что развязка онаго будетъ пагубна и фортуна въ этотъ разъ, совершенно оставила Наполеона; ибо эта экспедиція, неблагоразумно предпринятая, стоила намъ прекрасной арміи и большихъ сокровищъ; она навлекла ему упреки тѣхъ современниковъ, которые не все хвалятъ; и по счастію такіе еще существуютъ. Она не избѣгнетъ упрековъ потомства, если оно этимъ займется.—На первые расходы для этого предпріятія употребили деньги, принадлежавшія казнѣ морскихъ инвалидовъ. Это грабительство не принесло счастія. Черезъ долгое время послѣ этой попытки, наконецъ продали колонію за нѣкоторую сумму Неграмъ; и очень хорошо

бы сдѣлали, еслибъ они заплатили; но этому не бывать.

Сен-Доминговская экспедиція есть одна изъ большихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Наполеономъ; всѣ тѣ, съ которыми онъ совѣтовался, отклоняли его отъ оной. Онъ счелъ нужнымъ оправдаться гласомъ историковъ своихъ острова Св. Элены; но успѣлъ ли онъ въ томъ, сказавъ имъ, что *онъ былъ принужденъ уступить мнѣнію своего Государственнаго Совѣта?* Такой ли онъ былъ человѣкъ, чтобы предлагать вопросъ о войнѣ разсужденію Государственнаго Совѣта и покоряться политикѣ какого либо совѣта.

Бонапарте продиктовалъ мнѣ къ Туссену письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему самыя почетныя вещи и дѣлалъ ему самыя пышныя обѣщанія: ему посылали обратно двухъ его сыновей, воспитывавшихся въ Парижѣ; ему предлагали званіе Вице-Губернатора; онъ долженъ былъ содѣйствовать распоряженіямъ къ подчиненію Сен-Доминга Франціи. Туссенъ, страшась быть обманутымъ Французами и, вѣроятно движимый честолюбивыми причинами, рѣшился воевать, показавъ сначала склонность къ соглашенію. Туссенъ обнаружилъ довольно искуства; но прежде чѣмъ климатъ, опустошительныя его дѣйствія и время, уменьшили Французскую армію,—Туссенъ не въ состояніи былъ устоять противъ войска свѣжаго, много-

численнаго и знающаго ратное дѣло. Онъ сдался на договоръ и удалился въ селеніе, изъ котораго не могъ выѣзжать безъ дозволенія Леклерка. Мнимый умыселъ заговора со стороны Черныхъ, подалъ поводъ къ обвиненію Туссена; онъ былъ взятъ и отосланъ во Францію.

По привезеніи его въ Парижъ, въ первыхъ числахъ Августа, его предварительно посадили въ Тампль, а потомъ заключили въ замокъ Жу. Плѣнъ его былъ очень суровъ и ему мало оказывали облегченій. Такое содержаніе, помыслы о прошедшемъ, разлученіе со свѣтомъ, лата его и новый для него климатъ, ускорили смерть его, происшедшую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи его во Францію. Распространенные слухи о неестественной смерти, причиненной будто бы ядомъ, не нашли себѣ вѣры; я долженъ сказать, что Туссенъ писалъ къ Первому Консулу; но я никогда не видалъ приписанныхъ Туссену выраженій: *Первый человѣкъ изъ Черныхъ, къ первому человѣку изъ Бѣлыхъ.* Бонапарте признавалъ въ немъ энергію, храбрость и большое искуство. Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ бы увидѣлъ, еслибъ сношенія съ островомъ Сен-Доминго кончились инымъ образомъ, а не похищеніемъ и ссылкою.

Можетъ быть другой, будучи на мѣстѣ Леклерка, успѣлъ бы склонить Туссена къ соглашенію истинныхъ выгодъ колоніи и правъ человѣче-

ства съ требованіями Франціи, которыя время и обстоятельства сдѣлали умѣренными. Сен-Домингу скорѣе былъ нуженъ примиритель, чѣмъ завоеватель. Леклеркъ сначала предпочелъ было переговоры, но скоро перемѣнилъ свою систему: желтая лихорадка, похитившая Леклерка, погубила въ арміи много людей; побѣги до чрезвычайности усилились. Рошамбо заступилъ мѣсто Леклерка по старшинству, также какъ Мену послѣ Клебера. Мену потерялъ Египетъ чрезъ свое неискуство и чрезъ свои восточныя дурачества; а Рошамбо лишился колоніи чрезъ суровость своего характера. Начальствуя доведенною до совершеннаго ничтожества арміею, онъ хотѣлъ посредствомъ насилія, могущаго быть названнымъ даже безуміемъ, покорить взбунтовавшихся Негровъ, которыхъ можно было привести къ повиновенію, развѣ одною только кротостью. Рошамбо сдался въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года Англійской эскадрѣ. Такъ кончилась эта роковая экспедиція, положившая конецъ притязаніямъ покорить силою землю, которая завоевала себѣ независимость. Не въ состояніи будучи оную у нея исторгнуть, ей продали оную. Но заплатитъ ли она? Я уже отвѣчалъ что нѣтъ.

ГЛАВА XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортензіи.—Тайное свершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго Консула къ обрядамъ вѣры.—Предпочтеніе къ Дюроку.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ.—Происки Іозефины.—Рѣшеніе Наполеона въ пользу Дюрока.—Перемѣна положенія.—Утѣшеніе Дюрока.—Новая ошибка острова Св. Елены.—Тюлерійскій кабинетъ и будуаръ.—Ложь и явное опроверженіе.—Могущество клеветы.

Бонапарте часто чувствовалъ сильныя боли и я теперь не сомнѣваюсь, судя по свойству его страданій, что онѣ тогда уже были произведены зародышемъ недуга, отъ котораго онъ умеръ на островѣ Св. Елены. Боль, на которую онъ всегда жаловался, наиболѣе мучила его въ

ту ночь, когда онъ диктовалъ мнѣ наставленія Генералу Леклерку; я очень поздо проводилъ его въ спальню; мы только что выпили по чашкѣ шоколату, который мы пили всякой разъ когда работа наша продолжалась за часъ по полуночи. Онъ всегда безъ огня отправлялся вверхъ въ свою спальню. Я держалъ его подъ руку: едва миновали мы маленькую лѣстницу, которая вела въ коридоръ, какъ его сильно толкнулъ человѣкъ, бѣгущій опрометью къ лѣстницѣ. Первый Консулъ не упалъ потому что я поддержалъ его. Пришедъ въ спальню, мы нашли Іозефину проснувшуюся: она слышала шумъ и очень перепугалась. По произведенію немедленнаго изслѣдованія открылось что это былъ просто человѣкъ, бѣжавшій съ любовнаго свиданія и который по глупости, запоздалъ уйти. Часовой, стоящій у дверей спальни, объявилъ, что какъ этотъ человѣкъ бѣжалъ изъ комнаты, обратясь къ ней спиною (что и не могло быть иначе), то онъ счелъ его за служителя, который торопился куда нибудь по своей должности. Можно себѣ представить, что это свиданіе болѣе уже не происходило, покрайней мѣрѣ въ Мальмезонѣ; не сочли нужнымъ взять другой предосторожности кромѣ того что получше освѣтили коридоръ и тѣмъ эти ночныя посѣщенія прекратились.

7 Генваря 1802 года, наканунѣ отъѣзда на Консульту въ Ліонъ, свершился бракъ дѣвицы Гортензіи съ Лудовикомъ Бонапарте. Какъ въ эту эпоху не былъ еще возобновленъ обычай соединять съ гражданскимъ договоромъ духовный обрядъ,—то бракосочетаніе было свершено священникомъ въ маленькомъ домикѣ улицы Побѣды. Бонапарте также приказалъ освятить духовнымъ обрядомъ бракъ Каролины, заключенный за два года предъ тѣмъ только въ присутствіи Мера. Самъ онъ не послѣдовалъ этому примѣру, по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Имѣлъ ли онъ уже тогда мысль о разводѣ, который сдѣлался бы затруднительнѣе при утвержденіи брака духовнымъ обрядомъ? или это было слѣдствіемъ равнодушія къ самому себѣ, котораго онъ не имѣлъ къ другимъ? это конечно не могло быть опасеніе что его обвинятъ въ слабости, когда онъ возобновлялъ этотъ старинный обрядъ для сестры своей и падчерицы; немногія слова, мною тогда отъ него слышанныя, доказали, что онъ въ этомъ отношеніи былъ совершенно равнодушенъ.

Наполеонъ, говоря на островѣ Св. Элены о Лудовикѣ и о Гортензіи, сказалъ: «Вступая въ бракъ они любили другъ друга. Они сами этого желали. Впрочемъ этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины, которая находила въ немъ свои выгоды.»—Постараюсь предста-

вить въ настоящемъ видѣ обстоятельства, нѣсколько переиначенныя.

Лудовикъ и Гортензія вовсе не любили другъ друга; это достовѣрно. Первый Консулъ очень хорошо это зналъ, равно какъ и сильную склонность Гортензіи къ Дюроку, который не платилъ ей такою же взаимностью. Первый Консулъ соглашался соединить ихъ, но Іозефинѣ очень не нравился этотъ бракъ и она всячески старалась воспрепятствовать заключенію онаго. Она часто со мною объ этомъ разсуждала, но нѣсколько поздо: она говорила, что ея два шурина явные враги ея; что я самъ видѣлъ ихъ козни и что мнѣ извѣстно, что нѣтъ непріятностей, которыхъ бы она отъ нихъ не переносила. Все это дѣйствительно было мнѣ извѣстно; она безпрестанно повторяла мнѣ, что въ случаѣ свершенія предполагаемаго брака, у нея не будетъ никакой подпоры; что Дюрокъ значилъ что нибудь единственно чрезъ дружбу Наполеона; что онъ не имѣлъ ни состоянія, ни знатности и не пріобрѣлъ еще славы: что онъ не могъ служить ей подпорою противъ извѣстной непріязни братьевъ Наполеона; что ей надобенъ былъ для будущаго кто нибудь понадежнѣе. Она прибавляла что мужъ ея очень любитъ Лудовика; что еслибъ ей посчастливилось соединить его со своею дочерью, то онъ сдѣлался бы сильнымъ

перевѣсомъ противъ клеветы и гоненій другихъ ея шуриновъ. Я отвѣчалъ ей, что она слишкомъ долго скрывала отъ меня свои расположенія; что я тѣмъ охотнѣе обѣщалъ молодымъ людямъ мои услуги, что зналъ благопріятное для нихъ мнѣніе Перваго Консула, который часто говаривалъ мнѣ: «Пусть жена моя что хочетъ дѣлаетъ, а они другъ другу пара и я непремѣно женю ихъ: я люблю Дюрока, онъ благороднаго происхожденія; вѣдь я отдалъ же Каролину за Мюрата, а Полину за Леклерка; почемужъ мнѣ не отдать Гортензію за Дюрока, который славный малой. Онъ очень стóитъ другихъ; и притомъ онъ ужъ Дивизіонный Генералъ. Противъ этого союза ничего нельзя сказать. Притомъ же я имѣю другіе виды на счетъ Лудовика.» Разговаривая съ Г-жею Бонапарте я прибавлялъ, что дочь ея заливалась слезами, когда ей говорили о бракѣ съ Лудовикомъ.

Первый Консулъ послалъ Дюроку патентъ на чинъ Дивизіоннаго Генерала съ особымъ курьеромъ, отправленнымъ въ Голландію, чрезъ которую новому Генералу слѣдовало проѣзжать на возвратномъ пути изъ Петербурга, куда какъ я уже сказалъ, онъ былъ посыланъ для поздравленія Императора Александра съ возшествіемъ на престолъ. Первый Консулъ сдѣлалъ эту пріятную нечаянность Дюроку вѣ-

роятно въ той увѣренности, что бракъ состоится. Въ продолженіе этого отсутствія Дюрока, переписка молодыхъ любовниковъ шла чрезъ мои руки съ ихъ согласія; я почти всякой вечеръ игралъ на биліардѣ съ дѣвицею Гортензіею, которая очень хорошо играла. Когда я потихоньку сказывалъ ей, что *у меня есть письмо*, то игра тотчасъ прекращалась и она бѣжала въ свою комнату, куда я приносилъ ей письмо. Глаза ея наполнялись слезами и она долгое время не сходила опять въ гостиную, куда я прежде ее являлся. Все это нисколько ей не помогло; Іозефинѣ надобна была въ *семьѣ* опора противъ *семьи*. Видя что она твердо на это рѣшилась, я далъ себѣ слово не препятствовать ея видамъ, которыхъ я не могъ осуждать; но замѣтилъ ей, что я ужъ болѣе не въ состояніи молчать и соблюдать нейтралитетъ въ этихъ небольшихъ распряхъ. Она повидимому удовольствовалась.

Въ продолженіе бытности нашей въ Мальмезонѣ, козни продолжались. Умолчу о подробностяхъ оныхъ, ибо это были все тѣже сцены, таже нерѣшительность. По возвращеніи нашемъ въ Тюліери, дѣла были въ томъ же положеніи, но всѣ вѣроятности казалось благопріятствовали Дюроку. Я даже ужъ поздравлялъ его, но онъ холодно принималъ мои поздравленія. Въ короткое время Госпожа Бонапарте

успѣла все перемѣнить. Непремѣнно желая выдать дочь свою за Лудовика, она склонила Перваго Консула къ своимъ мыслямъ, убѣжденіями, просьбами, искуствомъ, ласками и всѣми способами, которые она такъ хорошо умѣла употреблять. Первый Консулъ вошелъ 4 Генваря послѣ обѣда въ нашъ кабинетъ, гдѣ я занимался. «Гдѣ Дюрокъ?—Онъ вышелъ, я думаю въ Оперу.—Когда онъ возвратится домой, то скажи ему что я обѣщалъ отдать за него Гортензію и что онъ на ней женится. Но я хочу чтобы это сдѣлалось не позже какъ черезъ два дня. Я даю ему пять сотъ тысячъ франковъ и назначаю его Начальникомъ осьмой Военной Дивизіи. Онъ отправится на другой день послѣ своей свадьбы въ Тулонъ съ женою и мы будемъ жить врознь. Не хочу имѣть при себѣ зятя. Такъ какъ мнѣ хочется это кончить, то скажи мнѣ сегодняже, будетъ ли онъ согласенъ. — Не думаю.—Ну такъ она выйдетъ за Лудовика.—Захочетъ ли она? — Она будетъ должна.» Первый Консулъ объявилъ мнѣ это съ досадою, показывавшею что у него произошла какая нибудь семейная ссора и что наскучивъ этимъ дѣломъ, онъ рѣшился предложить свои окончательныя условія дабы больше объ немъ не слыхать. Дюрокъ воротился домой въ одиннадцатомъ часу вечера. Я пересказалъ ему отъ слова до слова предложеніе Перваго Консула.—

Если такъ, любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, *то онъ можетъ оставить у себя дочь свою; а я пойду къ . . . .*; и съ непостижимымъ для меня равнодушiемъ онъ взялъ шляпу и ушелъ. Первый Консулъ передъ тѣмъ какъ онъ легъ спать, былъ увѣдомленъ объ отвѣтѣ Дюрока, и Iозефина получила его согласiе на бракъ дочери ея съ Лудовикомъ; этотъ бракъ вскорѣ послѣ того свершился. Вотъ какъ дѣло произошло къ великому огорченiю дѣвицы Гортензiи и вѣроятно къ удовольствiю Дюрока; Лудовикъ допустилъ себя женить. Гортензiя до тѣхъ поръ сколько можно его избѣгала, всегда показывая ему равнодушiе, по крайней мѣрѣ равное отвращенiю, которое онъ къ ней обнаруживалъ. Эти чувства не перемѣнились.

Наполеонъ говоритъ на островѣ Св. Элены, что онъ хотѣлъ женить Лудовика на племянницѣ Г. Талейрана. Я тѣмъ меньше могу это отрицать, что Наполеонъ увѣрялъ меня что онъ имѣетъ на счетъ Лудовика другiе виды. Но я никогда не слыхалъ ни слова объ этой племянницѣ, ни отъ него, ни отъ Госпожи Бонапарте, ни отъ ея дочери; а напротивъ того, мнѣ казалось, что Первый Консулъ начиналъ уже тогда думать о союзахъ съ царскими Домами. Онъ изъявлялъ иногда свое сожалѣнiе о томъ что сестры его поторопились выйти за мужъ. Читатели вспомнятъ, что это былъ тотъ самый

годъ, въ который учредилось пожизненное Консульство, служившее предвѣстіемъ Имперіи, а извѣстно, что позывъ на пищу приходитъ за ѣдою. Наполеонъ справедливо сказалъ товарищамъ своего изгнанія, «что этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины;» но не понимаю почему онъ ни слова не упомянулъ своимъ приближеннымъ о предположеніи своемъ выдать Гортензію за Дюрока, о ихъ любви и о своей первоначальной рѣшимости. Напрасно напечатали, будто бы Наполеонъ полагалъ согласить этимъ счастіе своей падчерицы со своею политикою; Гортензія не любила Лудовика и страшилась этого брака; почему нельзя было надѣяться для нея счастія и послѣдствія довольно это доказали. Что касается до политики Перваго Консула, то я не постигаю, какимъ образомъ она бы могла найти свои выгоды въ томъ, чтобы Лудовикъ женился на Гортензіи и во всякомъ случаѣ, эта великая политика, столь громогласно возвѣщавшая, что она неподчинена женскому вліянію, была бы покорною рабою происковъ Іозефины ибо тогда въ Тюліери, будуаръ часто былъ сильнѣе кабинета.

Здѣсь я съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ, самымъ явнымъ, самымъ положительнымъ образомъ опровергнуть гнусныя предположенія. Безстыдно лгали утверждавшіе, будто бы Бонапарте имѣлъ къ Гортензіи другія чувства кро-

мѣ тѣхъ, которыя свойственны вотчиму къ его падчерицѣ; ниже увидятъ что онъ сказалъ мнѣ на этотъ счетъ; но никогда не должно отлагать опроверженiя столь подлой клеветы. Безсовѣстные писатели утверждали безъ доказательствъ, не только что Бонапарте находился въ преступной связи съ Гортензiею, но и будто бы онъ былъ отцемъ старшаго ея сына. Ложь, гнусная ложь! А между тѣмъ, слухъ объ этомъ былъ распространенъ вездѣ, какъ во Францiи такъ и въ цѣлой Европѣ. Неужели клевета имѣетъ столь могущественную прелесть, что подчинясь ей однажды, невозможно уже освободиться отъ ея ига?

Digitized by Google

++

ГЛАВА XXI.

Два президентства, возвѣщающія два престола.—Цизальпинская Консульта, собранная въ Ліонѣ.—Путешествіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невѣжливость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.—Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію Наполеона. — Позволительная лесть.— Праздникъ у Г-жи Мюратъ.—Бонапарте, царь празднества и обхожденіе его съ дамами. — Наполеонъ беретъ къ себѣ въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигрантовъ.— Жаркое преніе въ совѣтѣ объ имуществѣ эмигрантовъ. — Торжество Революціи.—Доказательство, взятое съ острова Св. Елены.

Первый Консулъ желалъ согласовать между собою правительства Цизальпинское и Французское. Будучи главою одного, онъ считалъ необходимымъ дать другому Президента, который былъ бы ему угоденъ и самъ сдѣлался

этимъ Президентомъ. Такимъ образомъ эти два соединенныя Президенства послужили ступенью для достиженiя двухъ престоловъ. Нехотя на долгое время удаляться изъ Парижа и желая избѣгнуть затрудненiй поѣздки въ Миланъ, Бонапарте заставилъ особъ, назначенныхъ на совѣщанiя, сдѣлать половину дороги: онъ созвалъ ихъ въ Лiонѣ. Я сказалъ ему за нѣсколько дней до нашего отъѣзда: «Развѣ вамъ не было бы прiятно опять увидѣть Италiю, это первое поприще вашей славы, эту прекрасную столицу Ломбардiи, гдѣ вамъ оказывали такiя почести?—Конечно,» отвѣчалъ мнѣ Первый Консулъ, «но поѣздка въ Миланъ заставила бы меня потерять драгоцѣнное время. Притомъ же мнѣ желательнѣе, чтобы это собранiе происходило во Францiи, а не въ Италiи; влiянiе мое на депутатовъ будетъ быстрѣе и вѣрнѣе въ Лiонѣ, чѣмъ въ Миланѣ. Притомъ же я очень буду радъ увидѣть тамъ благородные остатки Египетской армiи, которые туда сберутся.»

Мы отправились 8 Генваря 1802 года. Сбираясь возсѣсть на престолъ Францiи, Бонапарте въ тоже время хотѣлъ приготовить Италiянцевъ къ возложенiю на него нѣкогда Италiянской Короны, въ подражанiе Карломану, котораго онъ заранѣе считалъ себя преемникомъ. Онъ видѣлъ въ санѣ Президента Цизальпинской Республики большой шагъ къ Королевству Ломбардовъ также какъ

позднѣе сего, въ назначеніи своемъ пожизненнымъ Консуломъ, онъ увидѣлъ рѣшительный шагъ ко Французской коронѣ. Титулъ Президента былъ безпрепятственно ему данъ 26 Генваря 1802 года. Поѣздка въ Ліонъ и совѣщанія были сдѣланы только для вида; но надобно было поразить мнѣніе громкими словами и торжественными дѣйствіями.

Покушенія, сдѣланныя на жизнь Перваго Консула, были причиною распространившагося слуха будто бы онъ въ эту поѣздку принялъ чрезвычайныя предосторожности для своего сохраненія. Я никакихъ не видалъ: онѣ были ему противны. Онъ очень зналъ и часто повторялъ, что тотъ кто захочетъ пожертвовать своею жизнью, можетъ лишить его оной. Несправедливо говорено, будто бы стражи окружали его карету и были разставлены по всей дорогѣ; относительно предосторожностей, онъ ѣхалъ какъ обыкновенный путешественникъ. Я даже рѣдко видѣлъ оружіе у него въ каретѣ.

Въ это время, когда честолюбіе Наполеона съ каждымъ днемъ усиливалось, Генералъ Кларкъ позволилъ себѣ войти въ ложу Перваго Консула во Французскомъ Театрѣ и сѣлъ на первомъ мѣстѣ. Случилось что Наполеонъ пріѣхалъ въ театръ; но Кларкъ, едва привставъ, не уступилъ ему мѣста. Первый Консулъ пробылъ въ театрѣ очень короткое время и, возвратясь до-

мой, изъявилъ мнѣ сильное неудовольствiе на это обнаруженное Кларкомъ самолюбiе и чванство. Желая избавиться отъ человѣка, считаемаго имъ неумѣреннымъ льстецомъ и неискуснымъ порицателемъ—онъ отправилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ къ новопожалованному Королю Этрурскому, и этотъ родъ ссылки наказалъ его за безразсудство; этимъ однакожъ ограничились всѣ *великiя неудовольствiя*, о которыхъ такъ много говорили. Въ послѣдствiи Генералъ Кларкъ опять вошелъ въ милость, что извѣстно и памятно Берлину.

25 Марта того же года, Англiя подписала въ Амiенѣ условiе о прекращенiи на четырнадцать мѣсяцевъ непрiязненныхъ дѣйствiй, которое назвали мирнымъ договоромъ. Статьи сего договора были таковы, что не обѣщали продолжительнаго мира: весьма очевидно напримѣръ было, что Англiя не выведетъ войскъ своихъ изъ Мальты, ея Восточнаго Гибралтара; она это очень знала и статья, коею она соглашалась на отдачу сего острова Духовному Ордену, уничтоженному Наполеономъ, — очень мало ее затрудняла. Этотъ островъ Мальта долженствовалъ нѣкогда сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ причинъ разрыва Амiенскаго трактата, ибо Англiя хотѣла удержать его; но гордая Англiя, столь надменная до сихъ поръ противъ Перваго Консула, договаривалась съ нимъ какъ

съ *Главою Франціи*, а это для него много значило. Это еще болѣе утверждало власть его. Замѣтивъ, что я оцѣнилъ какъ слѣдуетъ выгоды, доставляемыя ему миромъ, онъ не скрылъ отъ меня чувствъ своихъ въ этомъ отношеніи.

Договоръ сей былъ сочтенъ Государственными людьми, даже въ Англіи, перемиріемъ, не могшимъ долго сохраниться; въ другихъ мѣстахъ повсюду были объ ономъ тѣхъ же мыслей.

Въ эту то эпоху, видя чрезъ сей миръ возрастающую свою славу и могущество, онъ сказалъ мнѣ однажды въ веселую минуту, потрепавъ меня по плечу въ одной изъ Мальмезонскихъ алей:—«Ну Буріеннъ, ты будешь также безсмертенъ какъ я.—Отъ чего же это Генералъ?—А развѣ ты не Секретарь мой?—Скажите ка мнѣ имя Секретаря Александрова (*).» Онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ улыбаясь: «*Глупъ! не дурно!..*» онъ подумалъ, что я говорю правду. Признаюсь что тутъ было немного лести, которая никогда ему не досаждала и въ этотъ день я не заслужилъ часто дѣланнаго имъ мнѣ упрека: *что я не довольно придворный, что я не довольно льстецъ.*

(*) Бонапарте не зналъ имени Александрова Секретаря, котораго звали Каллисѳеномъ. Онъ писалъ Записки объ Александрѣ также, какъ я пишу о Наполеонѣ; но не смотря на это сходство, я столь же мало вѣрю безсмертію моего имени, сколь мало желаю онаго.

Госпожа Мюратъ, жившая въ Нёльи, сдѣлала для Бонапарте праздникъ, котораго онъ былъ царемъ. За роскошнымъ обѣдомъ послѣдовалъ вечеромъ спектакль. За большимъ столомъ сидѣли однѣ только дамы; мужчины помѣщались въ сосѣдней залѣ. Госпожа Мюратъ угощала съ большою пріятностью, посадивъ Перваго Консула противъ себя. Бонапарте ѣлъ скоро и ничего не говорилъ. Наконецъ, за десертомъ, онъ обратился къ каждой дамѣ съ вопросомъ, который ей годъ; дошедъ до Г-жи Буріеннъ, Наполеонъ сказалъ ей: «Что касается до васъ, ваши лѣта мнѣ извѣстны.» Вѣжливость его дальше не простерлась и дамы вовсе не остались этимъ довольны.

На другой день послѣ этого праздника, очень ему надоѣвшаго въ то время, какъ Первый Консулъ прогуливался со мною въ Мальмезонѣ по любимой своей алеѣ, ему принесли множество Полицейскихъ донесеній, которыя всѣ были такъ глупы и скучны. Въ нихъ упоминалось о толкахъ, распространившихся въ Парижѣ по случаю недавно принятой имъ зеленой ливреи. Эти толки, какъ было сказано, происходили отъ того, что зеленый цвѣтъ принадлежалъ дому д'Артуа. На лицѣ у него показалось судорожное движеніе. *Что забрали себѣ въ голову эти скоты? они забавны! Развѣ я*

не стою Г-на д'Артуа? Они еще не то увидятъ; право они не отгадали!

До половины 1801 года, исключенія изъ эмигрантскаго списка, всегда были предлагаемы Министромъ Главной Полиціи. Первый Консулъ удостовѣрясь, что эти исключенія часто были дѣлаемы въ слѣдствіе сильнаго ходатайства, происковъ,—и даже за деньги, рѣшился сосредоточить эту работу у себя въ кабинетѣ; но другія дѣла замедливались чрезъ это скучное занятіе и не смотря на всѣ мои старанія, я не успѣвалъ дѣлать болѣе двѣнадцати или пятнадцати исключеній въ недѣлю; я нѣсколько разъ представлялъ ему это; но онъ сначала не обращалъ никакого на то вниманія. Тотчасъ послѣ молебна, отслуженнаго по случаю Конкордата и мира, я воспользовался въ Мальмезонѣ минутою его веселости и хорошаго расположенія для того чтобы вновь заговорить съ нимъ о всеобщемъ дозволеніи эмигрантамъ возвратиться въ свое отечество. «Вы примирили Французовъ съ Богомъ,» сказалъ я ему смѣясь, «примирите ихъ между собою. Никогда не существовало настоящихъ эмигрантскихъ списковъ: были только списки отсутствующихъ; доказательствомъ тому служитъ что изъ нихъ всегда вычеркивали и теперь всякой день вычеркиваютъ.» Эта мысль ему понравилась. «Хорошо, хорошо,» сказалъ онъ, «мы посмотримъ; но я хочу исключить изъ сего человѣкъ тысячу, принадле-

жащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, а въ особенности тѣхъ, которые служили при Королѣ, при Принцахъ, или при прежнемъ Дворѣ (*).»

Я сказалъ въ Палатѣ Депутатовъ и съ удовольствіемъ здѣсь повторяю: «Въ проэктѣ Сенатскаго указа, который Первый Консулъ диктовалъ мнѣ ночью, онъ исключалъ изъ возврата, только домы, занятые общественными заведеніями. Онъ не хотѣлъ платить за нихъ ни капитала, ни даже за наемъ. Но кромѣ этого исключенія, онъ отдавалъ назадъ все, чѣмъ владѣло Правительство и все что не перешло въ третьи руки. При этомъ важномъ вопросѣ, онъ никогда не имѣлъ мысли коснуться пріобрѣтенныхъ уже правъ. Онъ зналъ всю опасность этого. Онъ даже возвращалъ остальную третью часть конфискованныхъ фондовъ, за исключеніемъ процентовъ за прошедшее время. Это была самая справедливая вещь, ибо Правительство взяло эти фонды и пользовалось процентами, которыхъ оно не платило. Въ послѣдствіи эту безчестную конфискацію варварски прозвали *смѣшеніемъ*. Это слово еще и нынѣ употребляется; оно выдумано для прикрытія хитрости, обмана, грабежа, воровства, несостоятельности и прочихъ финансовыхъ подлостей, въ которыхъ часто бывало виновно Французское Правительство; слово которое

(*) Сенатскій указъ уменьшилъ это число до половины.

должно бы встрѣчаться въ словарѣ у однихъ только варварскихъ народовъ. Что сказали бы о человѣкѣ, который укравъ мѣшокъ съ тысячью франками, положилъ бы его вмѣстѣ съ сотнею другихъ, такихъ же мѣшковъ и отвѣчалъ бы тому кто бы сталъ законно его требовать: *Мѣшокъ вашъ точно у меня; но я не могу узнать его, потому что онъ смѣшался съ другими.* — *Нельзя* отвѣчали требовавшимъ сего возврата, даже не изъ выгодъ а единственно по чувству справедливости — *нельзя узнать фондовъ.* Но были также конфискованы фонды Англичанъ, захваченные тѣмъ же закономъ этихъ ужасныхъ временъ; ихъ вѣроятно также не могли узнать, однакожъ ихъ вполнѣ возвратили и съ процентами. То что Англійскіе штыки легко пріобрѣли, было отказано превѣчной справедливости, этой дщери Неба, безъ которой всѣ Контитуціи никогда не были и никогда не будутъ ничѣмъ инымъ какъ чернымъ на бѣломъ.

Первый Консулъ, окончивъ свой проэктъ указа, созвалъ на другой день большой Совѣтъ. Оный составлялся изъ Министровъ, изъ двухъ Консуловъ и еще изъ пяти главнѣйшихъ Государственныхъ сановниковъ. Я былъ въ кабинетѣ, служившемъ библіотекою и смежномъ съ залою, въ видѣ шатра, въ коей происходили Совѣты. Разсужденіе было продолжительно и

живо; я слышалъ все, ибо говорили очень громко; даже иногда кричали. Первый Консулъ сильно оспоривалъ многочисленныя возраженія, дѣлаемыя противъ его проэкта; ему отвѣчали съ такимъ же жаромъ. Наконецъ, Революція отвергла всякое возвращеніе. Она соглашалась призвать обратно жертвъ своихъ, но хотѣла въ тоже время удержать отнятое у нихъ.

Возвратясь въ свой кабинетъ, Первый Консулъ очень задумался о неудачномъ дѣйствіи на совѣтъ предложеннаго имъ проэкта. Я осмѣлился ему сказать: «Вы слишкомъ умны Генералъ, и можете видѣть что цѣль ваша не достигнута и проэктъ не удался. Отказъ возвратить эмигрантамъ то, чѣмъ казна еще владѣетъ, уничтожаетъ все, что при этой уступкѣ, призывъ эмигрантовъ имѣлъ бы въ себѣ высокаго, благороднаго и великодушнаго. Не понимаю какъ вы могли уступить противорѣчію, столь неосновательному и столь жадному. «*Чортъ возьми,*» отвѣчалъ онъ мнѣ съ досадою, «*ты вѣрно самъ все слышалъ. Революція имѣла большинство голосовъ въ совѣтѣ; что мнѣ было дѣлать; развѣ я довольно силенъ для того, чтобы преодолѣть всѣ препоны?*—Генералъ, успокойтесь, я не хочу васъ разсердить; но вы очень можете въ будущее засѣданіе воспротивиться этимъ людямъ.—Это было бы трудно,» отвѣчалъ онъ

нѣсколько укротясь. Повторяю тебѣ, что дѣла этого рода еще въ ихъ рукахъ; на все надобно время; впрочемъ, ничего еще не рѣшено: мы увидимъ. Всѣмъ извѣстенъ Сенатскій указъ 6 Флореаля X года (26 Апрѣля 1802) черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго мною разговора. Извѣстно, что дано этимъ Сенатскимъ указомъ; а выше показано, что желалъ дать глава Правительства; надобно было еще на этотъ разъ уступить Революціи; а безъ того Бонапарте настоялъ бы въ своемъ первомъ намѣреніи.

Это дѣло занимало Наполеона на островѣ Св. Элены. Онъ самъ говорилъ, «что онъ могъ (ему бы слѣдовало сказать, что онъ хотѣлъ), дать все; что онъ думалъ было такъ поступить и что онъ сдѣлалъ ошибку не исполнивъ этого. Чрезъ это ограниченіе, — прибавляетъ онъ, — уничтожилось все доброе дѣйствіе обратнаго призыва эмигрантовъ. Это ошибка, тѣмъ болѣе важная, что я думалъ объ этомъ; но я былъ одинъ окруженный противниками и шпіонами; всѣ были противъ этого, такъ что трудно себѣ представить; а между тѣмъ меня обременяли важныя дѣла, время текло и я былъ принужденъ имѣть наблюденіе по другимъ предметамъ.» Потомъ онъ говоритъ о синдикахъ, которыхъ онъ предполагалъ учредить. Я никогда ни слова объ этомъ не слыхалъ и разсказалъ дѣло какъ оно было; приведенное выше, это подтверждаетъ.

Роялисты, сѣтующіе на оборотъ, который принимали общественныя дѣла, не удовольствовались ограниченною мѣрою возвращенія эмигрантовъ. Друзья общественной свободы увидѣли оную нарушаемою дѣйствіями Перваго Консула и Правительственныхъ мѣстъ, которыя онъ держалъ въ совершенной у себя зависимости и которыя сами вызывались предлагать ему еще больше того. Никто не былъ доволенъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXII.

Порученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія.—Недостатокъ способовъ.—Непріязненныя выраженія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ. — Страданія Наполеона. — Предчувствіе. — Корвизаръ, врачъ Бонапарте и главный Императорскій медикъ. — Вліяніе Физическихъ болей на характеръ Бонапарте.—Изорваніе статьи, приготовленной для *Монитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генералъ Андреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетѣ Перваго Консула.—Расточительность Іеронима Бонапарте. —Строгое письмо его брата.—Письмо Іеронима.—Геліогабалъ въ маломъ видѣ.—Ненасытность братьевъ Наполеона. —Г. Колло.—Поставки для флота.—Финансовыя правила Перваго Консула.

Первый Консулъ былъ доволенъ поведеніемъ Генерала Себастіани при поѣздкѣ его послѣ Аміенскаго договора въ Константинополь для преклоненія Султана къ возстановленію мира съ Франціею.

Digitized by Google

Въ эпоху, о которой я говорю, т. е. до полученiя непрiятнаго извѣстiя объ отдачѣ Египта, это любимое завоеванiе очень его безпокоило; онъ все думалъ о Востокѣ, будучи увѣренъ, что такой человѣкъ какъ Себастiани, объѣхавъ сѣверную Африку, Египетъ и Сирiю, можетъ склонить Государей сихъ странъ къ мнѣнiю, болѣе для него благопрiятному, чѣмъ то, которое внушило имъ завоеванiе Египта и уничтожить слухи, которые Англiя распространяла о положенiи Францiи. Миръ съ Оттоманскою Портою благопрiятствовалъ этимъ сношенiямъ; Себастiани долженъ былъ наблюдать эти страны съ точностью, которую обѣщали молодость и дѣятельность ума его. Бонапарте не ошибся въ своемъ выборѣ; Себастiани объѣхалъ Варварiйскiя Державы, Египетъ, Палестину и Iонiйскiе острова. Вездѣ онъ превозносилъ могущество Бонапарте и унижалъ Англiю. Онъ укрѣплялъ прежнiя связи и заводилъ новыя съ главами каждой земли. Онъ объявилъ Правительству Iонiйскихъ Острововъ что оно можетъ надѣяться на могущественное покровительство Францiи. Бонапарте, по моему мнѣнiю, ожидалъ слишкомъ много послѣдствiй отъ поѣздки отдѣльной и предпринятой съ наставленiями, весьма неопредѣлительными. Не смотря на то однакоже, Себастiани извлекъ изъ оной все, что было возможно и въ *Монитёрѣ*

можно найти занимательныя касательно сего подробности. Тайныя свѣдѣнія о средствахъ напасть съ успѣхомъ на Англійскія заведенія въ Индіи, были довольно любопытны, но недостаточны, дабы можно было надѣяться отъ оныхъ скораго успѣха; этотъ успѣхъ зависѣлъ отъ множества обстоятельствъ, которыхъ нельзя было предвидѣть.

Отрывокъ изъ донесенія Генерала Себастіани былъ наполненъ непріязненными выраженіями противъ Англіи. Въ немъ между прочимъ упоминалось, что съ шестью тысячами человѣкъ можно завоевать Египетъ и что Іонійскіе Острова были расположены свергнуть съ себя иго. Нѣтъ сомнѣнія, что обнародованіе этого донесенія ускорило разрывъ Аміенскаго мира. Англія прекратила всѣ переговоры о Мальтѣ, объявивъ что прежде возобновленія оныхъ, Король Великобританскій долженъ получить удовлетвореніе за то, что она сочла враждебнымъ поступкомъ. Она сильно опиралась на этотъ доводъ, справедливый или неосновательный, въ причинахъ, безпрестанно изобрѣтаемыхъ ею для оправданія разрыва Аміенскаго трактата, къ исполненію коего Англія всегда показывала мало готовности.

Тогда-то Бонапарте, пренебрегая обыкновенными формами, захотѣлъ имѣть частное свиданіе съ Лордомъ Витвортомъ, Англійскимъ По-

сланникомъ въ Парижѣ, и который былъ послѣднимъ Посломъ отъ Англiи въ Санктпетербургѣ до разрыва, предшествовавшаго смерти Императора Павла. Бонапарте надѣялся преклонить его своими словами и оборотомъ, который онъ умѣлъ давать разговору; но ниже увидятъ, что все было безполезно. Подписывая Амiенскiй договоръ, Британское Министерство очень знало, что оно его расторгнетъ, ибо тогда уже приняло твердую рѣшимость вѣчно бороться съ необузданнымъ честолюбiемъ Наполеона.

Съ начала 1802 года Бонапарте чувствовалъ сильную боль въ правомъ боку. Я часто видалъ въ Мальмезонѣ, что сидя за вечернею работою около полуночи, онъ облокачивался на правую ручку своихъ креселъ, разстегивалъ платье и жилетъ свой и болѣзненно вздыхалъ. Я спрашивалъ его что съ нимъ и онъ отвѣчалъ мнѣ: *Ахъ, какъ я страдаю!* И чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, я отводилъ его въ спальню. Я нѣсколько разъ бывалъ принужденъ поддерживать его на маленькой лѣстницѣ, ведущей изъ его внутренняго кабинета въ коридоръ верхнихъ покоевъ. Въ эту то эпоху, онъ часто мнѣ говаривалъ: «Я боюсь, чтобы достигнувъ сорока лѣтъ мнѣ не сдѣлаться толстымъ обжорою; я имѣю предчувствiе разтолстѣть.» Это опасенiе преждевременной тучности, очень его

безпокоило; но чрезвычайная его воздержность и физическое состояніе его тѣлосложенія не позволяли мнѣ раздѣлять его предчувствія. Я ошибся.

Мѣсяцевъ за шесть передъ этимъ, онъ спросилъ у меня, кто мой врачъ; я отвѣчалъ ему что Корвизаръ. «А какъ ты съ нимъ познакомился? —Братецъ вашъ Лудовикъ расхвалилъ мнѣ его; онъ вылечилъ его отъ извѣстной вамъ болѣзни и Лудовикъ имѣетъ къ нему большую довѣренность.»—Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ взялъ къ себѣ Корвизара врачемъ а по прошествіи трехъ лѣтъ сдѣлалъ его Главнымъ Императорскимъ Медикомъ. Первый Консулъ скоро привыкъ къ этому искусному врачу и пока я при немъ находился, всегда съ удовольствіемъ съ нимъ разговаривалъ; открытое и веселое лице его очень ему нравилось. Корвизаръ признавался ему что Медицина мало въ состояніи сдѣлать и что если она имѣетъ какую либо власть, то болѣе чрезъ совѣты, чѣмъ посредствомъ лекарствъ.

Боли, которыя ощущалъ тогда Первый Консулъ, усиливали его раздражительность. Можетъ быть должно приписать этому расположенію многія дѣйствія этой эпохи его жизни; мысли его тогда, были не тѣ утромъ, что вечеромъ и онъ часто рвалъ поутру даже безъ малѣйшаго замѣчанія, бумаги, которыя онъ диктовалъ мнѣ

ночью и самъ находилъ превосходными. Иногда, я бралъ на себя не отсылать какъ онъ желалъ въ туже ночь для напечатанія въ Монитёрѣ статей, которыя, будучи написаны подъ вліяніемъ досады и вспыльчивости, могли произвесть въ Европѣ дурное дѣйствіе. Когда на другой день онъ не видѣлъ статьи, то я ссылался на слишкомъ поздній часъ или на запозданіе курьера. Но я замѣчалъ ему что черезъ это ничего еще не потеряно и что статья можетъ быть помѣщена на другой день; онъ не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ на это, но говорилъ мнѣ черезъ четверть часа послѣ того: «Не посылай мою статью въ *Монитёръ* не показавъ ее мнѣ.» Онъ бралъ ее, перечитывалъ, удивлялся иногда тому, что онъ мнѣ ее продиктовалъ и въ шутку говорилъ, что я не дослышалъ. «Это не очень хорошо, не правда ли? —Право не знаю. — О нѣтъ, это вовсе никуда не годится; какъ ты думаешь?» Покачавъ немного головою, онъ рвалъ бумагу. — Однажды онъ прислалъ мнѣ въ два часа ночи (мы находились тогда въ Тюлiери) своей руки записку слѣдующаго содержанія: «*Бурiенну*. Напиши къ Маре, чтобы онъ вычеркнулъ изъ ноты, которую Флёрiё вчера читалъ въ Трибунатѣ, выраженіе касательно Косты и по возможности смягчилъ бы всю статью.» Эта перемѣна произошла (какъ часто случалось) въ слѣдствіе

сдѣланныхъ мною ему замѣчаній, которыя онъ сначала съ досадою отвергнулъ.

Послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ занялся назначеніемъ Посланника въ Англію; не знаю почему онъ бросилъ взоры на Генерала Андреосси. Я дозволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній противъ этого выбора, который казался мнѣ несоотвѣтствующимъ важности порученія; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это еще не рѣшено, я переговорю съ Талейраномъ.» Въ тотъ же вечеръ Г. Талейранъ пріѣхалъ съ нимъ работать; мы находились въ Мальмезонѣ. Зашла рѣчь о назначеніи въ Англію Посланника, и Первый Консулъ, назвавъ нѣсколько человѣкъ, сказалъ: «Мнѣ хочется назначить Андреосси.» Г. Талейранъ, не очень расположенный къ этому выбору, отвѣчалъ ему съ хитрымъ, лукавымъ видомъ: «Вы хотите назначить *также Андре* (André aussi)! Кто жъ такой этотъ Андре? — Я говорю вамъ не объ Андре, а объ Андреосси; развѣ вы его не знаете; вотъ еще! Андреосси, Артиллерійскій Генералъ — Андреосси! а да правда, Андреосси; я объ немъ и не подумалъ: я перебиралъ въ умѣ дипломатовъ и не находилъ его между ними. Да, правда, такъ, такъ, онъ въ Артиллеріи.» Тогда Первый Консулъ началъ говорить объ Андреосси въ такомъ смыслѣ, чтобы показать Г. Талейрану, что онъ назначаетъ этого Артиллерійскаго Генерала По-

сланникомъ въ Лондонъ. Онъ отправился туда по заключеніи Аміенскаго мира въ 1802 году и воротился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, едва имѣвъ время тамъ устроиться. Ему немного тамъ было дѣла; это пришлось кстати: онъ ничего не сдѣлалъ.

Въ 1802 году Іеронимъ былъ произведенъ въ Мичмана и находился въ Брестѣ, позволяя себѣ дѣлать расходы, очень превышавшіе его состояніе. Онъ часто давалъ на мое имя векселя, которые Первый Консулъ съ большою досадою уплачивалъ. Одно изъ писемъ, въ которомъ Іеронимъ описывалъ мнѣ свои удовольствія и даваемые ему праздники, а потомъ сообщалъ мнѣ, что онъ далъ на мое имя вексель въ семнадцать тысячъ франковъ, возбудило гнѣвъ Перваго Консула. Онъ написалъ къ нему:

«Я читалъ письмо твое, господинъ Мичманъ. «Пора тебѣ быть на твоемъ корветѣ и учиться «обязанностямъ званія, которое должно быть «поприщемъ твоей славы.

«Умри въ молодости, я утѣшусь; но не по«терплю, чтобы ты прожилъ шестьдесятъ лѣтъ «безъ славы, безъ пользы для отечества, не «оставивъ слѣдовъ своего существованія; лучше «было бы вовсе не существовать.—Парижъ 6 «Мессидора X года (27 Іюня 1802). *Мичману «Іеронилу.*

Извѣстно исполнились ли желанія Перваго

Консула. Это письмо совершенно опровергаетъ напечатанное въ біографіяхъ, будто бы Іеронимъ Бонапарте отправился въ 1801 году *Лейтенантомъ* съ Сен-Домингскою экспедиціею. Іеронимъ отправился на *Копчикѣ* (Epervier) по полученіи письма отъ своего брата; онъ былъ въ Сен-Піеррѣ 6 Ноября и тогда уже получилъ Лейтенантскій чинъ. Онъ написалъ ко мнѣ изъ Сен-Піерра отъ 23 Ноября извѣщая, что онъ далъ на меня вексель въ двадцать тысячъ франковъ; вотъ письмо его:

Лейтенантъ Іеронимъ Бонапарте Командиръ Копчика.

«Предупреждаю тебя, любезный Буріеннъ, «что я далъ на твое имя заемное письмо въ «*двадцать тысячъ* франковъ; я писалъ объ «этомъ къ Первому Консулу съ послѣднимъ «судномъ и онъ вѣрно тебѣ ужъ объ этомъ «говорилъ.

«Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ друзей въ «Сен-Піеррѣ: это Генералъ Кастелла, здѣшній «начальникъ; я прибылъ сюда 15 Брюмера и «провелъ только недѣлю въ Форъ-де-Франсѣ.

«Прощай, любезный Буріеннъ, обнимаю тебя.

І. БОНАПАРТЕ.»

«P. S. Всѣ Европейцы, любезный Буріеннъ «умираютъ въ этомъ краю. Съ моего корвета «убыло уже 23 человѣка: судно очень плохое: «по этому ты можешь судить, доволенъ ли

«я службою на *Копчикѣ*. Нынѣшнюю ночь я «снимаюсь съ якоря и иду осматривать Ан«глiйскiе острова. Это продержитъ меня дней «двадцать или тридцать въ морѣ. Прощай лю«безный Бурiеннъ, обнимаю тебя.»

Iеронимъ никогда не отвѣтствовалъ ожиданiямъ и желанiямъ своего брата, который всегда звалъ его *повѣсою*. Читатели видѣли поведенiе его въ Мичманскомъ чинѣ. При первыхъ шагахъ своихъ на поприщѣ жизни, онъ огорчалъ брата своего и семейство своими связями. Вестфалiя никогда не забудетъ, что онъ былъ Королемъ ея и народъ его не даромъ прозвалъ его *Гелiогабаломъ въ маломъ видѣ*.

Вообще Первому Консулу наскучили и надоѣли безпрестанныя требованiя денегъ, дѣлаемыя его братьями. Дабы кончить на этотъ счетъ съ Iосифомъ, издерживавшимъ большiя суммы въ Морфонтенѣ, подобно Луцiану въ Нёльи, онъ отдалъ Г. Колло поставку съѣстныхъ припасовъ для флота, съ тѣмъ условiемъ, чтобы онъ изъ барышей своихъ выдавалъ Iосифу ежегодно по 1,500,000 франковъ. Луцiанъ устроилъ уже свои дѣла въ Испанiи. Думаю что эта поставка, хотя не много времени продолжавшаяся, доставила выгоды Iосифу. Но она сдѣлалась пагубною для Г. Колло, по волѣ Перваго Консула, который однакоже никогда не имѣлъ причины на него жаловаться. Г-ну Колло

очень неисправно, очень дурно платили, дѣлая ему разныя прижимки и огорченія. Онъ этого не заслуживалъ. Первый Консулъ самъ объявилъ ему, что онъ будетъ каждый мѣсяцъ исправно получать деньги и что ему не нужно дѣлать *никакихъ расходовъ* по канцеляріямъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, даже я думаю около года, между тѣмъ какъ онъ не получилъ ни франка. Наконецъ съ большимъ трудомъ чрезъ посредство Жюно, но *не безъ расходовъ*, добился онъ свиданія съ Первымъ Консуломъ. Бонапарте сказалъ мнѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлывалъ, если желалъ имѣть третьяго свидѣтеля: *Ты останешься.* Г. Колло пріѣхалъ въ Мальмезонъ: это было вечеромъ; онъ говорилъ съ Первымъ Консуломъ съ благородною твердостью, и сильно изложилъ ему свои жалобы на положеніе, въ которомъ его оставляли. Онъ доказалъ ему, что онъ поставилъ уже огромное количество припасовъ и не могъ еще ничего получить отъ флота. Онъ напомнилъ Первому Консулу обѣщанное ему при отдачѣ поставки для флота, по причинѣ опредѣленнаго имъ притомъ условія. Ему были должны нѣсколько милліоновъ за поставку, простиравшуюся отъ 20 до 24 милліоновъ. Наконецъ Г. Колло ясно далъ ему уразумѣть, что еслибъ не великое пожертвованіе, отъ него потребованное, то онъ

гораздо съ меньшими издержками, получилъ бы уплату отъ флотскаго управленія. Что онъ не сдѣлалъ этого потому, что самъ Бонапарте объявилъ ему, что это будетъ безполезно и что онъ даже почти запретилъ ему это: сдѣлавъ пожертвованіе, онъ получилъ бы свои деньги. На это первый Консулъ отвѣчалъ ему съ сильною досадою: «Тьфу къ чорту! . . . за кого вы меня принимаете? развѣ я Капуцинъ? Вы бы должны дать сто тысячъ ефимковъ Декре, сто тысячъ Дюроку, сто тысячъ Буріенну, получить чрезъ нихъ удовлетвореніе и не приходить надоѣдать мнѣ вашими бреднями. У меня на то есть Министры, чтобы представлять мнѣ отчеты. Я переговорю съ Декре: вотъ все; оставьте меня и не докучайте мнѣ больше такими мелочами;» и послѣ этого очень сурово его выслалъ. Я узналъ въ послѣдствіи, что не прежде какъ послѣ множество отказовъ, прижимокъ, трудовъ и безпокойствъ, Г. Колло выпутался изъ этого дѣла; онъ однажды сказалъ мнѣ: «Боже мой! если ему такъ надобны мои деньги, то пусть онъ потребуетъ у меня фрегатъ, я построю его; но пусть мнѣ выдаютъ то, что мнѣ слѣдуетъ.» Во всемъ этомъ дѣлѣ справедливость была на сторонѣ Г. Колло; а прижимки съ другой стороны: надобно сказать правду.

ГЛАВА XXIII.

Вошедшая въ пословицу лживость бюлетеней.—Исторія по Монитёру. — Несправедливости Наполеона противъ славы.— Защита и сдача Мальты Генераломъ Вобуа.—Г. Дубле.— Поддѣльное письмо.—Безполезныя требованія и дѣйствія.— Учрежденіе Почетнаго Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтѣ и въ Правительственныхъ мѣстахъ. — Слабый перевѣсъ голосовъ.—Монархическія мысли Г. Талейрана.—Приверженцы наслѣдственнаго правленія.—Странная угрюмость Луціана. — Зародышъ пожизненнаго Консульства. — Предпочтеніе самовластія свободнымъ постановленіямъ. — Притворное смиреніе.—Ограниченія Сената.— Чрезвычайная щедрость Государственнаго Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.—Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де Ла-файетъ послѣ Маренго въ Тюлліери.—Праздникъ, данный Американцамъ.—Письмо Г. Лафайета къ Первому Консулу.—Голосъ, поданной условно и съ оговоркою.

Желательно чтобы историкъ эпохи, до которой мы достигли, не довѣрялъ бюлетенямъ, депешамъ, нотамъ и воззваніямъ, изданнымъ

Наполеономъ или прошедшимъ чрезъ его руки, и основывался бы на источникахъ, болѣе достовѣрныхъ. Что касается до меня, то я считаю пословицу: *Лжетъ какъ бюлетень* столь же справедливою, какъ и то что *Дважды два четыре.*

Бюлетени всегда возвѣщали то, что Бонапарте желалъ выдать за *правду*; но дабы надлежащимъ образомъ судить о нихъ, надобно принимать въ соображеніе и другія, противорѣчащія онымъ показанія. Извѣстно, что мѣсто, откуда онъ издавалъ бюлетень свой, также считалось у него дѣломъ весьма важнымъ: онъ подписалъ въ Москвѣ указы о театрахъ и о Гамбургскомъ быкѣ.

Офиціяльныя извѣстія почти всегда были измѣняемы: ложь находилась, какъ въ объявленіяхъ о побѣдахъ, такъ и въ изложеніи неудачъ и потерь. Исторія, написанная единственно на основаніи бюлетеней, переписки и офиціяльныхъ актовъ того времени, дѣйствительно была бы не что иное какъ романъ: читатели видѣли тому уже доказательства въ этихъ Запискахъ.

Другая вещь, которой я никогда не могъ постигнуть, состояла въ томъ, что Бонапарте, при его неоспоримомъ превосходствѣ, всегда старался унижать цѣну воинской славы другихъ: онъ часто говорилъ о явныхъ ошибкахъ но съ тѣмъ, чтобы приписывать ихъ своимъ

Генераламъ, своимъ Министрамъ и покрывать тѣмъ свои собственные промахи. Извѣстно что безпрестанныя жалобы и опроверженія столь же сильныя, какъ и основательныя, были дѣлаемы Генералу Бонапарте касательно его несправедливыхъ и пристрастныхъ бюлетеней; неоднократно оспоривали донесенія, въ коихъ успѣхъ какого либо дѣла былъ приписываемъ человѣку, почти въ немъ неучаствовавшему а о томъ, кто начальствовалъ, не упоминалось ни слова. Жалобы Офицеровъ и солдатъ принудили однажды Генерала Ланюсса сдѣлать возраженіе противъ измѣненнаго въ бюлетенѣ его донесенія о весьма важной битвѣ съ Арабами и довольно значительной потерѣ, которая была представлена совершенно ничтожною ошибкою. Показаніе исправили; но и возраженіе было сдѣлано съ благородствомъ и силою.

Бонапарте овладѣлъ Мальтою, какъ всякому извѣстно въ двое сутокъ. Владычество въ Средиземномъ морѣ, которое Англичане пріобрѣли чрезъ Абукирское сраженіе, доставило имъ возможность выжидать съ ихъ многочисленными крейсерами, пока голодъ принудитъ къ сдачѣ Генерала Вобуа, Коменданта Мальты. Этотъ Генералъ, совершенно оставленный и лишенный всякаго сообщенія съ Франціею, заключилъ капитуляцію 4 Сентября 1800 года и сдалъ Англичанамъ второй Гибралтаръ Среди-

земнаго Моря послѣ превосходной обороны, продолжавшейся около двухъ лѣтъ. Я долженъ былъ напомнить эти событiя, относящiяся къ тому, что слѣдуетъ ниже.

22 Февраля 1802 года нѣкто Г. Дубле, бывшiй Комисаромъ Французскаго Правительства въ Мальтѣ тогда какъ мы владѣли этимъ островомъ, пришелъ ко мнѣ въ Тюлiери. Онъ горько жаловался на переиначенiе въ *Монитёрѣ* письма, написаннаго имъ изъ Мальты Первому Консулу 20 Вантоза VIII года (9 Февраля 1800). «Я поздравлялъ его,» сказалъ Г. Дубле, «съ 18-мъ Брюмеромъ и изобразилъ ему положенiе Мальты, возбуждавшее сильныя опасенiя. Въ *Монитёрѣ* напечатали совсѣмъ тому противное и на это я жалуюсь. Это подвергло меня въ Мальтѣ многимъ важнымъ неудовольствiямъ, и меня обвиняли въ томъ, что я ложно представилъ настоящее положенiе этого острова, гдѣ я занималъ отъ правительства должность, придававшую вѣсъ словамъ моимъ.» Я отвѣчалъ ему, что не я редакторъ *Монитёра* и что ему не ко мнѣ слѣдовало обратиться. «Впрочемъ,» прибавилъ я, «дайте мнѣ копiю съ вашего письма, которое мнѣ трудно было бы у себя отыскать; я доложу Первому Консулу и сообщу вамъ его отвѣтъ.» Дубле началъ искать письма у себя въ карманѣ и не нашелъ его. Извинившись передо мною, онъ сказалъ, что немедленно

пришлетъ мнѣ копію съ письма и повторилъ просьбу свою о томъ, чтобы я развѣдалъ отъ чего произошла эта ошибка. Въ тотъ же день онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

ГРАЖДАНИНЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТНИКЪ,

«Спѣшу исправить забывчивость мою сего«дня утромъ, покорнѣйше прося у васъ въ оной «извиненія. Вотъ письмо, которое я имѣлъ честь «писать къ Первому Консулу узнавъ въ Мальтѣ «о счастливомъ переворотѣ 18 Брюмера.

Мальта, 20 Вантоза, VIII года.

ДУБЛЕ, КОМИСАРЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ МАЛЬТѢ.

Гражданину Бонапарте, Первому Консулу Республики.

«ГРАЖДАНИНЪ КОНСУЛЪ,

«Не получая болѣе года отъ Французскаго «Правительства никакого отвѣта на мои много«численныя депеши, я возъимѣлъ сомнѣнія о «жребіи Республики, потому что вы не нахо«дились уже болѣе въ Италіи; но узнавъ что «вы возвратились въ Тулонъ, я воскликнулъ: «*Республика спасена!* Любовь моя къ ней и «удивленіе мое къ вамъ были для меня вдохно«веніемъ: такъ, вы оправдаете это предсказаніе,

«ибо всѣ добрые Республиканцы съ радостью «повторяютъ: Онъ спасетъ, онъ утвердитъ Рес«публику.»

«*Спѣшите также спасти Мальту: людей и «продовольствiя; не должно терять времени* (*). «Прiобрѣтенiе оной для Республики было ваше «дѣло: ваша слава должна принять участiе въ «томъ чтобы она у насъ осталась, а этого до«вольно для нашего успокоенiя.

«Поклонъ и почтенiе.

ДУБЛЕ.»

«P. S.» Если вы желаете, Гражданинъ Госу«дарственный Совѣтникъ, имѣть другiя объясне«нiя, то я готовъ сообщить вамъ ихъ словесно «или письменно.

«Парижъ, 3 Вантоза X года.»

Вмѣсто словъ, означенныхъ мною косыми литерами, въ Монитёрѣ напечатано: *Имя его внушаетъ храбрымъ защитникамъ Мальты новое мужество; у насъ есть люди и продовольствiе.*

Незная причинъ такой странной перемѣны, я показалъ это письмо Первому Консулу. Онъ улыбаясь пожалъ плечами: «Не отвѣчай ему; онъ

(*) Достойно замѣчанiя что Дубле писалъ это черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того какъ Бонапарте увѣрялъ Генерала Дезе въ депешѣ отъ 12 Августа 1799, что Мальта снабжена продовольствiемъ на *два года.* Къ чему послужила эта ложь? Мальта была взята голодомъ.

глупецъ, не вмѣшивайся больше въ это дѣло.»

Ясно было что нечего дѣлать. Но я вовсе не виноватъ въ томъ, что съ Г-мъ Дубле сыграли такую дурную шутку: я далъ почувствовать Первому Консулу какимъ непріятностямъ этотъ Комисаръ могъ чрезъ то подвергнуться. Я рѣдко видѣлъ чтобы печатали письма или донесенія точно въ томъ видѣ какъ оныя были присланы; и имѣлъ случаи замѣтить сколько можно пріискать причинъ для оправданія такихъ подлоговъ. Когда однажды совратишься съ пути искренности и правдолюбія, то всѣ предлоги хороши для оправданія такого поведенія. Какую исторію написали бы, еслибъ справлялись съ однимъ только Монитёромъ!

По продолженіе Наполеонова Консульства на десять лѣтъ, онъ учредилъ 19 Маія Орденъ Почетнаго Легіона. За этимъ учрежденіемъ вскорѣ послѣдовало дворянство. Такимъ образомъ въ короткое время: Конкордатъ успокоилъ совѣсти и возстановилъ миръ въ Церкви; эмигранты были призваны обратно; продолженіе Консульства на десять лѣтъ приготовило Консульство по жизнь и Имперію и въ землѣ гдѣ не было больше никакихъ отличій, учредился Орденъ, долженствовавшій произвесть чудеса. Бурбоны, возстановивъ другіе уничтоженные Ордена, очень благоразумно оставили Орденъ Почетнаго Легіона.

Во многихъ обстоятельствахъ бывало что Первый Консулъ, поторопясь исполненiемъ своихъ замысловъ, отдѣлывался въ случаѣ неудачи тѣмъ что слагалъ вину на другаго, какъ онъ поступилъ напримѣръ въ дѣлѣ сравненiя между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте. Онъ такъ всегда спѣшилъ, что можно бы объ немъ сказать, еслибъ онъ былъ садовникомъ, что онъ хотѣлъ видѣть плоды зрѣлыми прежде чѣмъ дерево отцвѣтало. Эта безразсудная торопливость едва было не сдѣлалась пагубною учрежденiю Почетнаго Легiона, которое онъ имѣлъ у себя въ головѣ съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ Ордена въ петлицѣ и на груди Иностранныхъ Посланниковъ. Онъ часто твердилъ: «Это будетъ полезно! Такiя вещи нужны для народа!»

Признаюсь, что я былъ ревностнымъ защитникомъ учрежденiя во Францiи новаго Ордена, ибо во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ, глава онаго долженъ стараться поощрять честь гражданъ и дѣлать ихъ болѣе чувствительными къ почетнымъ отличiямъ, чѣмъ къ денежнымъ наградамъ. Но въ тоже время я старался дать почувствовать Первому Консулу, что онъ слишкомъ торопится; онъ меня не послушалъ и я съ тою же откровенностью долженъ сознаться что въ этомъ случаѣ, какъ ниже увидятъ, я скоро успокоился на счетъ послѣдствiя затру-

дненій, встрѣченныхъ имъ въ Совѣтѣ и въ Конституціонныхъ палатахъ.

4 Маія 1801 года, въ первый разъ было офиціяльно упомянуто въ Государственномъ Совѣтѣ объ учрежденіи Почетнаго Легіона, на счетъ коего воспослѣдовалъ указъ 19 числа тогоже мѣсяца. Сопротивленіе оному было очень сильно и вся власть Перваго Консула, убѣдительность его доводовъ, большое вліяніе его положенія, не могли пріобрѣсть въ Государственномъ Совѣтѣ болѣе 14 голосовъ изъ 24. Тѣже чувства обнаружились и въ Трибунатѣ, гдѣ проэктъ сей имѣлъ только 56 голосовъ противъ 38; и почти таже соразмѣрность оказалась въ Законодательномъ Корпусѣ, гдѣ голоса были 110 противъ 166. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ палатахъ, въ коихъ 394 человѣка подавали голоса, большинство оказалось всего только 78 голосами. Пораженный этимъ слабымъ перевѣсомъ, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Ахъ! очень вижу, что предубѣжденія еще слишкомъ сильны; ты правъ, мнѣ бы слѣдовало подождать. Это дѣло не къ спѣху; а притомъ надобно сказать что ораторы этого проэкта дурно его защищали. Противящіеся же оному неправильно объ этомъ заключили.—Будьте покойны,» отвѣчалъ я ему; «конечно лучше было бы подождать; но дѣло сдѣлано и вы увидите что склонность къ отличіямъ еще не истребилась:

она входитъ въ составъ человѣка. Вамъ должно ожидать важныхъ послѣдствій отъ этого учрежденія; вы сами увидите.»

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 года, Первый Консулъ устроилъ всѣ свои батареи для полученія себѣ пожизненнаго Консульства. Это, можетъ быть, та изъ эпохъ его жизни, въ которую онъ наиболѣе употреблялъ лживость и притворство, называемыя простымъ народомъ Махіавельскими правилами; никогда еще хитрость, ложь, коварство и наружная умѣренность не были употреблены съ бо́льшимъ талантомъ и успѣхомъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ больше ни о чемъ не толковали какъ о наслѣдственномъ правленіи и о династіи: Луціанъ былъ самымъ ревностнымъ распространителемъ этихъ мыслей и постоянно, искусно разсѣвалъ свое ученіе. Недавно напомнилъ я, что онъ, въ 1800 году, съ вѣдома своего брата, издалъ въ томъ же смыслѣ книжку, которую Бонапарте въ послѣдствіи неодобрилъ, какъ слишкомъ рано обнаруживающую его замыслы и что онъ удалилъ изъ Франціи Луціана, сдѣлавъ его Посланникомъ въ Испанію. Г. Талейранъ, бывшій всегда приверженцемъ Монархическаго правленія, заставлялъ говорить Европейскіе кабинеты. Повторяли слова прочность и порядокъ, долженствовавшіе въ послѣдствіи уничтожить народныя права; а Бона-

парте называлъ *идеологами* или *террористами* искреннихъ друзей Конституціонной свободы. Госпожа Бонапарте мужественно противилась вліянію этихъ совѣтовъ, которые она считала пагубными для своего мужа. Этотъ послѣдній рѣдко и съ небольшою довѣренностью разговаривалъ съ нею о политикѣ и о государственныхъ дѣлахъ. *Пусть она шьетъ и вяжетъ*, твердилъ онъ всегда. Объ учрежденіи наслѣдственнаго правленія наиболѣе старались Луціанъ, Рёдереръ, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Фонтанъ. Имъ содѣйствовало заключеніе съ Англіею мира, который, возстановивъ на время всеобщее спокойствіе, давалъ Первому Консулу возможность все предпринять.

Между тѣмъ какъ Первый Консулъ старался достигнуть престола Франціи,—братья его, а въ особенности Луціанъ, обнаруживали странную спѣсь и притязанія. Вотъ одинъ, почти невѣроятный оныхъ примѣръ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Въ Воскресенье 9 Маія, Луціанъ, посѣтилъ Г-жу Бонапарте, которая спросила у него: «Отъ чего вы не пріѣхали ко мнѣ обѣдать въ прошедшій Понедѣльникъ?—Потому что для меня не было назначено мѣста; братья Бонапарте должны имѣть послѣ него первыя мѣста.—Что я слышу,» отвѣчала ему Г-жа Бонапарте? «Но если вы братъ Наполеона, то вспомните чѣмъ

вы были; у меня всѣ мѣста равны. Евгеній никогда не сказалъ бы мнѣ такой глупости.»

Въ эту эпоху, когда пожизненное Консульство только что начинало зараждаться, совѣты стекались со всѣхъ сторонъ для поощренія наклонности Перваго Консула захватить неограниченную власть.

Свобода противилась этому и полагала преграды средствамъ, употребляемымъ имъ къ полному удовлетворенію своей непомѣрной любви къ войнѣ и къ завоеваніямъ. Онъ говорилъ мнѣ: «Десятилѣтіе для меня недостаточно: я считаю его способнымъ къ возбужденію безпрерывныхъ волненій.» Онъ сказалъ мнѣ 7 Іюля 1801 года: «Вопросъ о томъ, будетъ ли Франція имѣть Республику, еще подлежитъ сомнѣнію; это рѣшится не прежде какъ черезъ пять или черезъ шесть лѣтъ.» Ясно что и этотъ срокъ казался ему слишкомъ долгимъ. Онъ могъ полагать Францію своею собственностью или считать себя только уполномоченнымъ отъ народа и защитникомъ его правъ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что Первый Консулъ желалъ счастія Франціи; но это счастіе было въ умѣ его неразлучно съ неограниченною властью, которую только одну онъ считалъ способною основать и утвердить оное; и я съ огорченіемъ увидѣлъ его избравшимъ первую дорогу. Друзья свободы, которые искренно желали поддержать

Правительство, пользующееся Конституціонною свободою, допустили склонить себя на продолженіе еще десятью годами власти сверхъ десяти лѣтъ, первоначально назначенныхъ Конституціею. Они принесли эту жертву славѣ и мо-могуществу, бывшему оной послѣдствіемъ, вовсе не воображая, что они этимъ содѣйствуютъ кознямъ Бонапарте. Они крѣпко стояли на своемъ, но только на ту минуту и пожизненное Консульство было отвергнуто Сенатомъ, который прибавилъ лишь десять лѣтъ къ владычеству.

Первый Консулъ, увидѣвъ отложенною и можетъ быть на долго мечту своего честолюбія, скрылъ свое неудовольствіе съ тѣмъ глубокимъ искуствомъ, которымъ онъ обладалъ въ высшей степени когда не могъ сдѣлать иначе. Онъ далъ посольству, — присланному отъ Сената по случаю этого назначенія,—отвѣтъ приличный, но уклончивый и темный; и въ надеждѣ получить отъ народа больше чѣмъ онъ получилъ отъ Сената, объявилъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ: «Что онъ покорятся этому новому пожертвованію, если воля народа прикажетъ ему сдѣлать то, что опредѣлено Сенатомъ.» Таково было его благоговѣйное уваженіе къ волѣ народа, которую онъ скоро сбирался попрать ногами. Онъ показывалъ видъ, что не желаетъ получить себѣ власть

иначе какъ отъ народа, стараясь внушить, будто бы онъ считаетъ ее незаконною безъ его одобренія.

Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ въ чрезвычайное засѣданіе, въ Понедѣльникъ 10 Маія. Ему сообщили, не только Сенатскій указъ, но и коварный, искусный отвѣтъ Перваго Консула. Совѣтъ принялъ Сенатскій указъ только къ свѣдѣнію и занялся разсужденіемъ о томъ, въ чемъ будетъ состоять вопросъ, имѣющій быть предложеннымъ народу. Недовольствуясь предоставленіемъ Первому Консулу только на десять лѣтъ власти,—Государственный Совѣтъ разсудилъ, что должно ковать желѣзо пока горячо и не останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; а посему онъ опредѣлилъ, чтобы народу былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: *Будетъ ли Первый Консулъ наименованъ по жизнь, и предоставится ли ему право назначить себѣ наслѣдника?* Это показывало большое пренебреженіе къ Сенатскому указу со стороны такой палаты, которая достоинствомъ и властью своею была гораздо ниже Сената, если только существовали въ это время достоинство и власть въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ. Полицейскія донесенія также имѣли большое вліяніе на это заключеніе, ибо они единогласно говорили, что *весь Парижъ требуетъ пожизненнаго Консуль-*

ства съ правомъ назначенія наслѣдника. Отвѣтъ на эти два вопроса былъ взятъ какъ будто приступомъ; осаждающіе находились между собою въ согласіи, а осажденные были захвачены въ расплохъ. Пожизненное Консульство было опредѣлено единогласно; право назначенія наслѣдника, по большинству голосовъ. Но Первый Консулъ объявилъ, что онъ рѣшительно охуждаетъ послѣднюю изъ этихъ мѣръ, о которой съ его стороны даже не было и рѣчи.

Первому Консулу донесли о мнѣніи Государственнаго Совѣта; продолжая скрывать свой замыселъ къ достиженію самовластія и думая что ему слѣдуетъ для вида отвергнуть часть предлагаемаго ему, онъ вычеркнулъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта статью, относящуюся къ назначенію наслѣдника, утвержденную только слабымъ перевѣсомъ голосовъ. Онъ однако же заранѣе уговорился о томъ со своими пріятелями, которые сдѣлали это предложеніе въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ и все было условлено. Но встрѣченное въ Сенатѣ сопротивленіе пожизненному Консульству а еще того сильнѣйшее—праву назначенія наслѣдника, хотя сіе сопротивленіе и не поддержалось большинствомъ голосовъ, заставило его поудержаться, и въ офиціяльныхъ своихъ отвѣтахъ, въ рѣчахъ и въ дружескихъ разговорахъ, онъ прикрылъ свою неудачу гром-

кими словами *великодушія, безкорыстія и умѣренности.* Ни одинъ умный человѣкъ не былъ ими обманутъ.

Какъ уже начинали въ это время мало заботиться о формахъ, то новое опредѣленіе даже не было вновь представлено на разсужденіе а между тѣмъ написали: *Государственный Совѣтъ, слушавъ* и проч. Прекрасная вещь соблюденіе формы!

Какая странная борьба! Сенатъ, дающій десять лѣтъ болѣе противъ того, что предоставила Конституція; Государственный Совѣтъ, который, по видимому изъ собственнаго побужденія даетъ пожизненное Консульство, недовольствуясь тѣмъ, предоставляетъ Консулу право передачи власти, кому ему заблагоразсудится; а Первый Консулъ, принимая какъ будто съ принужденіемъ это пожизненное владычество, изъ притворной умѣренности отказывается передать оное. Черезъ два или черезъ три года, изъ этой борьбы великодушія, предложеній и отказовъ, произошло наисовершеннѣйшее самовластіе.

Первый Консулъ, какъ выше сказано, самъ исключилъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта статью о назначеніи наслѣдника; но онъ въ тайнѣ заставлялъ дѣйствовать всѣхъ тѣхъ, которые питали надежды войти въ довѣріе, получить мѣста и деньги. Мы каждый день по-

лучали отъ недогадливыхъ Префектовъ и другихъ властей, не понимавшихъ происходящаго, печатныя статейки, ими перехватываемыя и обращаемыя къ источнику оныхъ. Въ этихъ статьяхъ, столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ по своему слогу и формѣ, выставлялись права Перваго Консула на признательность народа, еще торжественнѣе той, которую являло предоставленіе ему пожизненнаго Консульства.

При описаніи Кампо-Формійскихъ переговоровъ изложены всѣ подробности заключенія и освобожденія Ольмюцскихъ плѣнниковъ. Читатели помнятъ сколько Генералъ Бонапарте принялъ на себя труда въ этомъ дѣлѣ и какое онъ показалъ величіе духа; онъ самъ признавался что изъ всѣхъ его требованій, это было наитруднѣйшее для исходатайствованія на оное согласія. Изъ данной этими Государственными плѣнниками подписки видно, что они остались въ нейтральной землѣ, не желая изъявить своего одобренія мѣрамъ, принятымъ во Франціи послѣ 18 Фруктидора. Г. Лафайетъ имѣлъ свиданіе съ Первымъ Консуломъ послѣ Маренгскаго сраженія; Бонапарте болѣе двухъ часовъ продержалъ его у себя. Я помню что по уходѣ его, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Изъ него нельзя ничего сдѣлать; онъ ничѣмъ не убѣждается и я объ этомъ жалѣю; это человѣкъ, ко-

тораго правила заслуживаютъ уваженiе, но онъ упрямъ и очень склоненъ къ преувеличеннымъ понятiямъ.»

Вскорѣ послѣ того, въ первыхъ числахъ Сентября 1800 года, Г. Лафайетъ былъ приглашенъ Iосифомъ на праздникъ, данный Американцамъ по случаю заключеннаго съ ними торговаго и дружественнаго договора. Первый Консулъ, которому все тогда удавалось и который имѣлъ причины быть довольнымъ, предложилъ Г-ну Лафайету помѣстить его въ Сенатъ. Г. Лафайетъ не принялъ этого предложенiя, но продолжалъ видаться съ Первымъ Консуломъ, сохраняя съ нимъ сношенiя основанныя на взаимномъ уваженiи. Эпоха, въ которую Бонапарте вознамѣрился прiобрѣсть пожизненное Консульство, положила конецъ этимъ сношенiямъ. Г. Лафайетъ не хотѣлъ допустить пожизненнаго Консульства иначе какъ съ условiемъ, чтобы политическая свобода была достаточно обеспечена и дабы оправдать свой отказъ на вопросъ: *Будетъ ли Наполеонъ Консуломъ на всю жизнь?* Г. Лафайетъ написалъ ему слѣдующее письмо:

Лагранжъ, 1 Прерiаля X года.

Генералъ,

«Если человѣкъ, обязанный вамъ признательностью и слишкомъ чувствительный къ славѣ «для того чтобы не любить вашу,—полагаетъ «ограниченiя при подачѣ въ вашу пользу сво-

«его голоса,—то эти ограниченія тѣмъ менѣе «подозрительны, что никто не будетъ болѣе «его радоваться увидѣвъ васъ по смерть пер«вымъ сановникомъ свободной Республики. 18-е «Брюмера спасло Францію и я былъ призванъ «обратно въ слѣдствіе великодушныхъ вашихъ «распоряженій. Консульская власть подъ руко«водствомъ вашего генія произвела великія ве«щи; но менѣе однакоже великія, чѣмъ каково бу«детъ возстановленіе свободы. Невозможно чтобы «вы Генералъ, принадлежа къ числу тѣхъ людей, «которые родятся вѣками,—захотѣли чтобы такая «Революція, столько побѣдъ и крови, столько стра«даній и чудесъ, не имѣли для свѣта и для васъ «другихъ послѣдствій, кромѣ введенія самовласт«наго Правительства. Французскій народъ слиш«комъ хорошо узналъ права свои для того что«бы невозвратно забыть оныя; но можетъ быть «онъ теперь болѣе способенъ чѣмъ въ эпоху «своего броженія, съ пользою воспріять оныя; «—и вы, силою вашего характера и общест«венной довѣренности; превосходствомъ вашихъ «талантовъ, вашего существованія и судьбины «можете—возстановивъ свободу, обуздать всѣ «опасности, разсѣять всѣ безпокойства. И такъ «патріотическія и личныя причины долженствовали бы заставить меня желать учрежде«нія для вашей славы постояннаго сана въ «Правительствѣ. Но правила, обязанности и всѣ

«дѣла моей жизни побуждаютъ меня—прежде «чѣмъ я подамъ въ пользу этого мой голосъ, «удостовѣриться что онъ будетъ утвержденъ на «основаніяхъ, достойныхъ народа и васъ.»

«Надѣюсь что вы повѣрите Генералъ, нынѣ «какъ и прежде, что къ постоянству моихъ по«литическихъ правилъ присоединяются искрен«нія желанія вамъ благъ и глубокое чувство «того, чѣмъ я вамъ обязанъ.».

«Почтеніе и поклонъ.

«*ЛАФАЙЕТЪ.*»

Къ этому письму былъ приложенъ слѣдующій голосъ:

Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте Консуломъ на всю жизнь?

«Не могу подать въ пользу такого сана мо«его голоса до тѣхъ поръ, пока политическая «свобода будетъ достаточно обеспечена: тогда я «подамъ мой голосъ за Наполеона Бонапарте.»

Первый Консулъ, какъ можно себѣ представить, вовсе не былъ доволенъ сомнѣніями Г. Лафайета; онъ прочиталъ его письмо съ нетерпѣніемъ и сказалъ мнѣ потомъ: «Я говорилъ тебѣ что Лафайетъ политическій мономанъ, упрямецъ; онъ меня не понимаетъ: я очень жалѣю ибо онъ честный человѣкъ. Я хотѣлъ сдѣлать его Сенаторомъ, онъ отказался. Тѣмъ хуже для него; я обойдусь и безъ его голоса.»

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ. Приложенные при сей части документы, заключаютъ въ себѣ существенную занимательность. Вопервыхъ любопытно видѣть, въ какихъ покорныхъ выраженіяхъ Гамбургскій Совѣтъ извинялся предъ Консулами въ несчастномъ дѣлѣ Напперъ-Тенди и Блаквеля. Потомъ не безполезно показать донесеніемъ Луціана о Пританеѣ и докладомъ Г-на Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи то, что хотѣли сдѣлать для устройства этихъ отраслей Правительства.

Мы приложили еще письмо Клебера какъ необходимое дополненіе къ тому, что Записки сіи заключаютъ въ себѣ любопытнаго о Египетскомъ походѣ; послѣ чего мы помѣстили также нѣсколько документовъ, касательно Марсиго, знаменитѣйшаго дня Консульства; и особенно въ бюлетенѣ объ этомъ днѣ читатели могутъ замѣтить нѣсколько официяльныхъ неправдъ, о которыхъ мы выше упоминали и которыя любопытно сличить съ истиною.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

АДРЕСЪ ВОЛЬНАГО ИМПЕРСКАГО ГОРОДА ГАМБУРГА КОНСУЛАМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

«Каковы бы ни были предубѣжденія, возбудившія ваше нерасположеніе къ сановникамъ города Гамбурга, а они не могутъ не обратиться къ вамъ подъ покровительствомъ недавно происшедшихъ въ Парижѣ счастливыхъ событій. При видѣ цѣлаго народа, предающагося самымъ лестнымъ, самымъ утѣшительнымъ надеждамъ, вы позволите намъ покрайней мѣрѣ раздѣлить оныя и возсылать обѣты о ихъ исполненіи.

«Вы слишкомъ просвѣщенны и слишкомъ справедливы для того чтобы не повѣрить искренности нашихъ чувствъ въ этомъ отношеніи и чтобы хоть на минуту усомниться въ участіи, принимаемомъ нами въ благоденствіи Французскаго народа.

«Несчастный случай задержанія и выдачи четырехъ Ирландцевъ, пагубный источникъ множества ошибокъ, гоненій и несправедливостей, кажется раздражилъ Директорію до такой степени что ей даже не благоугодно было замѣтить, сколь поведеніе наше было неукоризненно и ознаменовано величайшимъ, внимательнѣйшимъ уваженіемъ и осторожностью къ Правительству Республики.

«Пагубное стеченіе самыхъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ не дозволило намъ, правда, удовлетворить оному; но все однакоже доказало ему, что это сдѣлалось противъ нашей воли и что если мы, въ продолженіе многихъ лѣтъ представляли убѣдительнѣйшія доказательства привязанности нашей къ Республикѣ,

то покрайней мѣрѣ нельзя было счесть слишкомъ большою виною, если мы въ опасномъ, затруднительномъ случаѣ, понадѣялись на ея великодушіе и умѣренность.

«Однакожъ предъ людьми справедливыми и правдолюбивыми, одни дѣла должны говорить и для того, чтобы представить вамъ оныя, мы принимаемъ вольность сообщить вамъ здѣсь самыя обстоятельныя подробности.

«Изъ этихъ четырехъ человѣкъ, именуемыхъ Напперъ-Тенди, Блаквелемъ, Моррисомъ и Петерсомъ, только два первые могутъ обращать на себя ваше вниманіе; прочіе двое Моррисъ и Петерсъ признаны Посольствомъ Республики настоящими Великобританскими подданными.

«Ни въ какомъ актѣ, ни въ какой офиціяльной бумагѣ не сказано чтобы эти двое Моррисъ и Петерсъ находились въ службѣ Республики или принадлежали оной какимъ бы то ни было образомъ по гражданскимъ или военнымъ отношеніямъ. Министръ даже не требовалъ имъ свободы поименно или вообще. Всѣ акты и Министерскія ноты ограничиваются яснымъ требованіемъ свободы двумъ человѣкамъ по имени Напперъ-Тенди и Блаквелю.

«Исторія не представляетъ примѣра, чтобы воюющая Держава считала себя въ правѣ покровительствовать въ нейтральномъ государствѣ признаннымъ подданнымъ ея непріятеля. Дабы это себѣ дозволить, надобно было, до сихъ поръ, чтобы они покрайней принадлежали ей по узамъ гражданскимъ или военнымъ.

«Вы слишкомъ справедливы, Граждане Консулы и не вмѣните намъ въ преступленіе выдачу двухъ человѣкъ, которые безспорно принадлежали другой Державѣ и были совершенно чужды Республикѣ.

«И такъ единственно задержаніе и выдача Напперъ-Тенди и Блаквеля подлежатъ нашему разбору.

«Позвольте упомянуть здѣсь о предосторожности, которую гражданинъ Грувелль, Министръ Республики при Копенгагенскомъ Дворѣ, счелъ для нихъ нужною и которая, еслибъ ее употребило находящееся здѣсь Французское посольство, избавило бы насъ отъ многихъ хлопотъ и отъ всѣхъ бѣдъ, воздвигнутыхъ на насъ относительно ихъ страстями, заблужденіемъ и предубѣжденіями. Этотъ просвѣщенный Министръ, который ко-

нечно слишкомъ уважалъ Копенгагенское Правительство для того, чтобы страшиться со стороны онаго какого либо преступнаго насилія, счелъ однакоже ихъ подверженными такой точно опасности и требованія Британскаго Правительства столь основательными и законными, что для лучшаго сокрытія ихъ отъ преслѣдованій и поисковъ Министра сего Двора, онъ призналъ нужнымъ дать имъ убѣжище въ своемъ собственномъ домѣ.

«Они пріѣзжаютъ сюда, употребивъ по непостижимому ослѣпленію, хитрость, которая уже одна долженствовала подвергнуть ихъ опасности. Они знаютъ и видятъ, что всѣ Республиканскіе Французы и всѣ состоящіе въ службѣ Республики пользуются не только величайшею безопастностью въ нашемъ городѣ, но приняты въ ономъ съ отличіемъ и дружествомъ; — не смотря на сіе они забываютъ то, чѣмъ они обязаны самимъ себѣ, своей безопасности, своему званію, своей чести и прокрадываются тайкомъ какъ преступники въ нашъ городъ подъ ложными именами и званіями. Напперъ-Тенди принимаетъ имя Джонса и сказывается купцомъ, пріѣхавшимъ изъ Филадельфіи; Блаквель, назвавшись Бартелеми Блакфирстомъ, также выдаетъ себя за Американскаго купца.—Британскій Министръ офиціяльно требуетъ взятія подъ стражу и выдачи двухъ человѣкъ, подданныхъ Короля Великобританскаго, называющихся Джонсомъ и Бартелеми.—Всѣмъ извѣстно что въ Германіи вообще не отказываютъ требованіямъ Министровъ Иностранныхъ Дворовъ о выдачѣ людей ихъ Государства. Гражданину Рейнгарду, Министру Республики была оказана съ нашей стороны таже готовность. Полицейскій Офицеръ является сперва къ Джонсу и сказавшись кто онъ такой, спрашиваетъ у него объ имени; онъ отвѣтствуетъ что его зовутъ Джонсомъ. Въ слѣдствіе сего, ему объявляютъ взятіе его подъ стражу по требованію Англійскаго Министра, какъ подданнаго Короля Великобританіи. Онъ даже и тогда не сказываетъ о себѣ, и удерживая на себѣ личину, подвергается безъ ропота, безъ всякихъ объясненій и возраженій,—тому чего требуетъ Британское Правительство. — При немъ находятъ шпагу съ Ирландскимъ гербомъ.

«Какъ послѣ этого было сомнѣваться въ справедливости объявленія, сдѣланнаго Британскимъ Правительствомъ? Какъ предпо-

лагать чтобы Офицеръ, состоящій въ службѣ Республики, дозволялъ себѣ носить шпагу съ Британскимъ гербомъ?

«Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, по собственному его сознанію называемый Джонсомъ, по собственному его сознанію купецъ и по неоспоримымъ обстоятельствамъ подданный Короля Великобританскаго, самъ предается въ заключеніе по требованію Министра сего Государя.

«Взятіе подъ стражу было объявлено тѣмъ же образомъ и съ тою же предосторожностью человѣку, назвавшемуся Бартелеми Блакфирстомъ. Не прежде какъ по объявленіи ему задержанія и когда онъ сдѣлался уже плѣнникомъ требовавшаго Министра,—онъ поздно снялъ съ себя подложное имя и вдругъ вздумалъ выдать себя за Французскаго Офицера, не представляя однакоже тому никакого доказательства.

«Почти безполезно замѣчать, что еслибъ чрезъ такія поздніе и неудовлетворительныя показанія, люди могли избавляться отъ взятія ихъ подъ стражу, то всякой, перемѣнивъ имя и званіе, постарался бы избѣгнуть тѣмъ отъ самаго справедливаго и законнаго задержанія.

«Французское Посольство въ слѣдъ за симъ потребовало имъ свободы, какъ Офицерамъ Республики, снабженнымъ патентами. Министръ не счелъ нужнымъ ввѣрить намъ этихъ патентовъ и даже не сообщилъ намъ съ оныхъ копій; между тѣмъ какъ видимо было бы полезно доставить намъ средство немедленно доказать бумагами и завѣрить Британскому Правительству настоящія ихъ отношенія съ Республикою. Если же онъ считалъ преимуществомъ своего мѣста право требовать полной вѣры сдѣланному имъ офиціяльному объявленію, то ему бы слѣдовало покрайней мѣрѣ вспомнить, что этимъ онъ оправдывалъ таковыя же требованія Британскаго Министра.

«Сей послѣдній офиціяльно объявилъ ихъ подданными Великобританіи; онъ сказалъ это первый и продолжалъ въ томъ настаивать. Онъ офиціяльно назначилъ имена, подъ которыми они допустили взять себя подъ стражу. У Джонса нашли шпагу съ Британскимъ гербомъ. Позволительно ли намъ было, при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отказаться вѣрить офиціяльному объявленію Британскаго Министра и уважить только показанія Министра Республики?

«Англійскій Министръ, узнавъ о сопротивленіи Министра Республики, началъ требовать выдачи этихъ людей съ бо́льшею силою, присовокупивъ къ тому жесточайшія угрозы и заставивъ насъ страшиться величайшаго гнѣва со стороны его Правительства.

«Почтенные дипломаты утверждали, что всѣ эти обстоятельства и многіе примѣры въ исторіи, сильно склоняли въ пользу требованій Британскаго Правительства.

«Между примѣрами, въ особенности ссылались на задержаніе знаменитаго Тренка, который хотя и состоялъ въ службѣ Россіи, но былъ взятъ подъ стражу въ Данцигѣ по требованію Прусскаго Министра и выданъ ему какъ подданный Пруссіи.

«Не внявъ ни угрозамъ Англіи, ни всей силѣ ея убѣдительныхъ доводовъ, мы сочли что поступимъ наиболѣе удовлетворительнымъ для Франціи образомъ, предоставя рѣшеніе этого дѣла Государю, который будучи соединенъ съ Республикою мирнымъ, дружественнымъ договоромъ, имѣлъ одинаковую съ нами выгоду наблюдать и поддерживать правила самаго строгаго нейтралитета.

«Эти причины побудили насъ предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе Короля Прусскаго въ его качествѣ перваго Принца Нижне-Саксонскаго Округа и поручителя нейтралитета сѣверной Германіи.

«Не намъ принадлежитъ, Граждане Директоры, разбирать причины, воспрепятствовавшія Королю рѣшить это дѣло. Вамъ извѣстно что, не взирая на наши убѣдительнѣйшія просьбы, Король продолжалъ оставлять его нерѣшеннымъ.

«Императоръ Россійскій наконецъ принялъ въ немъ участіе и не ограничился однѣми пустыми угрозами. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безполезнаго нашего сопротивленія, мы должны были нести бремя самой суровой непріязни со стороны Россіи. Эскадры ея, владычествующія въ Сѣверномъ морѣ и предъ устьемъ Эльбы, похищали у насъ корабли. Извѣстія, столь же страшныя, какъ и достовѣрныя, заставляли насъ даже опасаться, если не совершеннаго занятія нашихъ владѣній Русскими войсками, то покрайней мѣрѣ вѣрной высадки ихъ въ окрестностяхъ и появленія ихъ какъ непріятелей предъ нашими воротами. Однакоже посреди сихъ безпокойствъ, долженствовав-

нихъ заставить насъ признать наше сопротивленіе совершенно безполезнымъ, и даже страшиться что даже подвергшись сами бѣдѣ, мы не успѣемъ спасти плѣнниковъ и удовлетворить тѣмъ Французское Правительство—ничего не было забыто для исходатайствованія покрайней мѣрѣ права удержать плѣнниковъ до заключенія мира. Мы просили о посредствѣ почти всѣхъ Державъ, но всѣ усилія оказались тщетными.

«Король Прусскій наконецъ объявилъ что ему неугодно рѣшить это дѣло. Такой неожиданный отказъ отъ столь великаго и столь могущественнаго Правительства послѣ столь долгаго и столь глубокаго молчанія въ такую притомъ эпоху, неизбѣжно долженствовалъ усилить и оправдать нашъ страхъ и открыть нашимъ глазамъ опасность далѣнѣйшаго сопротивленія.

Императоръ, глава Имперіи, въ тоже время присоединился къ требованіямъ своихъ союзниковъ, не скрывая отъ нихъ, что наше сопротивленіе должно кончиться, если мы не хотимъ быть къ тому принужденными Конституціонными законами Имперіи.

«Не смотря на всѣ это мы сдѣлали еще послѣднюю попытку, предложивъ что мы будемъ просить Правительство Республики объ обмѣнѣ этихъ плѣнниковъ на другихъ значительныхъ особъ, взятыхъ въ плѣнъ у союзныхъ Державъ. Но эта попытка не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, подобно какъ и все, до сихъ поръ нами сдѣланное.

«Мы однакожъ не вовсе отреклись отъ участія въ этомъ дѣлѣ и на сихъ дняхъ еще убѣдительно ходатайствовали у Британскаго Правительства о смягченіи жребія этихъ плѣнниковъ.

«Вотъ настоящія обстоятельства этого несчастнаго происшествія. Если вы разсмотрите ихъ безъ предубѣжденія, Граждане Консулы, и примите въ надлежащее соображеніе осторожность, которую предписываетъ намъ наше затруднительное и весьма опасное положеніе, то вы легко убѣдитесь что намъ совершенно было невозможно, послѣ цѣлаго года безполезныхъ усилій, продолжать наше сопротивленіе.

«Наша погибель и совершенное уничтоженіе были бы неизбежнымъ онаго слѣдствіемъ и даже вовсе безъ всякой пользы, какъ то нами доказано. Единственное средство отъ того избѣгнуть состояло въ томъ чтобы ввѣриться Французскому великодушію.

«Ласкаемъ себя надеждою что вы оправдаете, Граждане Консулы, возвратомъ вашей пріязни ту довѣренность, которую даже незаслуженная нами строгость Директоріи не могла изгладить изъ сердецъ нашихъ и уповаемъ что въ мудрости вашей, сообразивъ зрѣло все, вы не поколеблетесь прекратить суровыя мѣры, принятыя и предписанныя Директоріею противъ нашего города (*).

«Примите въ тоже время увѣреніе въ нашемъ глубочайшемъ почтеніи; дано съ приложеніемъ городской печати 16 Декабря 1799 года.

Бургомистръ и Сенатъ вольнаго Имперскаго города Гамбурга.

Ф. А. ВАГНЕРЪ, *Лиценціатъ и Главный Президентъ.*

ДОКЛАДЪ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ О ФРАНЦУЗСКОМЪ ПРИТАНЕѢ.

«ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

«Французскій Пританей замѣнилъ всѣ общественныя заведенія, которыя подъ названіемъ Коллегій, были посвящены въ Парижѣ народному образованію и составляли прежній Университетъ.

(*) Читатели видѣли какой повелительный отвѣтъ Бонапарте далъ Гамбургскому Сенату и какое было финансовое послѣдствіе этого дѣла.

«Послѣ жестокихъ потрясеній, уничтожившихъ столько другихъ заведеній, должно съ удовольствіемъ видѣть воздвигшееся такъ сказать посреди развалинъ, это послѣднее убѣжище для народнаго просвѣщенія; но чѣмъ сильнѣе чувствуешь его пользу, тѣмъ болѣе жалѣешь о томъ что несчастныя времена, поставившія столь великія препоны воспитанію во Франціи, дозволили сдѣлать только это слабое усиліе въ пользу онаго. Не смотря на постановленія, обеспечивающія молодымъ людямъ изъ Департаментовъ мѣста въ Пританеѣ, надобно сознаться что его вовсе нельзя считать мѣстнымъ заведеніемъ; а притомъ скудность доходовъ, назначенныхъ на его содержаніе и суммъ, отпускаемыхъ на оное Правительствомъ, весьма ограничиваютъ число получающихъ благодѣяніе воспитанія и не дозволяютъ образованію, тамъ даваемому, имѣть чувствительное вліяніе на многочисленное народонаселеніе Республики. Со времени уничтоженія сословія учителей, ученіе почти не существуетъ во Франціи. Не потому чтобы вовсе не было въ Парижѣ или въ Департаментахъ многихъ Профессоровъ искусныхъ и усердныхъ къ успѣхамъ ихъ науки; но эти драгоцѣнные люди, разсѣянные и разогнанные, не подаютъ другъ другу никакой помощи и похожи на искры, которыя не будучи соединены на одномъ очагѣ, изливаютъ только слабый, мерцающій свѣтъ. Остроумныя теоріи, полезныя методы, проходятъ вмѣстѣ съ тѣми, которые изобрѣли оныя; никакія преданія не составляются, никакая система не передается: опытность искуснаго учителя не послужитъ къ проложенію пути его преемникамъ, никто нейдетъ по слѣдамъ его и такъ какъ практическая часть воспитанія не основывается болѣе на привычкѣ и на подражаніи, то каждый, вступая на поприще съ одними только своими понятіями, на первомъ шагу видитъ себя подверженнымъ недоумѣнію, неопытности и случайности своихъ собственныхъ попытокъ. У великаго народа, коего учрежденія тверды, народное воспитаніе должно согласоваться съ этими учрежденіями; основанія онаго не могутъ быть предоставлены случаю; опредѣленіе или измѣненіе оныхъ не должно зависѣть отъ людей: здѣсь вещь существуетъ прежде чѣмъ человѣкъ; она не получаетъ отъ него ни направленія, ни формы; напротивъ она должна сообщить ему образованіе по постоянной системѣ.

«Пританей, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ, не въ состоянiи достигать этой цѣли. 1-е Заведенiе только одно и потому можетъ принимать лишь весьма малое число воспитанниковъ. Изъ опытовъ извѣстно что число учениковъ въ какомъ либо училищѣ никогда не должно превосходить двухъ сотъ. 2-е Если ограничиться принятiемъ въ оное только имѣющихъ право на безденежное воспитанiе, то изъ сего произойдетъ что ребенокъ, родившiйся со счастливыми способностями и коего семейство пользуется честнымъ избыткомъ, будетъ лишенъ выгодъ общественнаго воспитанiя и приведенъ въ необходимость заимствовать въ родительскомъ домѣ или подъ руководствомъ частнаго наставника—домашнiе предразсудки и мѣстныя привычки, которыя нѣкогда отдѣлятъ его по нравамъ отъ прочихъ его соотечественниковъ, удалятъ отъ дѣлъ и такъ оказать содѣлаютъ его чуждымъ между его ближними и въ собственномъ его отечествѣ.

«Должно поспѣшить, Граждане Консулы, помочь этимъ неудобствамъ и умножить общественныя учебныя заведенiя, сколько нынѣ дозволяютъ обстоятельства до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно сдѣлать число оныхъ соразмѣрнымъ съ потребностями многочисленнаго народа, обитающаго на обширномъ пространствѣ земли. Можно бы напримѣръ раздѣлить Пританей на четыре Коллегiи, помѣстивъ одну изъ нихъ въ Парижѣ въ нынѣшнемъ зданiи Пританея; а прочiя въ Фонтенбло, въ Версалѣ и въ Сен-Жерменѣ; предоставя право на вступленiе въ оныя исключительно неимущимъ дѣтямъ, военныхъ убитыхъ на полѣ сраженiя и гражданскихъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ.

«Годовые доходы Пританея и отпущенные сему заведенiю въ VIII году на поддержку 200,000 франковъ, употреблялись бы на содержанiе учениковъ, помѣщаемыхъ отъ Правительства; но дабы по возможности благопрiятствовать распространенiю свѣдѣнiй и просвѣщенiя, можно дозволить принятiе въ эти заведенiя постороннихъ пансiонеровъ съ ежегодною платою той суммы, которой стоитъ содержанiе каждаго воспитанника. Плату сiю можно назначить тысячу франковъ для Парижа и восемь сотъ франковъ для другихъ Коллегiй.

«Въ послѣдствiе сего предлагаю вамъ; Граждане Консулы:

1-е Раздѣлить Пританей на четыре Коллегiи, коихъ число

можно послѣ увеличить, соразмѣрно съ воспитанниками.

2-е Опредѣлить въ каждой изъ этихъ Коллегій сто мѣстъ, содержимыхъ отъ Правительства и исключительно предоставленныхъ бѣднымъ дѣтямъ, умершихъ на службѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

3-е Дозволить принятіе въ эти Коллегіи воспитанниковъ съ платою по 800 и по 1000 франковъ. Чрезъ это, Граждане Консулы, учредится во Франціи преобразованіе учебной части. Общественныя награды обратятся на тѣхъ, которые всегда долженствовали бы быть предметами оныхъ и частные люди пріобрѣтутъ средства воспитывать дѣтей своихъ въ постоянно учрежденныхъ школахъ; и это средство неограниченно; ибо по мѣрѣ поступленія своекоштныхъ пансіонеровъ, можно будетъ увеличивать число Коллегій.

ЛУЦІАНЪ БОНАПАРТЕ.

ДОКЛАДЪ Г. ТАЛЕЙРАНА О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ДИПЛОМАТІИ ВО ФРАНЦІИ.

«Во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ существуетъ духъ, свойственный каждой отрасли управленія. Духъ сей даетъ единство, единообразіе и энергію управленію дѣлами; онъ сообщаетъ преданіе обязанностей и поддерживаетъ чувство и исполненіе оныхъ; онъ привязываетъ и управленія и чиновниковъ, оныя составляющихъ къ Правительству, служащему цѣлью, къ которой направляются всѣ соревнованія, какъ къ источнику всѣхъ степеней отличія, коими всякой желаетъ воспользоваться.

«Революція, уничтоживъ прежнее Правительство, нашла упра-

вленія, столь напитанныя духомъ, мною упомянутымъ, и столь неизмѣнно направленныя къ цѣли, мною изображенной, что не въ состояніи будучи перемѣнить ни сего духа, ни сего направленія,—она принужденною нашлась уничтожить всѣ существовавшія управленія; но при замѣнѣ оныхъ новыми учрежденіями, занялись одною только матеріяльною частью. Предполагали что въ производствѣ дѣлъ все ограничивается простыми законами и небольшимъ числомъ удобоисполнимыхъ правилъ и постановленій. Думали что усердіе есть вездѣ и можетъ все сдѣлать; устранили вмѣстѣ съ прежнимъ порядкомъ вещей, какъ понятія іерархическія и духа сословій,—степени познаній, титла повышеній и права необходимой опытности. Не колелюсь объявить, что одна эта причина, дѣйствуя вдругъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, была достаточна для того чтобы замедлить эпоху ихъ образованія, чтобы поразить всѣ оныя непостоянствомъ, безплодіемъ, чтобы повсюду содержать дѣла въ состояніи недоумѣнія, сборы въ неудовлетворительномъ положеніи, расходы въ злоупотребленіяхъ и безпорядкѣ, партіи въ безпрестанной смѣлости и наглости а Правительство въ постоянной зависимости и измѣнчивости.

«Одинъ только духъ управленія, повсюду учрежденный въ разнообразныхъ видахъ смотря по обязанностямъ, налагаемымъ каждымъ управленіемъ,—можетъ все поставить на прежнія мѣста; утверждая неизмѣнно отношенія управленій всѣхъ отраслей власти, и отношенія всѣхъ частей управленія на общей системѣ образованія Государства, управленіе есть посредникъ, сближающій начальниковъ съ подчиненными и узелъ, связывающій частныя выгоды съ общею пользою; оно есть точка соприкосновенія и союза между общественною и частною властью.

«Одинъ только есть способъ учредить и утвердить въ каждомъ управленіи духъ, оному свойственный: способъ сей состоитъ въ системѣ повышеній, разсудительно и неизмѣнно исполняемой.

«Управленіе, не имѣющее системы повышеній, не имѣетъ и настоящихъ чиновниковъ. Люди, въ ономъ служащіе, суть наемники, не видящіе предъ собою никакой цѣли, вокругъ себя никакого обеспеченія, а подъ собою никакихъ причинъ къ увѣренности, никакихъ пружинъ соревнованія, никакого духа подчиненности.

«Въ такомъ управленіи не существуетъ никакого духа, никакой чести званія; хоть и говорятъ въ немъ что любятъ Республику; но единственный способъ съ пользою любить ее, состоитъ въ томъ чтобы имѣть привязанность къ тому положенію, въ которомъ ей служишь: и какъ безъ надежды къ повышенію нельзя быть увѣреннымъ и на счетъ того положенія, въ которомъ находишься, то къ нему не возможно возъимѣть привязанность.

«Система повышеній есть въ рукахъ Министра единственное оружіе, посредствомъ коего онъ можетъ отражать честолюбивую неспособность, освобождаться отъ докукъ покровительствующихъ оной, вводить въ силу опытность, таланты добродѣтели и подчинять важное право опредѣленія къ мѣстамъ—справедливости и разборчивости.

«Всякое управленіе имѣетъ степени. Правила каждаго управленія распредѣляются по степенямъ его; изъ совокупности оныхъ составляетя общій духъ управленія.

«Вся сила управленія заключается въ его основныхъ правилахъ: и такъ наблюденіе сихъ правилъ составляетъ душу, жизнь, энергію каждаго управленія а соглашенныя силы всѣхъ управленій составляютъ совокупную силу Государства.

«Эта послѣдняя сила есть великій результатъ; но достигнуть онаго нельзя иначе какъ чрезъ заботливость о составныхъ ея частяхъ. И такъ прежде всего должно озаботиться соблюденіемъ основныхъ правилъ каждаго управленія и каждой степени онаго.

«Вотъ доказательство необходимости системы повышенія. Каждому должностному человѣку прежде всего слѣдуетъ напитаться всѣми правилами своей службы; ему слѣдуетъ пройти всѣ степени оной; и по возвышеніи своемъ онъ долженъ оставить преемникамъ своимъ залогъ правилъ, который былъ ему ввѣренъ, принимая самъ тотъ, который оставляютъ ему его предшественники;—словомъ сказать надобно чтобы тотъ же духъ былъ сохраняемъ во всѣхъ степеняхъ, между тѣмъ какъ производство и повышеніе одушевляли бы служащихъ.

«Обращаюсь теперь къ системѣ, которая кажется мнѣ наиболѣе приличною для Департамента Внѣшнихъ Сношеній.

«Какъ система повышеній долженствуетъ быть учреждена

наиболѣе для того, чтобы утвердить жребій чиновниковъ чрезъ постоянное существованіе духа и чести своего званія, привязывающихъ каждаго къ своему положенію, то слѣдуетъ сказать въ чемъ должны состоять духъ и честь чиновника, употребленнаго въ Министертвѣ Внѣшнихъ Сношеній.»

«Отъ всѣхъ чиновниковъ Республики требуется испытанный патріотизмъ. Духъ и честь всѣхъ родовъ Государственной службы предполагаются заключающими въ себѣ это общее качество; оно есть общее и не можетъ составлять отличительнаго свойства какого либо рода службы.

«Въ составъ духа и чести той службы, которая составляетъ предметъ сей статьи, входятъ два разряда качествъ: душевныя и умственныя.

«Къ первому разряду принадлежатъ: 1. Осторожность; 2. Скромность; 3. Непоколебимое безкорыстіе; 4. Наконецъ, нѣкоторая возвышенность чувствъ, заставляющая постигать сколь важна обязанность представлять свое отечество за границею и блюсти внутри Государства его политическія выгоды.

«Во второмъ разрядѣ находятся: 1 склонность ума къ изученію политическихъ сношеній; 2 необходимая способность къ тому чтобы хорошо и быстро постигать предметы, ибо ни въ какой другой службѣ не встрѣчается столь внезапныхъ и нетерпящихъ отлагательства занятій. 3 Нѣкоторую обширность въ понятіяхъ, ибо въ этой части, всѣ подробности относятся къ обширному цѣлому.

«Есть еще можетъ быть третій разрядъ качествъ, долженствующій присоединяться къ двумъ первымъ; я разумѣю здѣсь все, относящееся къ искуству въ произвожденіи дѣлъ. Оно необходимо какъ внутреннимъ такъ и внѣшнимъ агентамъ управленія; ибо если послѣднимъ поручается дѣйствовать, то первые болѣе или менѣе участвуютъ въ даваемомъ имъ направленіи. Это качество составляетъ особый разрядъ ибо оно есть слѣдствіе ума и характера.

«Эти соединенныя и обработанныя качества составляютъ умъ и честь званія. Чрезъ оныя учреждаются между разными чиновниками сношенія уваженія и пріязни; между начальниками и подчиненными сношенія привязанности, покровительства и соревнованія; чрезъ нихъ же возбуждается въ чиновникахъ

вѣрность и уваженіе къ Правительству а въ сношеніяхъ публики со служащими, довѣренность и уваженіе.

«Министръ предлагаетъ систему повышеній, сообразную съ духомъ сего доклада.

«По сему проэкту для политическихъ агентовъ будетъ четыре степени: 1. Секретари Посольства втораго разряда; 2. Таковыеже перваго разряда; 3. Полномочные Министры; 4. Посланники.— Въ Департаментѣ Внѣшнихъ Сношеній учредится учебное заведеніе для молодыхъ людей, которыхъ въ послѣдствіи можно было бы употреблять въ Канцеляріяхъ и при посольствахъ. По надлежащемъ ихъ пріуготовленіи, они получатъ званіе воспитанника, которое будетъ первымъ чиномъ ихъ по службѣ.

«Каждому чину будетъ назначено содержаніе независимо отъ того, которое предоставлено мѣсту; вызванный обратно агентъ лишится только того содержанія, которое онъ получалъ по занимаемой имъ должности, сохранивъ жалованье свое по чину до опредѣленія его вновь къ какому либо мѣсту: его нельзя отставить и лишить чиновъ безъ повелѣнія Перваго Консула по докладу Коммисіи, составленной изъ чиновниковъ, по одному каждой степени. Чинами будутъ равно пользоваться какъ внѣшніе агенты такъ и служащіе внутри Государства при Департаментѣ, такъ что Правители Канцелярій будутъ сравнены съ Секретарями Посольства перваго класса; начальники отдѣленій съ Полномочными Министрами; а Министръ Внѣшнихъ Сношеній будетъ имѣть степень Посланника. Нѣсколько лѣтъ службы въ каждомъ чинѣ будетъ опредѣлено для достиженія высшаго чина. Половина жалованья или полный окладъ онаго будутъ предоставлены при отставкѣ чиновнику, прослужившему 20 или 25 лѣтъ; соразмѣрный вычетъ изъ содержанія политическихъ агентовъ послужитъ средствомъ къ удовлетворенію издержекъ по этимъновымъ распоряженіямъ.

К. ТАЛЕЙРАНЪ.»

Digitized by Google

О СОСТОЯНІИ ФРАНЦІИ съ 18 БРЮМЕРА Соч. РЕНІО ДЕ СЕН-ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ.

«Старинная пословица, что зло приходитъ бѣгомъ а добро медленно какъ черепаха, очень можетъ быть сочтена, подобно многимъ другимъ, пустымъ возгласомъ и чертою мизантропіи.

«Какова была картина Франціи четыре мѣсяца тому назадъ? Какова она теперь? Думаю что противоположность, являющаяся при сравненіи этихъ двухъ, столь близкихъ между собою временъ, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ опроверженій этой старинной поговорки.

«Въ отношеніяхъ дипломатическомъ, финансовомъ, общественномъ и военномъ, эти двѣ эпохи различествуютъ между собою столько какъ характеры двухъ разныхъ народовъ и исторія двухъ, отдаленныхъ между собою вѣковъ.

«Изображая Францію въ томъ видѣ, въ которомъ она нынѣ существуетъ—я естественнымъ образомъ приведу на память черты, которыя еще недавно сообщали ей стѣсненное и бѣдственное положеніе, подавляя всѣ пружины ея силы, и дурное направленіе, которое представляло ее Европѣ въ невыгодномъ видѣ, вредя совокупности сношеній, связывающихъ ее съ другими Государствами.

«До 18 Брюмера, наиболѣе общее мнѣніе во Франціи и внѣ оной было то, что главныя препоны къ возстановленію мира, происходили отъ Франціи. Блескъ нашихъ побѣдъ, доставляя веденію войны самыя богатыя жатвы славы, которыя когда либо были пріобрѣтаемы какимъ либо народомъ, — придавалъ большую вѣроподобность этому мнѣнію, а постоянство Французовъ послѣ довольно длинной цѣпи неудачъ, также содѣйствовало къ поддержанію онаго. Одной минуты было достаточно для выведенія Европы изъ заблужденія: главою правленія сдѣлался мужъ, коего постоянно великодушное расположеніе, и отличная умѣренность обнаружили истинную цѣль побѣдъ Франціи и коего возвратъ далъ почувствовать что отсутствіе его было одною изъ главныхъ причинъ нашихъ бѣдствій. Побѣда возвратилась къ нашимъ знаменамъ и желаніе мира было объявлено; всѣ Французы одобрили сіе желаніе, ибо голосъ, оное

объявившій, возбуждалъ воспоминанія, которыя представляли миръ сей какъ новую славу къ пріобрѣтенію, какъ прекраснѣйшее завоеваніе къ сохраненію. Вся Европа повѣрила искренности этого желанія, ибо нельзя неповѣрить ручательству великаго характера и нельзя не внять тому, что происходитъ отъ единодушныхъ чувствъ великаго народа.

«Мнѣніе о Франціи столькоже перемѣнилось какъ и мнѣнія самихъ Французовъ: когда послѣднія успокоились и соединились, то и первое потеряло свою неопредѣлимость и недоумѣніе; ненависть и недовѣрчивость Европы исчезли при видѣ народа, желающаго хорошо жить со своими друзьями, возстановивъ между собою и своими непріятелями великіе законы общественнаго права, безъ которыхъ не существуетъ никакой чести въ войнѣ и никакого обезпеченія въ мирѣ; хотящаго возобновить отношенія добраго согласія и искренняго союза, которыя одни только даютъ жизнь правамъ, обязанностямъ и обоюднымъ выгодамъ; желающаго наконецъ, быть независимымъ, располагать своимъ жребіемъ и не мѣшаться ни въ чью судьбу.

«Таково теперь положеніе Франціи въ политическомъ отношеніи. Финансовое отношеніе представляетъ не менѣе того ощутительное улучшеніе.

«Упадокъ финансовъ есть, изъ всѣхъ безпорядковъ тотъ, который распространяется съ наибольшею быстротою; онъ также есть тотъ, коего наитруднѣе опредѣлить причины и пріискать средства къ исправленію. Но для всѣхъ, хотя и несвѣдущихъ по этой части, существуетъ удобопостижимая истина, что есть степень въ злѣ, на которой, если оное не усиливается, то сіе означаетъ уже исцѣленіе. Теперь Франція достигла этой степени. И такъ достаточно будетъ сказать,—что со времени учрежденія новаго Правительства, разстройство не увеличилось—для удостовѣренія что оно достигло или скоро достигнетъ конца своего.

«Есть еще другая истина, не менѣе исполненная надеждъ и состоящая въ томъ что чрезъ учрежденіе порядка въ финансахъ, дается жизнь всѣмъ способамъ и водворяется бережливость во всѣхъ расходахъ. Четыре мѣсяца уже, какъ Правительство неутомимо занимается тѣмъ чтобы все устроить: отсюда проистекаетъ множество послѣдствій, коихъ благодѣяніе уже ощущаемо и

множество другихъ послѣдствій, отъ коихъ люди свѣдущіе въ дѣлахъ ожидаютъ съ полною увѣренностью возстановленія кредита. Какъ послѣдствія сіи не могутъ быть вполнѣ здѣсь изложены, то достаточно вкратцѣ выставить оныя.

«1-е. Бездна, въ которую Государство едва не низверглось— измѣрена; причины, которыя своимъ пагубнымъ сцѣпленіемъ, еще болѣе чѣмъ своею важностью содѣйствовали бѣдѣ—открыты, узнаны и оцѣнены; научились наконецъ расчислять опасности и средства спасенія и не отчаяваться въ водвореніи общественнаго благосостоянія.

«2-е. Невѣжество, робость и криводушіе унижали Правительство, стѣсняли объемъ его видовъ и сферу его дѣйствій; распоряженія его были только частныя, нерѣшительныя. Оно обѣщало обеспеченія, которыхъ не могло дать; и отнимало ихъ и для того чтобы опять предоставить. Раздраженное чувствомъ нищеты и потерявъ стыдъ, оно поставило себя между бичемъ несостоятельности и прекращенія службы; это были два утеса, о которые неизбѣжно бы разбился корабль Государства. Правительство перешло въ лучшія руки; его первыя мѣры ознаменовались мужествомъ и правдолюбіемъ. Успѣхъ этихъ мѣръ послужилъ доказательствомъ его свѣдѣній, давъ послѣдовательность и общность его дѣйствіямъ. Не стану описывать здѣсь его способовъ; объ оныхъ можно судить по результатамъ. Подати уплачены, недочеты уменьшились; перестали основывать расчеты свои на страхѣ а начали ожидать выгодъ отъ исполненной надеждъ будущности; курсъ поднялся, должности служащихъ учредились, и проч.

«3-е. Уплата нынѣ податей, безъ перемѣны теоріи оныхъ, подтвердила слишкомъ мало извѣстную истину, что погрѣшности всякой системы налоговъ состоятъ менѣе въ теоріи законовъ о податяхъ, чѣмъ въ видахъ общественнаго состава и въ обстоятельствахъ при исполненіи сихъ законовъ. Причемъ обнаруживалась еще и другая истина, что подать, внесенная и употребленная на уплату жалованья за службу Государству, есть одинъ изъ главныхъ движителей промышлености, одинъ изъ величайшихъ возстановителей кредита,

«Упадокъ общественнаго кредита есть непосредственное слѣдствіе прекращеніе оборота денегъ. Сравните Правительство, по-

лучающее доходы, съ богатымъ частнымъ человѣкомъ, который отвсюду получаетъ деньги и самъ немедленно уплачиваетъ по своимъ обязательствамъ; это приводитъ въ сильное движеніе огромную денежную машину; платящіе и получающіе деньги, находящіеся чрезъ сіе въ соприкосновеніи съ Правительствомъ, входятъ въ соприкосновеніе между собою. Промышленость оживляется, поощряя повсюду къ работѣ; деньги обращаются, издѣлія мѣняются и всеобщій кредитъ установляется на основаніяхъ, тѣхъ же самыхъ, на которыхъ утвержденъ кредитъ Государства.

«Я бы могъ болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, но перехожу къ виду общественнаго отношенія, въ которомъ представляется нынѣ Франція. Эту обязанность пріятно бы исполнить еслибъ не было столькоже невозможно какъ и излишне все говорить. Кого нужно извѣщать о томъ, что Французы избавлены отъ нестерпимой необходимости взаимно другъ друга ненавидѣть, единственно уже потому что они не подвержены болѣе постыдной необходимости другъ друга бояться? Что непріязнь ихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе переходитъ въ одни только воспоминанія; что эти воспоминанія нѣкогда погрузятся въ забвеніе; что судя наконецъ здраво о своихъ выгодахъ и о своихъ чувствахъ, они не ошибаются болѣе на счетъ опасности раздоровъ и на счетъ несовмѣстности духа партій съ ихъ характеромъ. Теперь, права, дававсмыя свободою и обязанности, ею предписываемыя—извѣстны; нельзя болѣе употреблять оную во зло для возбужденія къ ней презрѣнія или ненависти. Ее знаютъ потому что ею наслаждаются безъ тревоги, потому что нельзя и не хотятъ воспрепятствовать другимъ оною наслаждаться. Мнѣнія перемѣнились потому что въ чувствахъ произошло улучшеніе. Наконецъ просвѣтились потому что стали лучшими.

«Отъ чего произошла такая перемѣна? Отъ одной причины: Правительство воспріяло всю власть, ему принадлежащую а люди потеряли вмѣстѣ съ возможностью дѣлать зло, охоту вредить другъ другу. Эта охота неестественна; благоволеніе и правосудіе болѣе свойственны устроенію сердца человѣческаго. Правительство явило свое благоволеніе и правосудіе; а Французы естественнымъ образомъ обратились къ прежнимъ своимъ вне-

чатлѣнiямъ и согласiю съ онымъ; они съ удовольствiемъ увидѣли что хорошiе законы исполняются и что никто не покушается препятствовать ихъ исполненiю или преувеличивать оные: они увидѣли передѣлку дурныхъ законовъ съ одобренiемъ и даже съ признательностью. И могло ли это быть иначе? Развѣ свобода каждаго не выигрываетъ при предоставленiи общей свободы? Какой нибудь пагубный законъ, коему я нынче не подвергаюсь, развѣ не угрожаетъ мнѣ въ будущемъ? И въ томъ положенiи, изъ котораго мы недавно вышли, какой человѣкъ могъ избѣгнуть опасности законной опалы? Искреннѣйшiй другъ свободы, великодушнѣйшiй защитникъ земли своей могли—въ ту самую минуту какъ одинъ изъ нихъ защищалъ народныя права а другой проливалъ кровь за свободу—увидѣть имена свои внесенными въ тотъ роковой списокъ, который теперь можно назвать безъ ужаса и который въ рукахъ изувѣровъ, могъ со временемъ сдѣлаться памятникомъ осужденiя всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ талантовъ, и всѣхъ услугъ, оказанныхъ отечеству.

«Общественное устройство Францiи также представляетъ дѣйствiя Правительства къ преобразованiю чувствъ Французовъ; а эти послѣднiя производятъ преобразованiе въ общественныхъ мнѣнiяхъ. Порядокъ и свобода соединились для произведенiя сихъ счастливыхъ послѣдствiй; частныя предубѣжденiя разсѣялись, общественныя страсти угасли и наименованiя остались въ однихъ только разсказахъ о прошедшемъ. Клевета, ненависть, даже самое междоусобiе, не имѣя болѣе цѣли, сами собою прекратились; Граждане въ лонѣ Францiи, не захотѣли болѣе проклинать и сражаться когда увидѣли что они могли проклинать и сражаться только съ Французами.

«Мнѣ бы слишкомъ много пришлось говорить о военномъ видѣ Францiи; я скажу одно только слово; онъ величественъ, знаменитъ и страшенъ. Французскiя армiи пополнены наборами и усилены безъ отягощенiй; междоусобная война на западѣ не уменьшила число нашихъ защитниковъ: миръ, оную окончившiй, увеличилъ число ихъ. Армiи Республики снабжены продовольствiемъ для похода; вѣры приняты для обеспеченiя жребiя всѣхъ воиновъ, сражавшихся за свободу. Новые Полки, которые недоброжелательное и неспособное Правительство учредило

вновь для того, чтобы имѣть случай привести въ разстройство управленіе тѣми, которые уже существовали и лишить должностей часть состоящихъ въ службѣ Офицеровъ—уничтожены и размѣщены въ старые Полки. Командиръ Бригады, Капитанъ, Фельдфебель увѣренъ что онъ будетъ повышенъ соразмѣрно со своею службою, талантами и что безъ всякой причины его не понизятъ. Національныя награды будутъ даваемы Офицерамъ, солдатамъ которые отличатся. Тотъ кто служилъ Республикѣ, кто былъ раненъ на службѣ ея, пріобрѣтетъ неизмѣнныя права на честь и славу. Общественное мнѣніе, согласно съ воинскими законами, утвердитъ отличія, оными даруемыя. Уваженіе, пріобрѣтенное вообще солдатами, составляющими армію, отразится на каждомъ изъ нихъ. Уваженіе, которое въ слѣдствіе нашихъ побѣдъ, въ слѣдствіе мира и общественнаго благосостоянія составитъ славу и награду Правительства, достанется по справедливому раздѣлу и всѣмъ гражданамъ, которые содѣйствовали оному своими мнѣніями, желаніями, усиліями или пожертвованіями.

«Во всякомъ событіи, могущемъ считаться результатомъ единодушія общихъ расположеній націи есть та выгода, что тотчасъ видно то что всѣ вынерываютъ и что тщетно стали бы искать основательныхъ причинъ къ безпокойству или къ жалобамъ. Я изложилъ конечно слишкомъ поверхностно, но съ вѣрностью, перемѣны, представляемыя Франціею въ четырехъ главныхъ ея отношеніяхъ; обративъ на этотъ предметъ вниманіе и разсмотрѣвъ разнообразныя выгоды, связывающія различныя сословія гражданъ съ переворотами общественной судьбы, не трудно будетъ изъ сего общаго воззрѣнія вывести причины, побуждающія каждое сословіе и даже каждаго человѣка, присоединиться чувствами довѣренности и надежды къ настоящему порядку вещей.

«Людямъ, которымъ Революція надоѣла, можно сказать: она кончилась, пружины ея ослабли, страсти ея угасаютъ; не возбуждайте ихъ вновь выставляя ихъ насилія и буйства. Добро, отъ нея оставшееся, есть общее достояніе; самое пагубное зло, ею произведенное, состоитъ въ томъ, что она раздѣлила, ожесточила сердца. Отсюда проистекли всѣ буйства, всѣ волненія, всѣ безпорядки, которые нарушили ваше спокойствіе и утомили

ваше терпѣніе. Теперь не существуетъ уже болѣе политической ненависти, не существуетъ болѣе причинъ къ раздраженію за мнѣнія или противъ оныхъ: всегда будутъ существовать люди недоброжелательные, ненавистливые и злые; но имъ уже нельзя будетъ прикрывать свои виды предлогомъ общественной пользы, выдавать свою ярость за добродѣтели, а вашу добродѣтель ставить вамъ въ преступленіе; они отнынѣ будутъ обузданы закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ ваши выгоды.

«Людямъ, которые были увлечены Революціею, можно сказать: обратитесь подобно ей, къ ея цѣли, къ ея духу, къ ея правиламъ. Вы были возмущены противъ прежняго Правительства, болѣе не существующаго, противъ надменности сословія, уже уничтоженнаго, противъ нестерпимыхъ злоупотребленій, о коихъ едва сохранилось воспоминаніе. Но неужели вы хотите чтобы отсутствіе или непрочность Правительства возродило опять зло, усилило партіи, замѣнило новыми злоупотребленіями старыя? Нѣтъ не таково ваше желаніе, но таково обвиненіе которымъ мирная, разсудительная часть народа долго васъ обременяла. Согласіе, данное вами на спасительное возрожденіе 18 Брюмера, великодушная готовность, съ которою вы отказались отъ вашего вліянія, составлявшаго ваши преимущества; отъ вашихъ притязаній, которые иные считали правами; отъ вашихъ умозрѣній о совершенствѣ, которыя были предразсудками, хотя и болѣе философическими, но столь же суетными какъ дворянскими,—сложили съ васъ вину вашу. Вы вновь вступили въ сословіе гражданъ; вы пользуетесь равенствомъ. Вотъ ваши выгоды.

«Тѣмъ, которые сами производили Революцію, можно сказать: Вы всѣ имѣли въ виду одну цѣль и раздѣлились только въ средствахъ къ достиженію оной; вы желаете учредить законную свободу, законное равенство, законный порядокъ; что нужды подъ какими формами; болѣе или менѣе демократическими, болѣе или менѣе сосредоточенными. Системы занимаютъ людей праздныхъ, вводятъ въ заблужденіе легкомысленныхъ; но умные люди знаютъ что если и возможно предвидѣть нѣкоторыя обстоятельства, то совершенно нельзя угадать всѣ оныя и что единственно отъ ихъ согласія и совокупности происходятъ учрежденія, основывающіяся въ слѣдствіе великихъ политическихъ волненій. Результаты тѣ самые, какихъ вы желали; они удовлетворятъ всѣмъ умозрѣніямъ.

Вы долгое время тщетно искали порядка въ свободѣ и въ равенствѣ; вы наконецъ нашли свободу и равенство въ порядкѣ. Вотъ ваши выгоды.

«Тѣмъ, которые проливали кровь за свободу, можно сказать: Наслаждайтесь вашимъ завоеваніемъ; оно будетъ сіять предъ очами потомства всѣмъ блескомъ вашихъ знаменитыхъ подвиговъ; оно увѣковѣчится чувствами счастія, которыя вы раздѣлите съ народомъ, обязаннымъ вамъ за свою славу и независимость. Остается завоевать миръ; этого послѣдняго благодѣянія недостаетъ къ тѣмъ, которыми вы осыпали вашихъ согражданъ; они ожидаютъ его отъ вашей настойчивости и отъ вашего мужества. Вы возвратитесь тогда въ лоно вашей отчизны и въ почетномъ успокоеніи будете сбирать дань общественнаго удивленія и признательности. Вотъ какія будутъ ваши выгоды.»

ПИСЬМО КЛЕБЕРА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЕГИПЕТСКОЮ АРМІЕЮ КЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Въ лагерѣ Сальшіекъ, 10 Плювіоза X года.

»Подписавъ, Граждане Директоры, договоръ касательно выхода изъ Египта, прилагаю присемъ копію съ онаго. Подлинный договоръ за подписью Верховнаго Визиря, можетъ быть мнѣ врученъ не ранѣе какъ чрезъ нѣсколько дней, ибо размѣнъ долженствуетъ произойти въ Эль-Аришѣ.

«Я представилъ вамъ въ моихъ депешахъ отчетъ о положеніи,

въ которомъ находилась армiя. Я также увѣдомилъ васъ о переговорахъ, которые Генералъ Бонапарте началъ съ Верховнымъ Визиремъ и которые я долженъ былъ продолжать.

«Хотя въ эту эпоху я и мало надѣялся на успѣхъ сихъ переговоровъ, однакожъ полагалъ что они достаточно замедлятъ движенiя и военныя приготовленiя Верховнаго Визиря для того, чтобы дать вамъ время прислать мнѣ помощь людьми и оружiемъ или по крайней мѣрѣ приказанiя о томъ какъ мнѣ поступить въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился. Надежда моя получить помощь основывалась на томъ, что я зналъ что флоты Французскiй и Испанскiй находятся вмѣстѣ въ Тулонѣ и для выхода оттуда ожидаютъ только попутнаго вѣтра. Они дѣйствительно вышли оттуда, но только прошли проливъ и опять втянулись въ Брестскую гавань. Эта вѣсть сильно огорчила армiю, узнавшую въ тоже время о неудачахъ нашихъ въ Италiи, въ Германiи, въ Голландiи и даже въ Вандеѣ, между тѣмъ какъ повидимому не принимали никакихъ мѣръ въ остановленiю хода несчастiй, угрожавшихъ даже самому существованiю Республики.

«Между тѣмъ Визирь шелъ отъ Дамаска; съ другой стороны, въ началѣ Брюмера, предъ Дамiеттою явился флотъ; сперва онъ высадилъ четыре тысячи Янычаровъ, за которыми долженствовало послѣдовать столькоже. Но имъ не дали къ тому времени; первые были атакованы и, меньше чѣмъ въ полчаса совершенно разбиты. Кровопролитiе было ужасное; мы взяли у нихъ болѣе осми сотъ плѣнныхъ.

«Это происшествiе не помогло переговорамъ; Визирь, обнаруживая тѣже намѣренiя, останавливался на пути своемъ только для того чтобы устроивать обозъ свой и доставлять своему войску способы къ переходу. Въ армiи его находилось тогда до шестидесяти тысячъ человѣкъ; но другiе Паши слѣдовали за нимъ и сбирали рекрутъ во всѣхъ частяхъ Азiи до Кавказскихъ горъ. Голова сей армiи скоро достигла Яффы.

«Командоръ Сиръ Сидней-Смитъ написалъ ко мнѣ около этой эпохи, то есть за нѣсколько дней до Дамiетской высадки; и какъ мнѣ извѣстно было влiянiе его на Визиря, то я счелъ обязанностью, не только отвѣчать ему, но даже назначить мѣстомъ переговоровъ корабль, на которомъ онъ находился. Мнѣ

равно не хотѣлось, какъ принять у себя въ Египтѣ Англійскихъ или Турецкихъ уполномоченныхъ, такъ и послать моихъ въ лагерь этихъ послѣднихъ; предложеніе мое было принято и съ этой поры переговоры пошли рѣшительнѣе.

«Въ теченіе этого времени, война въ Верхнемъ Египтѣ продолжалась и Бен, до тѣхъ поръ разсѣянные, вознамѣрились присоединиться къ Мураду, который, безпрестанно преслѣдуемый, но не предававшійся отчаянію, привлекалъ къ себѣ Арабовъ и жителей области Беніузефа занимая и тревожа наши войска.

«Чума также угрожала намъ своими опустошеніями похищая у насъ множество людей въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ.

«Наконецъ 1 Нивоза, Генералъ Дезе и гражданинъ Пуссіельгъ, коихъ я назначилъ уполномоченными, открыли на кораблѣ Тигрѣ переговоры съ Сиднеемъ-Смитомъ, которому Верховный Визирь предоставилъ полномочіе для веденія оныхъ. Имъ слѣдовало держаться между Даміеттою и Александріею, но сильный вѣтръ заставилъ ихъ выйти въ открытое море, гдѣ они пробыли десять дней: а по истеченіи сего времени сошли на берегъ въ лагерь Визиря. Этотъ послѣдній двинулся къ Эль-Аришу и овладѣлъ 9 Нивоза сею крѣпостью. Онъ былъ обязанъ за этотъ успѣхъ только неимовѣрной трусости гарнизона, который сдался безъ боя на седьмой день осады.

«Это событіе было для насъ тѣмъ несчастнѣе, что Генералъ Ренье шелъ уже для того чтобы заставить снять блокаду до прибытія главнаго отряда Турецкой арміи.

«Съ этой минуты, нельзя было болѣе надѣяться продлить переговоры. Надлежало зрѣло обдумать опасность прерванія оныхъ, устранить личное тщеславіе и не подвергать всѣхъ Французовъ, коихъ жизнь была мнѣ ввѣрена, ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя дальнѣйшая отсрочка сдѣлала бы необходимыми.

«По послѣднимъ извѣстіямъ Оттоманская армія состояла изъ осмидесяти тысячъ человѣкъ и должна была еще болѣе усилиться; въ ней считали двѣнадцать Пашей, изъ коихъ шесть первостепенныхъ; и сорокъ пять тысячъ находилось предъ Эль-Аришемъ съ пятидесятью орудіями и соразмѣрнымъ тому числомъ зарядныхъ ящиковъ. Эту Артиллерію везли на лошакахъ

и двадцать пушекъ было еще въ Газѣ съ Резервнымъ Корпусомъ; остальныя войска находились въ Яффѣ и въ окрестностяхъ Рамле. Съ моря дѣятельно подвозили въ лагерь Визиря продовольствіе и всѣ Арабскія племена усердно содѣйствовали этой арміи доставивъ въ оную болѣе пятнадцати тысячъ верблюдовъ. Меня увѣряли что продовольствіе производилось въ оной въ совершенномъ порядкѣ. Всѣ эти войска были руководствуемы Европейскими Офицерами и съ каждою минутою ожидали отъ пяти до шести тысячъ Русскихъ.

«Этой арміи я могъ противопоставить восемь тысячъ пять сотъ человѣкъ, находившихся раздѣльно въ трехъ мѣстахъ: въ Каюе, въ Салагіе и въ Бельбеисѣ. Такое размѣщеніе было необходимо для того чтобы сдѣлать болѣе удобными сообщенія наши съ Каиромъ и быстро двинуться на помощь къ тому изъ этихъ мѣстъ, которое прежде другихъ будетъ атаковано. Дѣйствительно ихъ можно было всѣ обойти, что недавно и сдѣлалъ Эльфи Бей, который, въ продолженіе переговоровъ, вошелъ со своими Мамелюками въ Шаркіе, дабы соединясь съ Биллисскими Арабами итти къ Мураду въ Верхній Египетъ. Остатокъ арміи былъ размѣщенъ слѣдующимъ образомъ: тысяча человѣкъ, подъ начальствомъ Генерала Вердье находились для составленія гарнизона Лесбе, для собиранія податей деньгами и припасами и для удержанія въ повиновеніи страны между каналами Ашмунскимъ и Моесскимъ, скрытно подстрекаемой къ бунту Шейкомъ Лескама. Тысяча восемь сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Генерала Ланюсса составляя гарнизоны Розетты, Абукира и Александріи, обуздывали Дельту и Вагире; тысяча двѣсти человѣкъ остались въ Каирѣ и въ Гизе, давая конвой обозамъ арміи; наконецъ двѣ тысячи пять сотъ человѣкъ было разсѣяно въ Верхнемъ Египтѣ на чертѣ болѣе ста пятидесяти миль; они каждый день сражались съ Беями и ихъ сообщниками: всего вмѣстѣ было въ арміи пятнадцать тысячъ человѣкъ, могущихъ быть употребленными въ дѣло.

«Не смотря на такое неравенство силъ, я надѣялся одержать побѣду и рѣшился бы дать сраженіе, еслибъ былъ увѣренъ въ присылкѣ ко мнѣ помощи прежде сдѣланія высадки. Но когда оную уже сдѣлали а я не получилъ подкрѣпленій, то я принужденъ былъ послать покрайней мѣрѣ пять тысячъ человѣкъ

на берега: у меня оставалось еще пять тысячъ для защиты страны, со всѣхъ сторонъ открытой отъ вторженія тридцати тысячъ всадниковъ, вспомоществуемыхъ Арабами и жителями, не имѣя ни укрѣпленныхъ мѣстъ, ни продовольствія, ни денегъ, ни кораблей. Я долженъ былъ предвидѣть эту минуту и спросить у себя, что я тогда сдѣлаю для спасенія арміи. Не оставалось никакого способа къ избавленію; только съ оружіемъ въ рукахъ можно вести переговоры съ невѣжественными ордами варваровъ изувѣровъ, непризнающихъ никакихъ законовъ войны; очевидность этихъ причинъ поразила всѣхъ и заставила меня рѣшиться. Я далъ приказаніе моимъ уполномоченнымъ, въ такомъ только случаѣ прекратить перегововоры, еслибы имъ предложили условія, посягающія на нашу славу или безопасность.

«Въ заключеніе сего донесенія нужнымъ считаю, Граждане Директоры, замѣтить что обстоятельства моего положенія, не были предвидѣны въ инструкціи, оставленной мнѣ Генераломъ Бонапарте. Обѣщая прислать мнѣ скорую помощь, онъ основывалъ надежды свои, какъ выше упомянуто, на соединеніи Французскаго и Испанскаго флотовъ въ Средиземномъ морѣ; тогда вовсе не думали чтобы эти флоты воротились въ Океанъ чтобы Египетская Экспедиція, совершенно покинутая безъ помощи сдѣлалась поводомъ къ обвиненію тѣхъ, которые оную устроили.

«Впрочемъ Французская армія, во время пребыванія своего въ Египтѣ, запечатлѣла въ умахъ жителей воспоминаніе о ея побѣдахъ, о справедливости и умѣренности, съ которыми мы управляли, равно какъ чувство силы и могущества Государства, къ коему она принадлежитъ. Французское имя долго будетъ уважаемо не только въ этой области Оттоманской Имперіи но и на всемъ Востокѣ.

«Я надѣюсь прибыть во Францію съ арміею не позже какъ въ концѣ Преріаля.

КЛЕБЕРЪ.

НОТА, ВЫШЕДШАЯ ИЗЪ КАБИНЕТА ПЕРВАГО КОНСУЛА.

«Четырехтысячный отрядъ, составленный изъ 30 Полу-Бригады, изъ Полковъ 19 Драгунскаго и 3 Конпаго выступилъ сего утра изъ Парижа въ Дижонъ.

«Генералъ Бертье, Главнокомандующій Резервною арміею, имѣлъ въ Базелѣ свиданіе съ Главнокомандующимъ Моро. Въ эту декаду, военныя дѣйствія должны возобновиться на Рейнѣ.

«Генералъ Тюро, вышедъ изъ Бріансона двинулся къ Ексилю, оттуда къ Сузѣ и зашедъ чрезъ сіе въ тылъ отряда, посланнаго непріятелемъ къ горѣ Сенису, онъ не только принудилъ его, къ быстрому отступленію, но взялъ въ плѣнъ болѣе половины отряда.

«Главнокомандующій Массена, особенно уполномоченный Правительствомъ, расположилъ всѣ силы свои около Генуи. 104 Полу-Бригада, бывшая въ 7 Дивизіи, сдалась въ Генуѣ. Система войны, принятая Правительствомъ, состоитъ въ томъ чтобы держать всѣ войска въ сборѣ на какой либо точкѣ, благопріятной и для оборонительныхъ и для наступательныхъ дѣйствій. Посему пограничные Департаменты не должны тревожиться тѣмъ, что многія мѣста, занятыя войсками въ продолженіе всей войны, нынѣ остались безъ оныхъ. Взглянувъ на право и на лѣво, они увидятъ что многочисленныя арміи, тѣмъ болѣе грозныя что онѣ сосредоточены—не только угрожаютъ непріятелю, который вздумалъ бы гдѣ либо вторгнуться во Французскія владѣнія, но еще готовятся двинуться для того чтобы блистательными побѣдами отмстить за обиду, нанесенную нашему оружію въ послѣднюю кампанію.

«Взглянувъ назадъ, сіи Департаменты увидятъ пятидесятитысячную Резервную Армію, съ каждымъ днемъ усиливающуюся, готовую двинуться на право или на лѣво сообразно съ обстоятельствами войны и планами Правительства, въ воинскихъ талантахъ коего никто не сомнѣвается.

«Исторія замѣтитъ, что если Исполнительная Директорія и сдѣлала два года тому назадъ важную ошибку тѣмъ, что она не утвердила чрезъ Раштадтскій миръ—Кампо-Формійскаго, по

которому границы Рейна и Италіи находились невозвратно въ нашей власти, то Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ въ нынѣшнемъ году еще бо́льшую ошибку тѣмъ что, обольстясь успѣхами, пріобрѣтенными въ Италіи въ послѣднюю кампанію Императорскими Арміями,—онъ отказался отъ мира, которой непремѣнно улучшилъ бы въ его пользу условія Кампо-Формійскаго договора.

«Очень вѣроятно что колесо Фортуны еще разъ совершенно оборотится въ эту кампанію. Сановники, руководствующіе теперь политикою Французскаго Правительства, будутъ умѣть воспользоваться благопріятною минутою и утвердить оное.

«Юные Французы, если вы желаете участвовать въ толикой славѣ и содѣйствовать успѣхамъ, которые должны пристыдить въ одно время и внутреннихъ недоброжелателей и Махіавельскую политику Сен-Джемскаго кабинета; если вы желаете принадлежать къ арміи, долженствующей окончить войну Революціи, утвердивъ независимость, свободу и славу великаго народа, то къ оружію! къ оружію! спѣшите въ Дижонъ.

ДОГОВОРЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОСЛѢ МАРЕНГСКАГО СРАЖЕНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ: ФРАНЦУЗСКОЮ И ИМПЕРАТОРСКОЮ АРМІЯМИ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Всеобщее прощеніе и прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій будутъ между арміями Е. И. В. и Французской Республики до полученія отвѣта отъ Вѣнскаго Двора.

II. Армія Е. И. В. займетъ всѣ земли между Минчіо, Фосса Маестрою и По; то есть Пескіеру, Мантуу, Борго-Форте; а оттуда лѣвый берегъ По; на правомъ же берегу городъ и Ферарскую цитадель.

III. Армія Е. И. В. также займетъ Тоскану и Анкону.

IV. Французская армія займетъ земли между Кіезою, Огліо и По.

V. Страна между Кіезою и По не будетъ занята ни которою изъ двухъ армій. Арміи Е. В. предоставится снабжать себя съѣстными припасами изъ той части страны сей, которая принадлежала къ Герцогству Мантуѣ. Французская армія будетъ получать себѣ продовольствіе изъ земель, принадлежащихъ къ Области Бресціи.

VI. Замки Тортона, Александрія, Миланъ, Туринъ, Пичигитоне, Аріона и Піаченца, будутъ сданы Французской арміи отъ 27 Преріаля до 1 Мессидора или отъ 16 до 20 Іюня.

VII. Мѣстечко Кони, замки Сева, Савона и городъ Генуа, будутъ сданы Французской арміи отъ 16 до 24 Іюня или отъ 27 до 5 Мессидора.

VIII. Крѣпость Урбино будетъ сдана 26 Іюня, 7 Мессидора.

IX. Крѣпостная Артиллерія распредѣлится слѣдующимъ образомъ. 1-е Вся Артиллерія Австрійскаго литья и калибра будетъ принадлежать Австрійской Арміи; 2-е Италіянскаго же, Піемонтскаго и Французскаго литья и калибра—поступитъ во Французскую Армію; 3-е съѣстные припасы будутъ раздѣлены: половину оныхъ возьметъ въ свое распоряженіе Провіантмейстеръ Французской Арміи а другую половину, Провіантмейстеръ Австрійской Арміи.

X. Гарнизоны выйдутъ съ воинскими почестями и отправятся съ оружіемъ и съ багажемъ, ближайшею дорогою въ Мантуу.

XI. Австрійская Армія пойдетъ въ Мантуу чрезъ Піаченцу тремя колоннами: первая отъ 27 Преріаля до 1 Мессидора (отъ 16 до 20 Іюня); 2-я отъ 1 до 5 Мессидора (отъ 20 до 24 Іюня) а третья отъ 5 до 7 Мессидора (или отъ 24 до 26 Іюня).

Гг. Артиллерійскій Генералъ Сен-Жульенъ де Швертингъ; Инженерный де Брюнъ; Провіантмейстеръ Тельсіежс, и Граждане Дежанъ, Государственный Совѣтникъ и Дарю, Инспекторъ при смотрахъ; Генералъ-Адъютантъ Леопольдъ Штабенцатъ и Бригадный Командиръ Артиллеріи Моссе, назначены Комисарами для приведенія въ исполненіе настоящаго договора, какъ по составленію описей, такъ касательно продовольствія, отправокъ и всѣхъ другихъ предметовъ.

XIII. Никто не подвергнется взысканію за услуги, оказанныя Австрійской Арміи или за политическія мнѣнія. Главнокомандующій Австрійскою Арміею прикажетъ освободить всѣхъ людей, взятыхъ подъ стражу въ Цизальпинской Республикѣ за политическія мнѣнія и содержимыхъ въ крѣпостяхъ, ему подвѣдомственныхъ.

XIV. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ изъ Вѣны, а ни которая изъ арміи не сдѣлаетъ нападенія на другую, не предупредивъ оную о томъ за десять дней.

XV. Въ продѣленіе перемирія, ни которая изъ армій не пошлетъ отрядовъ въ Германію.

Александрія, 26 Преріаля VIII года Французской Республики (15 Іюня 1800).

АЛЕКСАНДРЪ БЕРТЬЕ.

МЕЛАСЪ, Генералъ отъ Кавалеріи.

Съ подлиннымъ вѣрно:

ДЮПОНЪ, Начальникъ Главнаго Штаба.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ ГРАФОМЪ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОМЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ СЮШЕТУ, ДЛЯ ИСПОЛНЕНІЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННАГО ОБОЮДНО МЕЖДУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ АРМІЯМИ АВСТРІЙСКОЮ и ФРАНЦУЗСКОЮ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Линія аванпостовъ къ сторонѣ Понента будетъ простираться отъ устья Польсеверы до втеченія въ оную Секхи и пойдетъ по вышеупомянутой рѣкѣ и Садиселлѣ до хребта

горъ. Правые берега будутъ заняты Французами, а лѣвые Австрійцами.

II. Никто какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, не будетъ притѣсняемъ за мнѣнія или за то что носилъ оружіе или служилъ Императорскому Правительству.

Отвѣтъ. Сіе уже опредѣлено въ XIII статьѣ договора, заключеннаго между Главнокомандующими Бертье и Меласомъ 26 Преріаля или 15 прошедшаго Іюня.

III. Больные, не отправленные 24 числа, могутъ быть безпрепятственно отправлены и позднѣе сего; въ послѣдствіе чего Императорской флотиліи будетъ дозволено остаться до тѣхъ поръ въ Генуезской гавани.

Отвѣтъ. Касающееся до исполненія сей статьи, должно быть опрѣдѣлено Французскими и Австрійскими Комисарами, назначенными въ XII статьѣ вышеупомянутаго договора. Всекопечно отправленіе Австрійскихъ больныхъ и послѣ срока, назначеннаго для сдачи мѣстъ, не будетъ предметомъ спора.

IV. Проѣздъ въ Савону сухимъ путемъ будетъ свободенъ.

Отвѣтъ. Проѣздъ сей будетъ свободенъ равно какъ обоюдно и чрезъ всѣ прочіе посты Французскіе или Австрійскіе.

V. До тѣхъ поръ, никто изъ Французской Арміи не проѣдетъ чрезъ аванпосты въ Генуу не предваривъ о томъ Графа Гогенцоллерна.

Отвѣтъ. Согласны.

VI. Графъ Гогенцоллернъ извѣщаетъ Французскаго Генерала, что онъ не принималъ никакого участія въ происшедшемъ между Англичанами и городомъ Генуею.

Отвѣтъ. Статья сія подлежитъ разсмотрѣнію Комисаровъ назначенныхъ договоромъ, упомянутымъ въ отвѣтѣ на II Статью.

VII. Графъ Гогенцоллернъ требуетъ удовлетворенія за происшедшее съ Казальскимъ Полкомъ.

Отвѣтъ. Это дѣло будетъ изслѣдовано.

VIII. Если Г. Г. Комисары Императорскіе и Французскіе не прибудутъ въ Генуу 22 числа къ пяти часамъ вечера, то будетъ дружески условлено какимъ образомъ Австрійскія войска выступятъ изъ Генуи сообразно съ приказомъ, полученнымъ на

счетъ сего Графомъ Гогенцоллерномъ который назначилъ выступленіе 24 числа сего мѣсяца.

Отвѣтъ. Обѣ стороны сберутся для соглашенія касательно исполненія договора, упомянутаго въ отвѣтѣ на II статью.

Подписано: ГРАФЪ де БЮССИ, *уполномоченный отъ Графа Гогенцоллерна.*
Генералъ-Адъютантъ, Начальникъ Штаба Генералъ-Лейтенанта Сюшета уполномоченный отъ него ПРЕВАЛЬ.
Бригадный Командиръ Инженеровъ уполномоченный отъ Генералъ-Лейтенанта Сюшета Л. МАРЕ.

Съ *подлиннымъ вѣрно: Генералъ-Лейтенантъ* СЮШЕТЪ.

БЮЛЕТЕНЬ МАРЕНГСКАГО СРАЖЕНІЯ.

Торре де Гарафола, 26 Преріаля VIII года.

«Послѣ Монтебеллскаго сраженія, армія двинулась съ тѣмъ чтобы перейти чрезъ Скривію. Авангардъ, подъ предводительствомъ Генерала Гарданна, 24 числа встрѣтилъ непріятеля, защищавшаго путь къ Бормидѣ и три моста, которые онъ имѣлъ близъ Александріи,—опрокинулъ его и взялъ у него двѣ пушки и сто плѣнныхъ.

«Дивизія Генерала Шабрана подходила въ тоже время по берегу рѣки По, противъ Валенціи дабы воспрепятствовать непріятелю перейти чрезъ сію рѣку. Такимъ образомъ Генералъ Меласъ былъ окруженъ между Бормидою и По. Единственный путь отступленія на Генуу, оставшійся ему послѣ Монтебеллскаго сраженія былъ отрѣзанъ. Казалось что непріятель не принялъ еще никакого намѣренія и находился въ нерѣшимости касательно своихъ движеній.

«25 числа на разсвѣтѣ, непріятель перешелъ чрезъ Бормиду

въ этихъ трехъ точкахъ, рѣшась прорваться; двинулся большою силою, внезапно ударилъ на нашъ авангардъ и съ величайшею живостью началъ Марентское сраженіе, рѣшившее наконецъ жребій Италіи и Австрійской Арміи.

«Четыре раза въ продолженіе боя, мы отступали и четыре раза опять шли впередъ. Болѣе шестидесяти пушекъ было съ обѣихъ сторонъ, на разныхъ точкахъ и въ разные часы, взято и обратно отбито. Произведено болѣе двѣнадцати кавалерійскихъ натисковъ съ различнымъ успѣхомъ.

«Было три часа послѣ полудня; десять тысячъ человѣкъ конницы обходили нашъ правый флангъ въ прекрасной Сен-Жюліенской долинѣ. Они были поддерживаемы кавалерійскою линіею и многочисленною Артиллеріею. Гвардейскіе Гренадеры были поставлены какъ гранитный редутъ посреди этой обширной долины. Ничто не могло сбить ихъ; Кавалерія, Пѣхота, Артиллерія, все было направлено противъ этого баталіона, но тщетно. Тогда только дѣйствительно увидѣли, что можетъ сдѣлать горсть храбрыхъ людей.

«Чрезъ сіе упорное сопротивленіе, лѣвое крыло непріятеля было удержано а нашъ правый флангъ подкрѣпленъ до прибытія Генерала Моніе, который взялъ штыками деревню Кастель-Каріоло.

«Тогда непріятельская Кавалерія быстро ударила на лѣвый нашъ флангъ, которой былъ уже разстроенъ. Это движеніе ускорило его отступленіе.

«Непріятель подвигался впередъ по всей линіи, производя картечный огонь болѣе чѣмъ изо ста орудій. Дороги покрылись бѣглецами, ранеными, обломками; сраженіе казалось проиграннымъ; непріятель былъ допущенъ на ружейный выстрѣлъ до деревни Сен-Жуліена, гдѣ стояла въ боевомъ порядкѣ Дивизія Генерала Дезе съ осмью легкими Артиллерійскими орудіями предъ оною и съ построенными въ густыя колонны двумя Баталіонами на флангахъ. Всѣ бѣглецы собрались за нею; между тѣмъ непріятель дѣлалъ уже ошибки, предвѣщавшія ему бѣду; онъ слишкомъ растянулъ свои крылья.

«Присутствіе Перваго Консула одушевляло войска: *Дѣти* говорилъ онъ имъ, *вспомните что я привыкъ ночевать на полѣ сраженія.*

«Съ кликами: *Да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Первый Консулъ!* Дезе ударилъ на непріятеля, который въ мигъ былъ опрокинутъ. Генералъ Келлермапъ, цѣлый день прикрывавшій со своею Бригадою тяжелой Кавалеріи, отступленіе нашего лѣваго крыла, сдѣлалъ натискъ съ такою силою и такъ кстати, что шесть тысячъ Гренадеровъ и Генералъ Цахъ, Начальникъ Штаба, были взяты въ плѣнъ, а многіе непріятельскіе Генералы убиты.

«Вся армія послѣдовала этому движенію: правый флангъ непріятеля былъ отрѣзанъ. Смущеніе и ужасъ распространились въ рядахъ его.

«Австрійская Кавалерія двинулась къ центру дабы прикрыть отступленіе. Бригадный Командиръ Бессіеръ, предводительствуя Гвардейскими Гренадерами, пошелъ въ атаку съ такою быстротою и храбростью, что прорвался сквозь непріятельскую Кавалерію, что довершило пораженіе арміи. Мы взяли пятнадцать знаменъ, сорокъ пушекъ, и отъ шести до осьми тысячъ плѣнныхъ. Болѣе шести тысячъ непріятелей легло на полѣ сраженія.

9-й Легкій Полкъ заслужилъ имя несравненнаго; тяжелая Кавалерія и 8 Драгунскій Полкъ покрыли себя славою. Наша потеря также значительна. У насъ убито шесть сотъ человѣкъ, тысяча пять сотъ ранено и девять сотъ взято въ плѣнъ. Генералы Буде, Шампо и Менони ранены.

«Одежда Главнокомандующаго Бертье прострѣлена пулями; подъ многими изъ его Адъютантовъ убиты лошади; но потеря, живо ощущаемая всею арміею и которую раздѣлитъ Республика, — не дозволяетъ намъ предаваться радости. Дезе былъ пораженъ пулею при самомъ началѣ атаки его Дивизіи; онъ палъ, успѣвъ только вымолвить молодому Лебрёню, бывшему при немъ: *Поѣзжай къ Первому Консулу и скажи ему что я умираю сожалѣя о томъ, что не довольно сдѣлалъ для того чтобы жить въ потомствѣ.*

«Генералъ Дезе, въ продолженіе своей жизни былъ три раза раненъ и подъ нимъ убито четыре лошади. Онъ прибылъ въ Главную квартиру только три дня тому назадъ; онъ горѣлъ желаніемъ сразиться и два или три раза говорилъ наканунѣ своимъ

Адъютантамъ: *Я ужъ давно не дрался въ Европѣ. Ядра насъ не знаютъ; съ нами что нибудь случится.* Когда въ пылу битвы Первому Консулу донесли о смерти Дезе, то онъ сказалъ одно только слово: *Зачѣмъ мнѣ не позволено плакать?* Тѣло его перевезено на почтовыхъ въ Миланъ, гдѣ оно будетъ бальзамировано.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

и

ВТОРАГО ТОМА.

Digitized by Google

REGIONE LAZIO - ASSESSORATO CULTURA
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI
RL 028223
Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

Тюлієри.—Предвидѣніе царскаго сана.—Народъ правъ.—Термометръ мнѣнія.—Прогулка по галереѣ.—Замѣчательное изреченіе.—Дипломатическій Корпусъ.—Торжественное представленіе. — Г-жа Бонапарте и Королева.—Счастливое похищеніе.—Г. Дефе.—Отложеніе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти.—Г. Фротте.—Безполезный успѣхъ.—Изученіе Вандейцевъ.—Воспоминаніе о Шареттѣ. — Собственноручное письмо.—Обстоятельныя подробности. — Генералъ Траво и Шареттъ.—Одежда осужденнаго.—Одна минута волненія.—Мужественная смерть.—Боязнь междоусобія.—Жоржъ допущенъ къ частному свиданію.—Осторожность Раппа и довѣрчивость Бонапарте.—Жаркій разговоръ.—Мнѣніе Наполеона о Жоржѣ. . . 1

ГЛАВА II.

Достоинство Франціи. — Напперъ-Тенди и Блаквель.—Французскіе и Англійскіе подданные. — Выдача.—Жалоба Французскаго Правительства Гамбургскому Сенату.—Взятка по Египетски.—Четыре съ половиною миліона, непоступившіе въ Государственую казну.—Раздача этой суммы. — Недѣйствительный вексель.—Безполезный подарокъ.—Неблагопріятный отвѣтъ Г. Фермона. — Пятнадцать тысячъ франковъ

Digitized by Google

Стр.

въ ящичкѣ письменнаго стола. — Долги Іозефины.— Извѣщеніе, сдѣланное Талейраномъ.—Намѣреніе расплатиться.—Затрудненіе Іозефины. — Признаніе въ половинѣ. — Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ.— Уплаченные долги.—Прогулки на большой дорогѣ. —Любезность Іозефины.—Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ.—Мой Рюельскій домикъ. —Вѣчные просители. — Образъ жизни въ Парижѣ. —Сѣрый сертукъ.—Вечернія и утреннія прогулки.— Бонапарте бранитъ Перваго Консула. 20

ГЛАВА III.

Война и памятники.—Вліяніе воспоминаній о Египтѣ.— Любовь къ великимъ вещамъ. — Г. Лекоптъ.—Гг. Персье и Фонтенъ.—Первыя украшенія Парижа.— Орсейская набережная. — Неправильности Лувра и Тюліери.—Проэктъ постройки поперечной галереи. —Оставленъ.—Смѣты и отчеты. — Мальмезонъ становится слишкомъ малъ. — Сен-Клу.—25,000 франковъ царедвордца.—Мостъ Художествъ.—Совѣтъ Гг. Персье и Фонтена, согласный съ моимъ. — Упрямство Бонапарте.—Счастливое послѣдствіе адской машины.—Колонна. — Набережныя.—Улицы.—Пароеонъ и Биржа.—Памятники.—Проэкты Консульства исполненные по учрежденіи Имперіи.—Дворецъ Короля Римскаго.—Чертоги Посланниковъ.—Храмъ славы. — Постройка *некрополиса* въ Парижѣ.— Любовь къ Франціи и потребность оставить по себѣ память въ потомствѣ.—Присоединенныя области. —Туринскій мостъ.—Внезапно устроенная дорога.— Большой мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки. —Дорога въ Савоію.—Гора Сенисъ и Симплонъ.— Нѣтъ больше Альпъ. 36

ГЛАВА IV.

Моя работа.—Распечатываемыя мною бумаги.—Топогра-

Стр

фическое отдѣленіе.—Списокъ назначеніямъ.—Секретная переписка.—Отвѣтственность. — Рѣдкость выѣздовъ моихъ со двора.—Содержаніе.—Возстановленіе народнаго просвѣщенія.—Французскій Пританей.—Бонапарте посѣщаетъ его. — Вопросы и награды.—Три дипломатическіе воспитанника.—Міакцинскій.—Трагическое происшествіе. — Волонтеры *чижики* и гнѣвъ за шутку.—Совѣтъ ученыхъ наградъ. — Искусныя ограниченія. — Тронше и Таржс.—Щедрость по расчету.—Лоншанъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консулъ и танцовщикъ. 54

ГЛАВА V.

Дѣйствіе времени на событія. — Дневникъ Острова Св. Элены и истина. — Неполныя воспоминанія Наполеона.—Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте.—Женщины и Сен-Жерменское предмѣстіе.—Предсказаніе Г-жи Вильнёвъ Г-жѣ Бонапарте. — Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣсяцевъ.—Перемѣненное выраженіе.—Разговоръ въ Мальмезонѣ. — Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія. — Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбонахъ.—Женскіе толки. 67

ГЛАВА VI.

Миръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предварительныя мѣры къ походу.—Булавочная война.—Удивительное предвидѣніе.—Генуа и Меласъ.—Карно.—Военный Министръ.—Насмѣшливое письмо къ Бертье.—Веселость Перваго Консула.—Приглашеніе въ Тюлери Г-на Колло.—Колебанія и убѣжденія.—День наканунѣ отъѣзда. — Наставленія Луціану и Камбасересу. — Іосифъ Государственный Совѣтникъ.

Стр.

—Разговоръ въ дорогѣ.—Сужденіе Наполеона объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкательства. 80

ГЛАВА VII.

Внутреннія и внѣшнія дѣла. — Конскрипты. — Увѣренность Перваго Консула въ своихъ солдатахъ.—*Моя* прекрасная Франція —Бернардинскій монастырь.— Три дня скуки.—Переходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ. —Вопросы Наполеона своему проводнику.—Прибытіе въ Монастырь. — Раздача съѣстныхъ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора Альбаредо. —Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Бардъ. —Ночлегъ въ Ивре.—Счастливая отвага.—Смѣлость и геній.—Бонапарте и Меласъ.—Ланнъ въ Монтебелло. — Двойной шпіонъ. — Полезныя свѣдѣнія.— Мнѣніе Бонапарте о Неккерѣ. 90

ГЛАВА VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата. — Перехваченная депеша.—Ланнъ въ Монтебелло. — Слова Ланна.— Письмо Дезе. — Дезе назначенъ вмѣсто Буде.—Искренняя дружба Наполеона. — Холодность Перваго Консула къ Г. Колло. — Разговоръ и воспоминанія. —Легкомысліе Г-жи Бонапарте.—Рѣшимость разлучиться съ нею. — Приглашеніе къ завтраку.—Трудность прощенія. — Пріемный сынъ Наполеона. — Слезы Гортензіи. — Примиреніе. — Причина холодности Бонапарте.—Ложный доносъ.—Скромность.— Вѣрный расчетъ.—Маренго.—Проигранное сраженіе. —Сужденіе Дезе.—Генералъ Келлерманъ. — Удивительный натискъ. — Услуга, внутренно чувствуемая, появно непризнанная. — Почтъ-Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горесть Перваго Консула —Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ.—Суровыя условія.—

Digitized by Google

Стр.

Твердость Наполеона. — Возвращеніе въ Миланъ.— Адъютанты Дезе. 104

ГЛАВА IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консуламъ.—Черта первенства. — Второе пребываніе въ Миланѣ.—Бонапарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминаніе о Брюмерѣ.—Нетерпѣливость Наполеона въ Директоріи. — Письмо Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. — Одряхлѣвшее Правительство.— Наемъ дома въ Сен-Клу. — Мои Миланскія замѣчанія.—Себастіани и Жюбе. — Бонапарте и Боттотъ. —Вспышка.—Директорія и позоръ.— Вдохновительный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Ланнъ.— Настойчивость Наполеона.—Сен-Клудская оранжерея.—Благоразуміе представителей.—Шумное разогнаніе.—Возвращеніе Салисетти.—Вечернее засѣданіе. —Представители и лакеи.—Ужинъ въ Сен-Клу.— Гг. Талейранъ и Семонвиль.—Сіесъ и Рожеръ Дюко. —Фуше.—Причины холодности Перваго Консула. . 125

ГЛАВА X.

Письмо Луціана къ Іосифу Бонапарте. — Молебенъ и фонды.—Страхъ Луціана въ Парижѣ. — Проэктъ праздника.—Расчеты.—Госпожа Мюратъ.—Госпожа Грасини. — Возвращеніе Перваго Консула —Приключенія въ дорогѣ. — Опрокинутая карета.—Трудность составить себѣ великое имя.—Дезе и Клеберъ. — Описаніе Египетскаго Дворца.—Клеберъ.—Истина о Бонапарте и Клеберѣ.—Прибытіе курьера.—Торопливость Наполеона. — Ночная сцена.—Сильное огорченіе. 155

ГЛАВА XI.

Попытки къ переговорамъ.—Любопытное письмо одного

Стр.

эмигранта. — Двадцать пять луйдоровъ, данные въ долгъ отцу Наполеона. — Уплата долга вдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ.—Домашнія подробности.—Колокольчикъ въ кабинетѣ.—Канцелярскій писецъ.—Заговоръ Церакки и Арены.—Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островѣ Св. Элены.—Шёнбрунскій фанатикъ.—Другой таинственный изувѣръ. — Поощренный заговоръ.—Гаррель.—Доносъ и награда.—Утайка отъ Фуше.—Необходимость ему открыться.—Совѣтъ Консуловъ.—Бонапарте въ Оперѣ съ Дюрокомъ и со мною.—Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой.—Гаррель, Венсенскій Комендантъ.—Молочная сестра Герцога Ангенскаго.—Замѣчаніе. . . . 173

ГЛАВА XII.

3 число Нивоза.—Трудная истина.—Невѣдѣніе Полиціи.—Гайденова ораторія.—Адская машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ.—Скорое возвращеніе въ Тюлери.—Стеченіе народа.—Гнѣвъ Бонапарте противъ Якобинцевъ.—Хладнокровіе Фуше.—Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ. — Исправленная ошибка.—Странное донесеніе Фуше.—Самовластное осужденіе.—Г. Тиссо, спасенный и признательный.—Составленіе списка осужденныхъ.—Опытъ Трюге.—Упорство Перваго Консула.—Настоящія причины Наполеона. Вина и извиненіе. — Предусмотрительная лесть.—Оправданіе Фуше.—Открытіе настоящихъ виновниковъ.—Фуше въ Мальмезонѣ.—Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены.—Казнь. . . 187

ГЛАВА XIII.

Наслѣдственная власть.—Сочиненіе *Цесарь, Кромвель* и *Бонапарте*.—Разговоръ Бонапарте съ Фуше.—Тонкость сего послѣдняго.—Собственноручныя отмѣтки

Стр.

Наполеона. — Притворный гнѣвъ.—Отрѣшеніе Луціана.—Выгодное посольство.—Объявленіе Испаніею войны Португаліи.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеонова брата.—Разставленныя сѣти.—Лишеніе довѣренности. — Трехдневная размолвка.—Школьничья штука. — Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе—Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе. —Доброта Госпожи Бонапарте.—Нескромность Перваго Консула. 203

ГЛАВА XIV.

Воспоминанія.—Народные клики и голосъ Іозефины.—Учрежденіе Правительства въ Піемонтѣ.—Французскій языкъ въ Піемонтѣ.—Цизальпинская Консульта. —Правительство вмѣсто Республики —Дѣятельность Перваго Консула. — Назначеніе Келлермана.—Надпись на почетныхъ саблях. — Награды Рейнской арміи.—Медаль. — Резервная армія и притворная скромность.—Генералъ Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Іюля.—Подписка.—Памятникъ Дезе. — Знамена Маренгскія, Италіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ.—Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренна въ Инвалидномъ домѣ. —Счастливая ораторская выходка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона. 214

ГЛАВА XV.

Австрія, связанная Англіею. — Г. Сен-Жюліенъ въ Парижѣ.—Порученіе Дюрока.—Прерванное перемиріе. —Уступка трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Требованіе отдѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Италію.—Лихоимство.—Затрудненія при сдачѣ Генуи.—Умѣренность Перваго Консула.—Переходъ

Стр.

чрезъ Минчіо и чрезъ Дунай.—Перемиріе на сухомъ пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.—Гогенлинденская битва. — Радость Наполеона.—Госпожа Моро въ Тюліери.—Женскіе толки. — Госпожа Гюло въ Мальмезонѣ. — Холодность Наполеона.—Г. Кобенцель въ Парижѣ.—Люневильскій Конгресъ.—Кларкъ. —Искусный отвѣтъ Г-на Маре. 227

ГЛАВА XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обороты Іосифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и странный совѣтъ Талейрана.—Пересылка чрезъ почту. —Необходимость имѣть хорошій столъ. — *Эдуардъ въ Шотландіи.* — Вліяніе дѣвицы Конта —Снисходительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.— *Передняя.*—Лакейскія ливреи и Гревская площадь. —Исключеніе со сцены нѣсколькихъ піесъ.—Бонапарте въ Сен-Кантенѣ. — Я остаюсь въ Парижѣ.— Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фультонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона. — Смерть Императора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Новыя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Петербургѣ.— Отвергнутое предложеніе. — Смерть Аберкромбія.— Истина и льстецы 238

ГЛАВА XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбонъ и Марія-Луиза Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.— Графъ Ливорнскій въ Парижѣ.—Данныя Министрами празднества.—Изящный вкусъ Г. Талейрана.— Первый пріѣздъ Графа Ливорнскаго въ Мальмезонъ. —Разборчивая внимательность Наполеона. — Представленіе *Эдипа.*—Сужденіе Наполеона о Королѣ Этрурскомъ.—Жена, вразумляющая своего мужа.— Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Пер-

Стр

ваго Консула.—Отъѣздъ Короля и Королевы во Флоренцію.—Дурной пріемъ.—Переговоры съ Папою.—Мнѣніе Бонапарте о вѣрѣ.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебенъ въ Соборѣ Богородицы.—Неприличія въ церкви.—Безвѣріе Консульскаго двора.—Отзывъ Ожеро — Первая обѣдня въ Сен-Клу.—Обѣдня во внутреннихъ покояхъ.—Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ. 252

ГЛАВА XVIII.

Послѣдняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмиралъ Гантомъ —Нерѣшительность.—Гг. Пуссіельгъ и Доръ. — Средство угодить Наполеону.—Лесть Генерала Мену.—Письмо его къ Бонапарте.—Египетъ, замѣняющій Антильскіе острова.—Размышленія о торговлѣ —Награды, данныя Мену.—Даву.—Причины непріязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона. — Сожалѣніе Перваго Консула о томъ что онъ ввѣрилъ Мену главное начальство.—Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ. — Упрямство Гантома.—Неспособность Мену.—Французъ-Турокъ.—Обманчивыя надежды Наполеона.—Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній. — Г. Отто въ Лондонѣ.—Отсутствіе Талейрана.—Вовремя подписанныя предварительныя условія. 267

ГЛАВА XIX.

Самая достославная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытные помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная.—Бонапарте и Англійскіе журналы. — Ненависть Перваго Консула къ свободѣ тисненія. — Жалобы

Стр.

Британскому Правительству на Англійскіе журналы. —Пельтье и журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu). —Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу.— Равнодушіе Англійскихъ Министровъ къ журнальной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безполезное осужденіе.—Генералъ Леклеркъ.—Сен-Доминг-ская экспедиція.—Тщетная попытка противъ независимости Негровъ.—Туссенъ-Лувертюръ.—Смерть его. —Ложные слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Генерала Рошамбо. 282

ГЛАВА XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортензіи.—Тайное свершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго Консула къ обрядамъ вѣры.—Предпочтеніе къ Дюроку.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ — Прошки Іозефины.—Рѣшеніе Наполеона въ пользу Дюрока. — Перемѣна положенія. — Утѣшеніе Дюрока. — Новая ошибка острова Св. Элены. — Тюлерійскій кабинетъ и будуаръ. — Ложь и явное опроверженіе.—Могущество клеветы. 294

ГЛАВА XXI.

Два президентства, возвѣщающія два престола.—Цизальпинская Консульта, собранная въ Ліонѣ.—Путешествіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невѣжливость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.— Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію Наполеона. — Позволительная лесть. — Праздникъ Г-жи Мюратъ.—Бонапарте, царь празднества и обхожденіе его съ дамами.—Наполеонъ беретъ къ себѣ въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигрантовъ.—Жаркое преніе въ совѣтѣ объ имуществѣ эмигрантовъ.—Торжество Революціи. — Доказательство, взятое съ острова Св. Элены. 304

Digitized by Google

Стр.

ГЛАВА XXII.

Порученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія. —Недостатокъ способовъ.—Непріязненныя выраженія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ.— Страданія Наполеона. — Предчувствіе.—Корвизаръ, врачъ Бонапарте и главный Императорскій Медикъ. —Вліяніе физическихъ болей на характеръ Бонапарте.—Изорваніе статьи, приготовленной для *Монитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генералъ Андреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетѣ Перваго Консула. — Расточительность Іеронима Бонапарте. — Строгое письмо его брата.—Письмо Іеронима.—Геліогабалъ въ маломъ видѣ.—Ненасытность братьевъ Наполеона. — Г. Колло. — Поставки для флота.—Финансовыя правила Перваго Консула. . . 316

ГЛАВА XXIII.

Вошедшая въ пословицу лживость бюлетеней.—Исторія по Монитёру. — Несправедливости Наполеона противъ славы.—Защита и сдача Мальты Генераломъ Вобуа.—Г. Дубле.—Поддѣльное письмо.—Безполезныя требованія и дѣйствія.—Учрежденіе Почетнаго Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтѣ и въ Правительственныхъ мѣстахъ.—Слабый перевѣсъ голосовъ. — Монархическія мысли Г. Талейрана.— Приверженцы наслѣдственнаго правленія.—Странная угрюмость Луціана.—Зародышъ пожизненнаго Консульства.—Предпочтеніе самовластія свободнымъ постановленіямъ.—Притворное смиреніе.—Ограниченія Сената.—Чрезвычайная щедрость Государственнаго Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.— Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де Лафайетъ послѣ Маренго въ Тюлери. — Праздникъ данный Американцамъ. — Письмо Г. Лафайета къ Первому Консулу.—Голосъ, поданный условно и съ оговоркою. 328

Digitized by Google

Стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

Адресъ вольнаго Имперскаго города Гамбурга Консуламъ Французской Республики. 351

Докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о Французскомъ Пританеѣ. 357

Докладъ Г. Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи. 360

О состояніи Франціи съ 18 Брюмера. 365

Письмо Клебера, Главнокомандующаго Египетскою Арміею къ Исполнительной Директоріи Французской Республики. 372

Нота, вышедшая изъ кабинета Перваго Консула. . . . 377

Договоръ, заключенный послѣ Маренгскаго сраженія между Главнокомандующими: Французскою и Императорскою арміями въ Италіи. 378

Предварительныя статьи, предложенныя Генералъ-Лейтенантомъ Графомъ Гогенцоллерномъ Генералъ-Лейтенанту Сюшету. 380

Бюлетень Маренгскаго сраженія. 382

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google